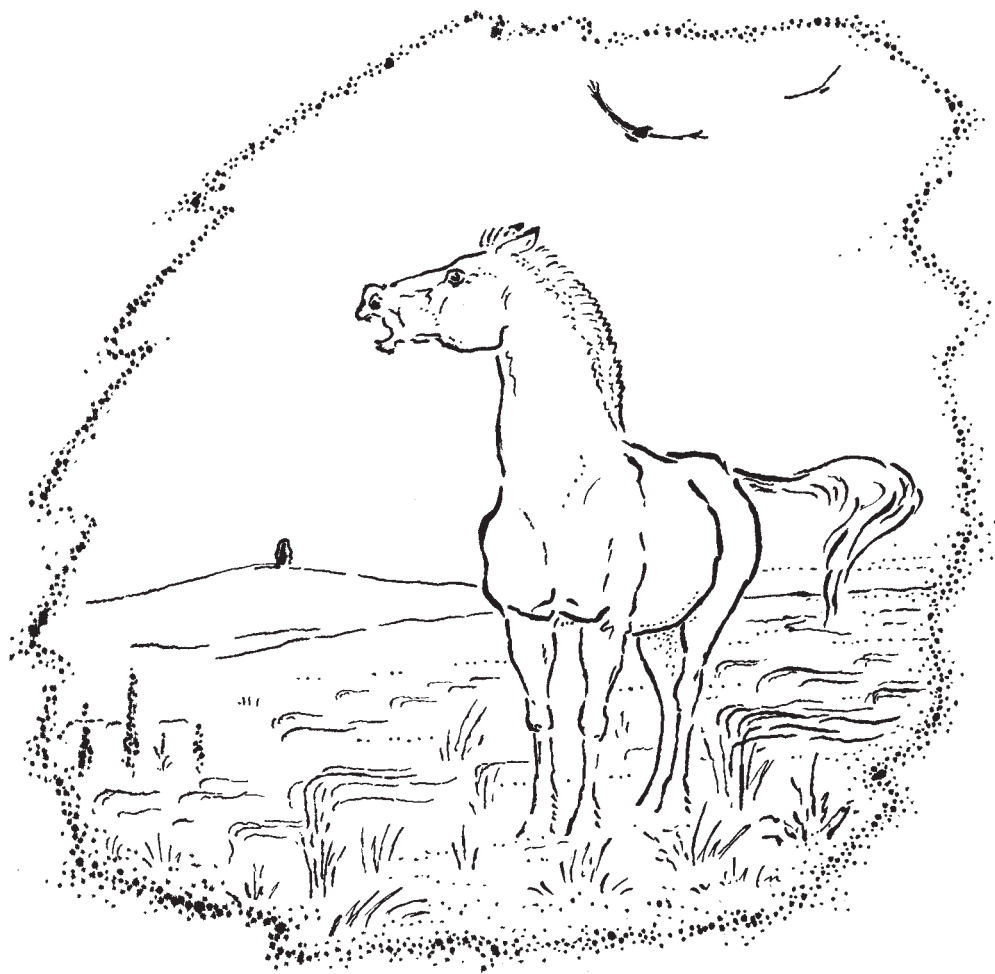

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 1
Выпуск 1

1999

Редакционная коллегия:

Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Листопад О.Г., Украина
Морохин Н.В., Россия, кандидат филологических наук
Симонов Е.А., Россия
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор биологических наук

Адрес редакции:

Украина,
252218, г. Киев,
ул. Радужная, 31-48

e-mail: vladimir@kekz.freenet.viaduk.net

Address:

Raduzhnaya str. 31-48
252218 Kiev
Ukraine

Humanitarian ecological journal

Volume 1 • Issue 1 • 1999

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров
Издатель — Киевский эколого-культурный центр

Компьютерный макет — В.Н. Грищенко, Е.Д. Яблоновская-Грищенко
Обложка — тарпан, рис. С.А. Лопарева

© Гуманитарный экологический журнал, 1999
© Киевский эколого-культурный центр, 1999
© Humanitarian ecological journal, 1999
© Kiev ecological and cultural centre, 1999

ОТ РЕДАКЦИИ

“Гуманитарный экологический журнал” — это первое периодическое издание на просторах бывшего Советского Союза, призванное освещать проблемы экологической этики, экологической теологии, природоохранной эстетики и пропаганды, истории охраны природы, политологии, журналистики, экологической культурологии и психологии, экологической этнософии и педагогики, природоохранной социологии, политики и права и т. п.

Наш журнал не будет сугубо научным, большое внимание мы предполагаем обращать на интересный практический опыт работы в сфере охраны природы. С другой стороны, “Гуманитарный экологический журнал” не станет популярным изданием, хотя мы не будем чуждаться художественных работ.

Кроме эксклюзивных материалов мы будем активно публиковать произведения давно забытых отечественных авторов, архивные материалы, современные малоизвестные и переводные работы.

На страницах журнала будут обсуждаться ценности свободной природы, природоохранные мотивации, философские основы заповедного дела, социальные проблемы природоохраны, народные механизмы охраны природы, методы пропаганды культы дикой природы, стереотипные природоохранные представления.

Мы хотим, чтобы наш журнал помог в выработке современной экоцентрической идеологии, основанной на уважении права дикой природы на существование, с которой мы придем в XXI век, способствовал возрожде-

нию духовности в отечественной природоохране.

Вместе с тем эта новая природоохранная идеология не должна быть копией западной или азиатской. Она должна стать выразителем культурных традиций наших народов, иметь отечественные корни.

Идея создания “Гуманитарного экологического журнала” была предложена В.Е. Борейко (г. Киев) и Е.А. Симоновым (г. Москва) в рамках международного проекта “Любовь к природе” (Гуманитарная экологическая инициатива) и поддержана на международной школе-семинаре “Любовь к природе” (“Трибуна-6”) в декабре 1997 г. в Киеве.

В.Е. Борейко,
В.Н. Грищенко

КРИЗИС ПРИРОДЫ И ПРИРОДА КРИЗИСА

Э.Д. Шукуров

Катастрофическое нарастание явлений деградации биосферы впервые ставит человечество перед реальной угрозой вымирания. Прежние кризисы, протекавшие на заре человеческого существования, разворачивались на ограниченных пространствах и касались ограниченного набора видов. Нынешний имеет глобальный характер. Сокращение за последние десятилетия массы живого вещества планеты на пятую часть практически означает невозможность устойчивого поддержания условий жизни, приемлемых для высокоорганизованных существ.

Динозавры вымерли вместе с той биосферой, которая их породила. Мы просто не отдаем себе отчета в том, насколько их исчезновение после многих миллионов лет процветания связано с исчезновением типичного для них окружения, в первую очередь — растительного. Динозавры не сошли с подмоств жизни. Последние рухнули под ними и им не на что стало опираться. Сцена планеты исчезла для них. Возродить мир динозавров возможно лишь вместе с древними экосистемами, несовместимыми с цветами и людьми. Так что охраняя цветочки, птичек и зверушек, мы неосознанно пытаемся уберечь самих себя, чувствуя, как шатается и трещит под нами помост. Мы начинаем смутно осознавать, что далеко не единственные герои и вместе со сменной декораций нам придется покинуть сцену. И никакие изощренные политико-экономические спекуляции не помогут.

Современная тревожная ситуация возникла как следствие деятельности одного из биологических видов. Одного из многих десятков миллионов, населяющих нашу планету, и из того мил-

лиарда видов, которые передали нам чудо жизни по эстафете, стартовавшей почти четыре миллиарда лет назад. Зачем их так безумно много? Это предмет особого разговора. Сейчас же попробуем разобраться в закономерности происходящего. Быть может, всему виной — особая природа человека и его социальной организации? Не означает ли ноосфера — “сфера торжества разума” — конечную стадию биосферы современного типа, после которой неизбежен возврат к примитивной “протозойной” биосфере, несовместимой с разумными существами?

Для жизни как таковой совершенно необязательны не только разумные существа, но даже просто многоклеточные. Последние появились сравнительно “недавно”, всего полмиллиарда-миллиард лет назад. До этого около трех миллиардов лет биосфера состояла исключительно из одноклеточных организмов.

История человечества представляет собой историю его конфликтов с природой. Различие заключается лишь в масштабах и современное состояние отличается тем, что локальные очаги переросли в глобальный кризис. За всю историю не появилось ни одного общества, которое в той или иной степени не находилось бы в противостоянии с природой. Пасторальные идиллии — скорее плод романтического воображения, нежели реальности.

В метаболизме биосферы, великом круговороте веществ, все человеческие общества оставались чужеродными, более того, разрушительными включениями. Вот скрытый смысл и истинное содержание противопоставления общественного и природного, естественного и неестественного (искусственного),

получившего достаточно широкое распространение. *Природное в человеке, становясь социальным, превращалось в антиприродное.*

Социальные отношения, в широком смысле, не есть изобретение человека. К примеру, П.А. Кропоткин, известный анархист-революционер, проследил возникновение альтруизма в животном мире. К. Лоренц, основоположник современной науки о поведении, приводит в своих работах поразительные наблюдения, указывающие на глубокие естественные (животные) корни многих форм реакций, явлений духовной жизни, представляющихся чисто человеческими. Эволюция человека, вопреки распространенному предрассудку, заключается не в замене животных инстинктов сознанием, а в их очеловечении: облагораживании, или же извращении.

Когда хотят охарактеризовать особую степень жестокости, то говорят: “Зверь, а не человек”. И все такое прочее. Но это оскорбляет зверя, а не человека. Волк в разгар самой жестокой схватки с соперником останавливается, если тот подставит под его железные клыки незащитное горло, признавая свое поражение. Звери не добивают сдающихся. Даже бессмысленная с точки зрения человека “кровожадность” волка, режущего в загоне больше овец, чем он может съесть, находит рациональное объяснение. Хищники — регуляторы численности своих жертв. Инстинкт ему подсказывает, что численность, концентрация овец естественно велика — вот он и пытается привести ее в соответствие с природной нормой. Откуда ему знать, что человеку нужно больше! Человек руководствуется сознанием, ограниченном опытом, обычаями и предрассудками конкретного общества. И он нередко преступает законы природы. Чего никогда не допускают звери.

Сознание, как наиболее социальное

в человеке и удаленное от природного, становится — и без серьезных ограничений и противовесов — не может не становиться антиприродным. Отдельные проявления природоохранительного сознания не меняют общей картины. Структура общественных отношений сама по себе уже исключает партнерские отношения с природой. *Для преодоления этой ситуации необходима специально направленная деятельность, встроенная в систему принятия решений на всех уровнях.* Однако ее организации противостоит не только строение и цели социума, не только сознание индивидов, но и комплекс психических особенностей человека, унаследованных от животных предков.

Часть из них, вовсе не в обиду кому-либо, а по содержанию, можно назвать “обезьяним синдромом” и роль их в формировании психической конституции человека весьма противоречива. Чрезвычайная лабильность, подвижность состояний, склонность к аффектам, во многих случаях полезные, одновременно определяют неспособность к длительному сосредоточению внимания на одном предмете, а также затрудненность установления и усвоения многозвенных и удаленных причинно-следственных отношений, особенно в тех случаях, когда воздействие отделено от результата относительно большим промежуток времени. Именно к таковым и относятся причинно-следственные отношения в экологии. Они очень неудобны для сознания. Тем хуже для них.

Потребление и сверхпотребление — признак любой цивилизации. Только сегодня, в связи с мировой экспансией западной, европейской цивилизации, оно стало реальной угрозой планете. С одной стороны, навязываются стандарты образа жизни, опирающегося в развитых обществах на расточительное использование природных ресурсов. С другой стороны, развитые страны не

собираются ничего уступать “недоразвитым”. Между тем, пятая часть населения планеты, живущая в богатых странах, потребляет две трети или три четверти всех природных ресурсов и вносит столько же загрязнений, разрушающих биосферу. Остальным не на что жить по европейским стандартам. Дело не в деньгах, а в ограниченности запасов на борту космического корабля по названию Земля. Ради сохранения status quo для благоденствующих и придумана стратегия устойчивого развития. Основной ее смысл — в сдерживании appetitов большинства населения планеты.

В отсутствие альтернативы (для аутсайдеров) и такая стратегия лучше чем ничего. Однако не случайно потребительство иногда сравнивают с алкоголизмом и наркоманией. Или с эпидемией СПИДа. Будет не так то просто с ним справиться. Ведь во всех этих случаях следствие отделено от причины, вернее сильно отдалено по времени. Это вовсе не похоже на результат от нажатия револьверного курка. И тут сознание, на которое пытаются взвалить непосильную ношу, сдает. (Стоило бы в этой связи поговорить об оппозиции сознание — мышление, или еще: цивилизация — культура, но они требуют отдельного обсуждения).

Частичной компенсацией являются навык и опыт, а среди высших форм организации сознания — традиции, религия, искусство и наука. Впрочем, их влияние на процессы принятия решений не стоит преувеличивать, имея в виду следование их духу, а не политическим спекуляциям по их поводу. Политика основывается на сиюминутности и очевидности. У нее нет завтра. Ее пространство — искусственный мир административных и государственных границ. Сегодня и здесь. Между тем именно экологические последствия принимаемых решений и реализованных действий чаще всего лишены очевид-

ности, немедленного эффекта и четко очерченных границ.

Яркое и последовательное выражение и воплощение этот синдром получил в “культуре” рока, в которой действие и впечатление превосходят смысл. Подобная гонка движений и эффектов присуща всей современной техногенной цивилизации. *Отторжение от природы ведет к отторжению природы и угасанию природного в человеке.*

Сам человек возник в условиях чрезвычайно разнообразной и во многом непредсказуемой среды. Это обстоятельство не всегда легко усваивается. Природа не создана для человека. Она его создала. Все богатство его чувств и интеллекта опирается на эволюционный опыт взаимодействия с богатым окружением, включающим бесчисленные живые существа, обладающие собственным сложным поведением. Упрощение среды и отношений в обществе в конечном счете ведет к снижению интеллектуального потенциала, а перенесение упрощенных представлений во взаимоотношения с природой чревато неизбежными конфликтами. Биосфера это сверх-сверхсложная система, опыта обращения с которой, а тем более — управления, у человечества попросту нет. Претензии разума на управление природой не только беспочвенны, но и опасны. Как говорила Мать Тереза: “Мы не можем и не должны делать великие дела. Мы можем и должны делать малые дела с великой любовью”.

Как бы мы того ни желали, в психическую и социальную организацию человека не заложено ничего, способного предотвратить уничтожение природного окружения. Есть особенности, делающие противостояние неизбежным. И все же нет встроенных механизмов разрушения. Просто надо настроиться не на ожидание чуда, или покорную готовность принять якобы неизбежную катастрофу. Придется трудно, долго и упорно строить противовесы, опираясь

на традиции, религию, искусство, науку, вводя в политику и экономику механизмы, компенсирующие их неизбежное бездушие.

Пора отдать себе отчет в том, что дело не только в злонамеренности и недомыслии отдельных лиц и групп, хотя и их нельзя сбрасывать со счетов. Придется понять, что законы политики и экономики отнюдь не законы жизни. Законом политики является достижение и удержание власти (причем здесь жизнь?!). Законом экономики является рост производства и потребления, получение прибыли (причем здесь жизнь?!). И других законов у них быть не может, иначе они перестанут существовать. Мы уже видели, когда эконо-

мику при социализме подменяют политикой, она разрушается. Точно так же ее нельзя подменить и экологией. Без политики и экономики не обойтись. Нужно только осознать, что в них обязательно должны быть встроены механизмы, противовесы, учитывающие интересы жизни, что их законы не имеют права подменять собой законы экологии. *Демон социальной организации слеп, но не злонамерен.* Ему пора вживить глаза, различающие нежные побег жизни, удерживающие его над бездной небытия.

Нужно научиться управлять собой, чтобы стать необходимой частью биосферы. Другого пути остаться на планете нет.

ЭТИКА БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ — ПРОТИВ ЭСТЕТИКИ УБИЙСТВА

А.А. Никольский

*“Но пруд уже застыл: сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотой своей.
И страждут озими от бешеной забавы.
И будит лай собак уснувшие дубравы”.*

А.С. Пушкин. “Осень”.

В современном мире, на фоне бездумного отношения к своим и окружающим нас жизням, когда без всякой нужды каждую минуту уничтожаются миллионы существ, особую актуальность приобретает этика благоговения перед жизнью Альберта Швейцера. Выдающийся австрийский философ, богослов, врач, музыкант и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии А. Швейцер в своем знаменитом труде “Этика благоговения перед жизнью” (цит. по: Швейцер, 1992) разработал и подвигом своей жизни подтвердил принцип этического самоотречения как проявление внутренней, духовной связи человека с окружающим его ми-

ром. Суть этики благоговения перед жизнью состоит в том, что человек, причиняя вред любой другой жизни, **осознает** это и постоянно соизмеряет, насколько оправдан наносимый чужой жизни вред.

Швейцер специально подчеркнул, что этика не может быть относительной. Или наше действие по отношению к другим жизням этично, или, в необходимых случаях нанесения им вреда, — неэтично. Наши действия не могут быть более этичны или менее этичны. А. Швейцер, поднимая человека очень высоко, полагается на его разум и подчеркивает трагизм этического самоотречения. Он пишет: “В тысячах форм

моя жизнь вступает в *конфликт* [выделено мной — А.Н.] с другими жизнями. Необходимость уничтожить жизнь или наносить вред ей живет также и во мне”. Но “в конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом, а должен выбирать между этическим и необходимым, и в случае, если я намерен выбрать последнее, я должен отдавать себе отчет в том, что беру на себя вину в нанесении вреда другой жизни”.

Традиционное отсутствие этического самоотречения привело к тому, что этика благоговения перед жизнью вошла в глубочайший конфликт с эстетикой. Весьма примечательна в этом отношении поэтизация различных способов охоты, присущей так называемой “аристократии”. Это псовая охота, верховая охота, облавная охота на волка и некоторые другие. Не нужно иметь слишком пылкое воображение, чтобы представить себе ужас, переживаемый зверем в осеннем лесу, наполненном лаем собак (см. эпиграф). Я далек от мысли считать любимого мной А.С. Пушкина человеком жестоким, но он, также как и мы все, находился во власти традиций.

Или охота на медведей зимой. Поднимая с берлоги медведицу с медвежатами, охотники пристреливают последних, так как их просто некуда девать.

Литература дает нам очень много примеров конфликта между этикой благоговения перед жизнью и эстетикой убийства. Например, великий гуманист Э. Хемингуэй, автор романа “Прощай оружие”, шедевра гуманистической литературы, многократно воспел искусство матадора — искусство **красиво** наносить измученному зверю последний смертельный удар.

Эстетика убийства животных находится в глубочайшем противоречии с

этикой благоговения перед жизнью. Этот атавизм недавней своей истории человек реализует в спортивной охоте — забаве взрослых людей. Этому утонченному пороку подвержены слои общества, считающие себя культурной элитой, так называемые аристократы, наиболее состоятельные люди и руководители всех рангов, включая глав государств и правительств. Изысканные приемы убийства животных не только многократно воспеты в искусстве. Они стали неотъемлемой частью нашей культуры. Именно поэтому чрезвычайно сложно давать оценку эстетике убийства. Общество трудно убедить в том, что спортивная охота, рыбная ловля или коррида порочны по своей сути. Красота убийства воспета признанными во всем мире талантами. Среди них такие яркие имена как Пушкин, Тургенев, Лев Толстой, Хемингуэй. Этих людей нельзя упрекнуть в жестокости. Тем более, что за исключением завершающего акта, собственно убийства, вся подготовка к убийству действительно отличается характерными признаками прекрасного, включая красоту глухих уголков природы, а сам процесс охоты нередко требует от человека настоящего незаурядных качеств: силы, ловкости, наблюдательности и т. п. И тем не менее, окончательный результат любой охоты очевиден: смерть животного. Часто ей предшествуют длительные и тяжелые мучения жертвы. Разговоры о том, что главное не убить, а побродить с ружьем (постоять с удочкой), конечно, мало чего стоят. Бродить можно и без ружья. Главное для любого охотника — “удачный” выстрел.

Проблема усугубляется тем, что изысканная охота давно уже стала неотъемлемой частью досуга элиты общества, подражать которой стремится значительная часть населения. Обязательной принадлежностью многих аристократических домов являются тро-

феи: чучела зверей и птиц, рога или головы животных, коллекции редких бабочек. Наиболее выдающимися признаются трофеи самых красивых, самых редких или самых крупных животных. Их владельцы на специальных международных конкурсах получают за них престижные награды, медали и большое денежное вознаграждение.

Трудно что-нибудь противопоставить увлечению миллионов людей спортивной охотой. Но обратить внимание **каждого** из них на то, что убить животное ради забавы неэтично, можно. Один из способов такого **адресного** обращения подсказывает Минздрав; “Минздрав предупреждает...”. Через законодательство, или за деньги можно снабдить соответствующими обращениями продаваемый охотничий инвентарь (ружья, коробки с патронами, экипировку и т. п.). Например: “Купленный Вами товар предназначен для убийства зверей и птиц, украшающих природу родного края”. Вариантов может быть много. Понятно, что, прочитав это обращение, охотники, застыдившись, не побросают свои ружья. Точно также, как заядлые курильщики спокойно покупают сигареты с грозным предупреждением Минздрава. Но такая необычная запись несомненно привлечет внимание и вызовет широкий резонанс в обществе.

Очень важно привлечь возможно больше примеров, осуждающих выразительными средствами искусства эстетику убийства. Эти примеры известны. И надо собрать и составить из них иллюстрированную хрестоматию. Так, на одном из наиболее выразительных рисунков Пикассо, из серии “Коррида”, изображена девушка, с **любопытством** заглядывающая в человеческие глаза умирающего на арене быка. Очень тонко чувствовал духовную связь человека с окружающим его миром наш замечательный соотечественник Владимир Высоцкий. Его песня “Идет охота на волков, идет охота” не

оставляет даже намека от романтического флера, которым “волчатники” так любят окутывать свое ремесло.

Мне, как зоологу, приходилось профессионально изучать поведение и экологию волков, и я берусь утверждать, что перед человеком волк абсолютно беззащитен. У этого зверя есть поведенческие реакции, доведенные до автоматизма. Их легко обнаружить и также легко использовать против волка.

В поединке с **любым** зверем победителем всегда окажется человек. Его интеллект и его изобретательность в убийстве на много порядков выше интеллекта и скромных естественных возможностей защиты любого животного.

На рубеже XXI века человечество загнало себя в тупик и прогноз, к сожалению, неблагоприятный, так как единственный инструмент спасения — воля к этическому самоотречению — продолжает оставаться во всем мире камнем преткновения даже для тех избранных, кто профессионально посвятил себя делу охраны природы.

Последний тому пример — публикация патриарха заповедного дела, профессора экологии В.В. Дежкина (1997), в которой он поддерживает легализацию охоты на территории национальных парков. Вероятно, по мнению уважаемого профессора, охота является одной из “новых возможностей биоэтики” (см. список литературы). Такая поэтизация ведущего специалиста в области охраны природы, человека уже немолодого, конечно, нонсенс. Именно заповедники и национальные парки первыми должны подать пример этического самоотречения, так как они являются тем местом, где любая жизнь имеет особый статус и царит (должен царить) дух благоговения перед жизнью.

Можно было бы привести еще множество аналогичных примеров, когда те, кто по должности обязан благоговеть перед жизнью подают дурной пример эстетствующим убийц.

Литература

Дежкин В.В. (1997): Новые возможности для биоэтики. - Любовь к природе. Мат-лы между-

нар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 170-174.

Швейцер А. (1992): Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс.

ПРИРОДА В СОЗНАНИИ РОССИЯН

А.С. Мартынов

В России ситуация оказалась еще сложнее, чем в других странах, в силу того, что страна имеет огромные, даже в планетарном масштабе, пространства ненарушенной и слабо трансформированной живой природы. В этих условиях даже полная деградация экосистем в основных очагах расселения не воспринимается как угроза. Однако траектория пути России не только повторяет путь тех стран, которые свою природу уже разрушили, но и делает это на фоне гораздо большей энергетической мощи современной техносферы. Пока массовое сознание не восприняло опыт "чужих ошибок". Обучение же на собственных может оказаться для народа страны не просто болезненным, а самоубийственным.

Динамика разрушения природы, лишь чуть замедленная экономическим кризисом, может обрести темпы цепной реакции после достижения критической массы утраты природных экосистем. Поскольку внимание общества зафиксировано на преодолении кризиса производства, то нелинейный характер посткризисного развития, помноженный на массовое ожидание изменений именно в экономической сфере может не оставить времени для осознания экологических опасностей. В этих условиях необходимы серьезные усилия для опережающего запечатления в сознании россиян понимания роли живой природы как фактора без которого невозможно выживание народа.

Формирование любых, в том числе и экологических, норм поведения тре-

бует исторической длительности. С этих позиций главной особенностью современного экологического сознания россиян, подтвержденной в настоящем исследовании, является глубокий разрыв между пониманием экологической опасности природоохранным активом страны, деятельной массой населения и той, фундаментальной по численности, частью народа, которая ориентирована на традиционные формы мировосприятия и поведения. Наличие этого разрыва необходимо как минимум признавать, чтобы можно было разработать способы его преодоления и пути объединения общества вокруг идеи сохранения одного из незаменимых национальных достояний — живой природы страны. Отношение к живой природе страны, не несущее в себе груза противоречий политических взглядов, религиозных представлений или национальных особенностей, вполне может стать тем фундаментом, на котором достижимо общественное согласие. Что препятствует подобному восприятию проблемы массовым сознанием россиян?

Эти препятствия смоделированы в алогизме термина "устойчивое развитие". Трудность соединения стабильности и изменчивости мешает общественному согласию по проблеме сохранения живой природы. Современная экологическая обеспокоенность свойственна в основном активным деятелям, убежденным в своих взглядах, которые часто противопоставляются взглядам большинства населения. Сторон-

ники “развития” и перестроек неудовлетворены сложившейся в обществе хозяйственно-бытовой культурой и традициями, а превосходящие их по численности группы населения предпочитают следовать нормам, проверенным традициями и социальным конформизмом. Экологическое беспокойство воспринимается этой частью населения как деятельная суета, удаленная от их реальных интересов, идентифицируемая в основном с проявлениями “зеленого” экстремизма. Такие формы неприемлемы в качестве образцов массового поведения для сторонников “устойчивости” и общественной стабильности. В формировании экологического сознания населения России сейчас сложился не дефицит идей или инициатив, а острый недостаток их поддержки в традициях и привычках большинства населения. Задачей нашего исследования было определение социально-психологических особенностей восприятия экологической угрозы разными группами и структурами российского общества.

Деятельные личности наиболее эффективно формируются в Центральной России, но к зрелому возрасту концентрируются преимущественно в Сибири и управляющих центрах. Эта категория населения отличается индивидуализмом сознания и полярными взглядами на проблемы жизни, в том числе на отношение к природе. Из среды убежденных индивидуалистов происходят агрессивные к природе “освоители” и из нее же выходят экологические активисты. Порой браконьер и рыбинспектор или охотовед вообще уживаются в одном человеке.

Эта группа населения, регионы и виды деятельности, в которых она многочисленна, нуждаются в усиленном экологическом контроле всех инноваций — проектов освоения, строительства, социальных инициатив. Деятельные индивидуалисты чаще других сталкиваются с ненарушенными природ-

ными экосистемами и за счет сравнения острее воспринимают начальную стадию их антропогенной трансформации. Они способны уделять массу внимания борьбе против любых нарушений в хорошо сохранившихся экосистемах (типичный пример — Байкал) и совершенно игнорировать проблему глубоких антропогенных преобразований природы в зоне длительного освоения. Высокий индивидуализм взглядов и крайняя убежденность являются источником субъективных ошибок в выборе приоритетов действия природоохранных активистов. Голые девушки, протестующие на Красной площади против использования негуманных капканов в промысле пушных зверей, губят уникальные системы устойчивого природопользования коренных народов Сибири и невольно поддерживают отнюдь не экологичное производство искусственных утеплителей одежды. Этот факт не единичен, внимание экологического актива страны к воздействию промышленности на природу отчетливо занижено, скорее всего в результате прямых или косвенных финансовых воздействий бизнеса.

Несмотря на отдельные субъективные ошибки, естественно-научный актив защитников природы способен к различению нюансов природоохранных проблем. Чаще других именно этот слой выступает перед обществом как субъект, представляющий живую природу. Практика профессиональной защиты интересов животных известна в Европе со средних веков, когда в Германии и Франции проводились суды по “звериным процессам”. Для России же подобное представительство интересов живой природы совершенно нетрадиционно. В том числе и по этой причине большая часть акций, организованных “Гринпис” или “Хранителями радуги”, воспринимается как поведение, противопоставляемое принятым нормам не только по форме, но и по

сути. В результате нетрадиционные акции способны решать задачи борьбы с конкретными нарушениями, но малоэффективны как способ вербовки массовых сторонников. Более-менее эффективны подобные действия лишь в столицах, где относительно значительна прослойка индивидуалистов. Деятельный актив населения России отличается высокой убежденностью, которая является необходимым условием для организации пропаганды. В силу высокой индивидуальности взглядов в деятельной части общества высока конкуренция пропагандируемых идей. В этих условиях для массовой вербовки сторонников решающим оказывается наличие и размеры вкладываемых в пропаганду средств.

Освоение обществом новых образцов экологического поведения, в решающей степени зависит от их использования той группой населения, которая сочетает способность к самостоятельным действиям и следование социальным традициям. В отличие от деятельных индивидуалистов, эта категория населения в зрелом возрасте меньше перемещается из одного конца страны в другой в поисках заработка, карьеры или власти. В юности эти люди не стремятся во что бы то ни стало стать геологами, моряками или летчиками, однако в своем родном городе или районе они закономерно становятся авторитетами в основных сферах жизни и хозяйственной деятельности. В сложных ситуациях реалисты признают возникшие проблемы и ищут их решения опираясь на корпоративную этику, знание местных особенностей, в том числе природных и социальных. Политические взгляды социального ядра общества лежат в центре, а порой и вовсе не проявляются из-за их спокойного отношения к неучастию в выборах. У этой категории чаще других внимание к экологическим проблемам совмещается с отсутствием религиозности.

Представители социального ядра общества формируют свое отношение к проблемам жизни как лично обдуманное решение, поэтому они поддаются убеждению логикой аргументов и доказательств. Высокая вариация их взглядов и действий отражает реализм оценок и способность менять точку зрения под давлением обстоятельств. По этой причине среди деятельного ядра эффективны экологическое образование и переподготовка, в тех случаях когда их удастся охватить этими формами повышения квалификации. Пропаганда среди этой группы эффективна, особенно если она ориентирована на корпоративное восприятие, а не массивное навязывание. Значение деятельных реалистов в экологизации массовых взглядов связано с их ролью в формировании наиболее приемлемых для общества образцов поведения. В русской деревенской общине традиция и уважение истового труда держались именно на деятельных примерах наиболее крепких хозяев, тех самых кулаков, дефицит которых в современной деревне способствует маргинализации сознания. Сейчас люди этого социального типа чаще других мест живут в малых городах, сосредоточены в разных эшелонах руководства предприятий и в малом бизнесе. Пожалуй среди «индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица» их концентрация является максимальной. Превращение идей в действия, запуск процессов освоения обществом новых форм поведения в современной России осуществляет преимущественно группа «крепких хозяйственников».

Эффективное освоение массовым сознанием моделей экологически безопасного поведения должно основываться на практической деятельности этих людей, поскольку массовое сознание не противопоставляет их большинству населения, как это происходит с убежденными индивидуалистами. Объектив-

но многим из них свойственно невнимание к природоохранным задачам. Но это пренебрежение не является принципиальной позицией. Поскольку достижения или экологические намерения реалистов обычно не столь эффективны, как у идеологически убежденных защитников природы, они меньше привлекают внимания СМИ. Корреспонденты, которые сами являются идейным активом общества, предпочитают освещать скороморошные акции “Гринпис”.

Тем более необходимо тратить дополнительные усилия для привлечения внимания общества к реальным результатам по разрешению конкретных экологических проблем предприятий, городов, фермерских, дачных или охотничьих участков. Реальное внимание к экологическим проблемам у хозяйственников, предпринимателей, технологов и специалистов возможно лишь при наличии реальных же стимулов. Именно для этого необходимо возложить на них реальную, в первую очередь материальную, ответственность за состояние природы. Миф о достаточности провозглашения частной собственности для гарантии ответственности собственника за состояние полученных достояний не соответствует реальности. Но еще больше способствует разбазариванию собственности ее провозглашение аморфным общенародным достоянием в условиях существования мощного частного сектора и сращивания верхушки предпринимательства и государственной власти.

Вакуум права и еще более опасный вакуум традиций ответственности за состояние природы необходимо заполнять не столько на федеральном уровне, сколько там где осуществляется реальная хозяйственная деятельность — в городах, поселках, на предприятиях и в колхозах. Экологический контроль за местным законодательством и правоприменением решает задачу не столько предотвращения нарушений,

сколько стимулирования столь необходимых деятельных образцов поведения. Только когда такие стимулы для хозяйственников и предпринимателей будут созданы, эффективно заработают ориентированные на эту группу методические материалы: пособия и обучающие программы по экономическим механизмам защиты природы; методы подсчета баланса “затраты-выгоды” не только в рублях, но и в гектарах разрушенных природных экосистем; обзоры случаев использования экологических факторов в борьбе за отечественного и зарубежного потребителя товаров.

Образцы экологически безопасной деятельности и хозяйственно-бытового поведения можно считать освоенными обществом, когда они будут воспроизводиться не задумываясь основной массой населения. Подобное социальное копирование характерно для наименее деятельной, но обычно весьма многочисленной части общества. Именно эта группа, предпочитающая социальный конформизм и следование традициям, в современной России меньше других охвачена экологическим беспокойством. Подобное положение не компенсируется адекватным усилением природоохранной пропаганды. Внимание экологического актива страны сосредоточено на формировании взглядов деятельных представителей общества — политиков, руководителей производства, культурной элиты. Такой подход характерен для российской общинной традиции, когда основной груз ответственности (налогового тягла) кладут на более сильных членов и пренебрегают ролью менее деятельной части общества. Однако высокая численность социальных конформистов чисто арифметически компенсирует их относительную пассивность. Простое жизнеобеспечение даже наименее деятельной части населения сопряжено с существенными воздействиями на природу. Кроме этого, являясь основными потреби-

телями конечной товарной продукции, многочисленные группы населения поддерживают весь технологический цикл ее производства, в том числе и те стадии, которые связаны с прямой трансформацией природы. В конечном счете даже покупатели хлеба ответственны за потерю последних участков целинной степи, распаханной для увеличения производства твердой пшеницы.

Именно степные и лесостепные биомы юга России, в максимальной степени нарушенные деятельностью человека, являются ареной жизни населения с максимальной численностью конформистов и сторонников традиций, в том числе религиозных. Запечатленные с детства образы природы у этого слоя людей больше чем у деятельных групп связаны с антропогенными ландшафтами. Пашня и дороги, огороды и карьеры воспринимаются ими как естественная норма, замещающая образ широколиственной дубравы или ковыльной степи.

Таким образом, пониженная острота восприятия и минимум общественного контроля экологических проблем накладываются на максимум трансформации природы и объективной потребности в ее охране. Экологический актив страны рассматривает степную, лесостепную подзоны и широколиственные леса как регион, нуждающийся в формировании экологической сети — системы малонарушенных участков природных экосистем, обеспечивающей сохранность аборигенных форм растений и животных. Однако не меньшую роль звенья экосети могут играть в восстановлении утраченных образов природы, без которых невозможна экологизация хозяйственно-бытовой деятельности и ее закрепление (импринтинг) в сознании и традициях.

Решающую роль в поддержании культурных образцов массового поведения в этой части страны играют религиозные традиции. До настоящего

времени наиболее массовые религии этой части страны не использовали свой потенциал для последовательного влияния на экологические взгляды населения. Однако церкви имеют достаточное число примеров, вокруг которых может строиться природоохранная деятельность: экологическая реставрация Куликова поля и места танкового сражения под Прохоровкой; проповедь бережного отношения к “меньшим братьям”; сохранение природы в местах, связанных с именами святых и явлениями образов.

Тонкой проблемой является использование реликтовых верований народов Поволжья, в традиции которых входит охрана священных рощ и источников. Однако именно терпимость православия к дохристианской традиции, проявляющаяся в отношении к святочным обрядам или масленице, позволяет рассчитывать на поддержку церкви и в этом вопросе. Во всяком случае безупречное экологическое состояние монастырских земель, природы вокруг живописно поставленных храмов и погостов, вполне может находиться под контролем настоятелей и церковных общин.

Принципиально невозможно без перестройки массового сознания преодолеть экологически опасные хозяйственно-бытовые традиции народов России. Первыми в их ряду являются спокойное восприятие вырубки лесов и расточительное отношение к земле. Русский крестьянин всегда активно сводил леса, как только у него появлялась такая возможность. Так было после отмены крепостного права, после столыпинских реформ и гражданской войны. Традиция слишком глубока и уходит корнями к подсечно-огневой системе земледелия. Активизация так называемых “рубков ухода” в малолесных районах Центральной и Южной России в последние годы служит признаком сохранения этой закономерности.

Масштабы страны и избыток земли заложили основу небрежного отношения россиян к ее сохранению. Годы пропагандисткой и воспитательной работы могут уйти только на преодоление традиционно спокойного отношения к неорганизованным свалкам вдоль дорог и у каждой деревни, аляповатому строительству “шанхаев”. Достичь результата в этих сферах без поддержки авторитета церкви и других носителей традиций невозможно. Сферы, в которых экологи должны взаимодействовать со сторонниками традиций и способы таких взаимодействий могут быть различными. Проблема сохранения образцов естественных экосистем в зоне традиционного расселения народов России рассмотрена лишь как пример подходов к формированию природоохранных взглядов социально конформистской части населения. Другим направлением экологизации поведения конформистов является апелляция к чувству самосохранения. Собственная безопасность, безопасность детей и внуков — вот направление пропаганды, которое необходимо активно использовать при природоохранной работе с этой группой.

В этой сфере есть очень интересный факт повышения экологической обеспокоенности среди группы женщин и домохозяек, связанный с их вторичным образованием при обучении детей. Условием повышения эффективности такой стратегии экологизации массового сознания является сохранение семей из разных поколений — дедов, отцов и детей, в которых старшие поколения невольно вынуждены дальше заглядывать в будущее. В то же время разъяснение экологических угроз на общепланетарных примерах среди конформистов малоэффективно. Опыт развитых стран, особенно США, показывает, что гораздо успешней рядовой обыватель (просим читателя не искать в этом слове негативного оттенка) воспринимает

угрозы локальные, формирующиеся и решаемые на муниципальном уровне. Наконец, в природоохранной работе с наименее деятельными, но многочисленными слоями российского общества, надо максимально использовать их внимание к бытовым проблемам. В фундаменте пирамиды проблем населения России устойчиво находятся проблемы уровня жизни (обеспечения продуктами и роста цен). Именно их можно задействовать в процессе экологизации массового сознания. Для страны, 70% населения которой живет в городах и пространственно отделено от возможности прямого участия в сохранении живой природы, можно задействовать выбор товаров по экологическим критериям. Каждый человек может лично участвовать в ограничении воздействий на природу, выбирая товары и услуги тех стран и производителей, которые успешнее других сохраняют живую природу.

У российского общества может не оказаться времени на исторически длительное формирование экологически приемлемых форм поведения, в тот момент, когда выходя из социально-экономического кризиса за счет своих природных ресурсов, страна столкнется с цепной реакцией биосферы, утратившей критическую массу устойчивости естественных экосистем. Чтобы предотвратить катастрофу, российское общество должно использовать все средства для ускоренного осознания экологических угроз и освоения безопасных для природы способов хозяйственной деятельности и бытового поведения. Деятельность по экологизации общественного сознания должна осуществляться по наиболее эффективным направлениям, прицельно в соответствии с особенностями каждой социально-демографической группы или деятельного типа личности. В самом общем виде стратегия сводится к определению приоритетов экологической политики с по-

правкой на возможный субъективизм инициаторов, принятие этих приоритетов властными структурами, общественный контроль за соблюдением приоритетов, формирование деятельных образцов экологически безопасного по-

ведения и обеспечение их социального копирования конформистским фундаментом общества.

Работа выполнена в рамках проекта ГЭФ “Сохранение биоразнообразия Российской Федерации”.

ОЦЕНКА ЭСТЕТИЧЕСКИХ ДОСТОИНСТВ ПРИРОДНЫХ ЛАНДШАФТОВ УКРАИНЫ В ЦЕЛЯХ ЗАПОВЕДАНИЯ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ

К.Н. Горб, А.А. Крымцов, Е.В. Билявская, В.Н. Степанова

Оценка красоты природы не является новым направлением в науке. Данной проблеме посвящены многие работы в области психологии, географии, архитектуры. Однако основной целью традиционных эстетических оценок пейзажей, как правило, является определение возможности рекреационного их использования — от оздоровительного до экскурсионного, от “стихийного” до организованного. Оценка же природных образований для “присвоения” им того или иного заповедного (охраняемого) статуса в силу именно эстетических (и никаких иных!) его достоинств — направление “неразведанное” (или по крайней мере “слабо разведанное”), поэтому попытаемся в общих чертах определить его схему и последовательность операций, попутно поделившись первым опытом.

На основании изучения различных подходов к оценке территории для определенных видов использования нами составлена общая принципиальная схема оценки эстетических свойств природных ландшафтов в целях их заповедания (табл.). Остановимся на “расшифровке” данной схемы.

1. Подготовительный этап

1. Стадия обоснования актуальности и цели работы.

Для обоснования актуальности ограничимся следующей цитатой: “Как свидетельствует наша практика, доказать природоохранную или научную ценность объекта вполне возможно — ссылаясь на мнение ботаников, зоологов, геологов, на Красную книгу. А относительно эстетической ценности, непонятно, кто должен давать экспертную оценку и какими критериями при этом руководствоваться — закон об этом умалчивает, а прецеденты заповедания чего-либо исключительно по эстетическим мотивам неизвестны” ([4], [5], [2] и др.). Именно этот “кричащий” вопрос, вопиющий пробел в нашем природоохранном законодательстве и побудил нас вплотную заняться поставленной проблемой. Конечной целью работы выступает создание проекта инструктивно-методического документа, показывающего механизм определения “пригодности” для заповедания природного комплекса в силу его эстетической ценности.

2. Стадия формирования территориальной базы съемки пейзажей.

Поскольку разработка инструктивного документа планируется для конкретной страны (в нашем случае — Украины), то предварительная апробация должна строиться на фактическом мате-

Этапы и стадии эстетической оценки природных ландшафтов в целях заповедания

ЭТАПЫ	СТАДИИ				
I. Подготовительный	1. Обоснование актуальности и цели работы				
	2. Формирование территориальной базы съемки пейзажей				
	3. Выборка “правил поиска ракурса” пейзажа				
	4. Обоснование методов оценки				
II. Организационный	5. Разработка маршрута съемки				
	6. Договора с землепользователями				
III. Сбора информации	7. Репрезентативная съемка и первичная систематизация пейзажей				
	8. Повариантная оценка эстетичности				
IV. Оценочный	8А. Формальная	8Б. Массовый опрос	8В. Психологическая экспертиза	8Г. Художественная экспертиза	
	8А1. Анализ методик	8Б1. Анализ методик	8ВГ1. Анализ экспертных методик		
	8А2. Разработка методики	8Б2. Разработка анкеты	8В2. Разработка анкеты	8Г2. Разработка анкеты	
			8В3. Подбор респондентов	8Г3. Подбор экспертов	
			8В4. Проведение опроса	8Г4. Опрос экспертов	
			8В5. Частные оценки	8Г5. Частные оценки	
	8А4. Интегральная оценка	8Б6. Интегральная оценка	8В6. Интегральная оценка	8Г6. Интегральная оценка	
	V. Синтетический	9. Приведение результатов в сопоставимый вид			
		10. Расчет средних по четырем оценочным методам			
		11. Типология пейзажей по “заповедно-эстетической” ценности			
VI. Оформительский	12. Разработка схемы наглядного представления результатов				
	13. Оформление наглядных материалов				
VII. Заключительный	14. Разработка рекомендаций по заповеданию “эстетичных ландшафтов”				

риале данной страны, учитывая все разнообразие ее природных ландшафтов. В первый сезон исследований для сбора информации была выбрана восточная, юго-восточная и южная часть Украины. Непосредственно для съемки были выделены следующие разновидности природных пейзажей различных видов ландшафтов этого региона – зональных и азональных ([6]): 1) горное морское побережье; 2) равнинное морское побережье; 3) озерное побережье; 4) горы; 5) долина крупной реки; 6) долины малых рек; 7) выходы кристаллических пород на побережье крупной реки; 8) овражно-балочные системы; 9) степь “классическая”; 10) выходы кристаллических пород в степи; 11) байрачные леса; 12) пойменные леса; 13) субтропические фитоценозы; 14) плавневые комплексы.

Территориальной базой для съемки послужили следующие объекты: 1) национальный природный парк “Святые горы” (долина р. Северский Донец); 2) филиал Украинского степного природного заповедника “Хомутовская степь”; 3) Кривая коса Азовского моря; 4) филиал Украинского степного природного заповедника “Каменные могилы”; 5) Белосарайская коса Азовского моря; 6) Крымский природный заповедник; 7) пейзажи природы Южного берега Крыма; 8) долина реки Орель (Днепропетровская обл.); 9) долина Днепра между Днепропетровском и Запорожьем; 10) остров Хортица; 11) степная балка Сажавка в окрестностях Днепропетровска; 12) озеро Солёный Лиман и его побережье (Днепропетровская обл.); 13) Днепровско-Орельский природный заповедник. Следующий полевой сезон предполагает охват пейзажей природы в ландшафтах остальных регионов Украины.

3. Стадия выработки “правил поиска ракурса пейзажа”.

Очевидно, что эстетичностью обладает пейзаж, а заповедать принято ландшафты, а не пейзажи. Пейзажей

как своеобразных “панорамных композиций природы” по отношению к одному и тому же ландшафту может быть много (при созерцании его с различных мест), и каждый из них может быть в разной степени красив. Кроме того, эстетичность пейзажа зависит и от времени суток, погоды, сезона года. В связи с этим, перед съемкой у людей, хорошо знающих данную территорию, следует узнать, из каких относительно доступных для пешеходов мест и в какое время открывается наиболее красивый пейзаж данного ландшафта.

Кроме панорамных пейзажей, эстетичностью могут обладать и наблюдаемые “единичные” объекты природы – недвижимые (отдельные растения, геологические образования и др.) и движимые (отдельные животные, переносимые ветром элементы растений и др.). Каждый из этих объектов может быть в разной степени красив как в разных из вышеуказанных обстоятельств, так и на разном фоне (или в разной среде). Движимые объекты, кроме того, по-разному эстетичны в разных ракурсах движения (например, летящая и сидящая чайка). В этой связи возникает двойная задача заповедания ландшафта (что усиливает значимость проводимого исследования): сохранить естественный фон, с которым красивый объект находится в визуальной гармонии; сохранить среду, в которой “эстетичная особь” (а в целом вид) может выжить. Результативность же поиска ракурсов данных деталей, “крупноплановых” эстетичных элементов природы (на фоне (в среде) только дикой природы!) зависит как от внутренних способностей и качеств, а также знаний “искателей”, так и от помощи им знающих территорию людей (местных жителей и специалистов).

4. Стадия обоснования методов оценки.

Очевидно, что такое “хрупкое”, относительно слабо разработанное научное направление, как оценка “степени

красоты” природы, должно апробироваться не одним экспериментальным путем. В этой связи можно предположить вариантный подход к такой оценке, заключающийся в параллельном ведении нескольких оценочных процедур по относительно различным схемам, применительно к одним и тем же объектам оценки с последующим сопоставлением и обобщением результатов. Данный подход позволит хотя бы в некоторой мере ослабить влияние фактора субъективизма и сократить погрешности в итогах.

В качестве таких “методов-вариантов” данной оценки целесообразным представляется применение: 1) формальной оценочной процедуры, по определенным более или менее признанным критериям, как правило, по отдельным компонентам природы и визуальным характеристикам ([7], [8], [10] и др.); 2) проведения репрезентативного массового опроса населения об эстетическом восприятии пейзажей природы ([9]); 3) опроса экспертов в области психологии на предмет выяснения характера и степени психоэмоционального влияния пейзажей природы на “среднестатистического созерцателя”; 4) опроса экспертов в области литературоведения и искусствоведения на предмет выяснения частоты встречаемости художественного отражения определенного типа пейзажей природы в известных произведениях литературы и искусства.

Очевидно, что три последних метода фактически могут быть реализованы не во время съемки на местности, а впоследствии, в камеральных условиях, с помощью серии фотоснимков.

II. Организационный этап

5. *Стадия разработки маршрута съемки* – формирование научного тура (экспедиции) по выделенным заранее местам, включая определение последовательности их посещения и способы сообщения, а также выделение временных отрезков поездки.

6. *Стадия оформления документов* договорного и “просительного” характера к официальным лицам – представителям землепользователей (как правило, заповедников и национальных парков) о предоставлении возможности посещения той или иной местности и о консультационной и бытовой помощи, с разъяснениями цели путешествия.

III. Этап сбора информации

7. *Репрезентативная съемка и первичная систематизация пейзажей.*

Включает непосредственно работу в полевых условиях в соответствии со всеми вышеуказанными правилами и схемами, а также составление по результатам съемки рабочего фотоальбома для последующей оценки. По итогам съемки в первый сезон нами был сформирован альбом в составе 44 фотопланшетов с изображением пейзажей, отснятых в 13 упомянутых ранее “опорных местностях”. Репрезентативность в данном случае означает не только охват всего разнообразия природных комплексов региона, но и представленность в “пакете снимков” пейзажей различной панорамности, многоплановости (в том числе и наличие отдельных “крупноплановых” объектов природы), композиционности, детальности, доминантности и контрастности, учет гармонии звуков и запахов природы.

IV. Оценочный этап

8. *Стадия оценки эстетических свойств пейзажей* по каждому из выделенных ранее методов (рис.). Кратко остановимся на процедуре каждого из данных вариантов оценки.

8А. *Формальная оценочная процедура.*

На основании изучения и обзора различных формальных методик (стадия 8А1) нами была использована схема оценки К. Эрингиса и А. Бурдзюнаса ([10], с. 124-135), впоследствии частично переработанная и дополненная нами с учетом характера природы Украины (используемая методика раз-

работана для ландшафтов Литвы). В частности, нами учтено наличие животного мира, а также запахи и звуки в мире природы (стадия 8А2). После этого проводятся и анализируются частные (по отдельным компонентам природы, или группам показателей оценки) оценки каждого пейзажа (стадия 8А3), на основании чего рассчитывается интегральная (суммарная, обобщенная) оценка (стадия 8А4).

8Б. Массовый опрос.

На основании обзора и анализа социологических оценочных методов (стадия 8Б1) разрабатывается анкета и формируются критерии оценки (стадия 8Б2). Затем осуществляется подбор респондентов (как правило, от 30 до 50 человек) с соблюдением правила репрезентативности — равномерного распределения их по поло-возрастному, профессиональному и социальному признакам (стадия 8Б3). После этого осуществляется непосредственно поочередное анкетирование респондентов, сопровождаемое фотоальбомом (стадия 8Б4), а впоследствии — систематизация результатов опроса и проведение частных оценок каждого пейзажа (по отдельным характеристикам их восприятия) (стадия 8Б5) и интегральная оценка (стадия 8Б6).

8В. Психологическая экспертиза.

На основании обзора и анализа экспертных оценочных методов ([1] и др.) (стадия 8ВГ1) разрабатывается анкета эксперта в области психологии, в которой отражены, главным образом, вопросы об оценке для заповедания степени выраженности характера реакции (радости, страха, успокоения, душевного подъема и других чувств) на каждый пейзаж у “среднестатистического созерцателя”, а также об общей оценке пейзажа для заповедания в силу его влияния на общее психоэмоциональное состояние человека, по семибалльной шкале (стадия 8В2). На следующей стадии (8В3) осуществляется подбор

экспертов. Нами была разработана анкета и проведена предварительная экспертиза отснятых в первом сезоне исследования пейзажей. Считаем своим долгом назвать всех специалистов в области психологии, которые проявили интерес и любезно согласились принять участие в экспертизе:

1) Носенко Элеонора Львовна, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины, заведующая кафедрой психологии и английского языка Днепрпетровского госуниверситета, специалист в области психологии эмоций и эмоционального стресса;

2) Чугай Анатолий Александрович, кандидат технических наук, доцент ДГУ, докторант, специалист в области эмоций, чувств, парапсихологии, инженерной психологии;

3) Сидоренко Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, доцент ДГУ, специалист в области эстетического воспитания и восприятия школьников, влияния эстетической среды на развитие личности;

4) Шевяков Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент ДГУ, специалист в области инженерной психологии и эргономики;

5) Пальм Галина Аркадьевна, кандидат психологических наук, доцент ДГУ, специалист в области психологии общения, психологии личности, смысла жизни.

На стадии 8В4 осуществляется поочередное анкетирование экспертов с сопровождением альбома, впоследствии результаты опроса усредняются, систематизируются, анализируются и синтезируются аналогично предыдущему методу (частные оценки в данном случае проводятся в разрезе чувств, вызываемых пейзажем) (стадии 8В5 и 8В6).

8Г. Художественная экспертиза.

Проводится по аналогии с предыдущим методом. Анкета включает главным образом вопросы об оценке для заповедания встречаемости отражения каждого из типов представленных пейзажей в известных произведениях художественной литературы, живописи, народного творчества, музыки, а так-

же об общей оценке пейзажа для заповедания в силу, во-первых, его отражения в известных произведениях искусства, во-вторых, его потенциального влияния на вдохновение творчески одаренных личностей, также по семибалльной шкале. Мы бесконечно благодарны всем специалистам в данной области, которые с большим интересом приняли участие в экспертизе. Вот их имена:

1) Фролова Клавдия Павловна, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Украины, член Союза театральных деятелей Украины, заведующая научно-исследовательской лабораторией украинского фольклора, народного устного говора и литературы Приднепровья имени Олеса Гончара Днепропетровского госуниверситета, специалист в области теории литературы и искусствоведения, украинской литературы;

2) Гусев Виктор Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы ДГУ, специалист в области истории русской классической литературы XIX века, проблем жанрово-стилевого разнообразия литературы;

3) Галацкая Валентина Леонидовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИЛ украинского фольклора им. О. Гончара ДГУ, специалист в области современной украинской литературы, фольклористики, театральной и кинокритики;

4) Родной Олег Владимирович, кандидат филологических наук, доцент ДГУ, специалист в области народного творчества;

5) Воеводина Ольга Андреевна, кандидат филологических наук, доцент ДГУ, специалист в области истории русской литературы рубежа XIX-XX веков, мировой и украинской культуры.

Последующие оценочные стадии здесь аналогичны предыдущим вариантам (частные оценки в данном случае производятся в разрезе жанров).

Выражаем надежду, что такой постановкой вопроса и привлечением таких высококвалифицированных экспертов мы хотя бы частично отвечаем

на буквально кричащий риторический вопрос Олега Листопада о том, что “относительно эстетической ценности [природы], непонятно, кто должен давать экспертную оценку и какими критериями при этом руководствоваться” ([4],[5]).

V. Синтетический этап

9. Стадия приведения массивов результатов четырех процедур оценки в сопоставимый вид с использованием определенных методов и правил математической статистики.

10. Стадия расчета средних по четырем вариантам оценочных значений для каждого пейзажа и получение окончательных интегральных синтетических значений эстетичности.

11. Стадия типологии пейзажей по “заповедно-эстетической” ценности или по значимости для заповедания в силу эстетических свойств (достоинств). Проводится по комплексу признаков как на основе общей суммы баллов, полученной в результате унификации и синтеза итогов четырех оценочных процедур, так и с учетом характера причин получившегося уровня эстетичности (т. е. того, “за счет чего” получилось именно такое оценочное значение — например, в основном за счет высокой панорамности, или за счет сильного влияния на психоэмоциональное состояние человека, или за счет большой встречаемости, например, в народных песнях).

VI. Оформительский этап

12. Стадия разработки схемы наглядного представления результатов оценки.

Разумеется, для лучшего восприятия результатов проведенного исследования необходимо составление определенных демонстрационных материалов — графических, схематических, а главное — картографических (возможно, в сочетании с фотографиями), в строгом соответствии с правилами картографии.

13. Стадия оформления наглядных материалов, в процессе которой изготавливаются карты, схемы, графики, диаграммы, разработанные на предыдущей стадии.

VII. Заключительный этап

14. Стадия написания отчета и разработки рекомендаций по заповеданию природных ландшафтов с эстетическими пейзажами.

На данной стадии подводятся итоги всего проведенного масштабного исследования. Сейчас мы можем, с учетом имеющегося на настоящий момент “багажа”, лишь приблизительно очертить схему упомянутых рекомендаций. На наш взгляд, исходным значением в данной ситуации должно выступать максимальное количество баллов интегральной синтетической оценки эстетичности, которое получилось у определенного пейзажа из всех исследованных по стране. Данное значение можно принять за максимально возможное для страны (т. е. выше которого просто не может быть, иначе, в государстве не может быть более красивого пейзажа). В таком случае можно предложить следующую (пока условную) схему:

1) ландшафты, имеющие пейзажи, синтетическая оценка которых составляет менее 40 % от максимально возможного в стране, заповеданию в силу эстетических свойств не подлежат;

2) в ландшафтах с пейзажами эстетичностью от 40 до 60 % от максимальной возможной должны создаваться заповедные урочища, заказники и памятники природы местного значения;

3) от 60 до 75 % — заказники и памятники природы общегосударственного значения и региональные ландшафтные парки;

4) от 75 до 90 % — национальные природные парки;

5) для заповедания ландшафтов, пейзажи которых имеют эстетичность свыше 90 % от максимально возмож-

ной, можно ввести новую категорию природно-заповедного фонда ([3]), которую предварительно условно можно назвать пейзажными природными заповедниками (ППЗ). Следует подчеркнуть, что создание природных и биосферных заповедников на основании эстетической ценности пейзажей природы, на наш взгляд, не может быть логически оправданным, поскольку основная их задача — охрана и изучение биологического и ландшафтного разнообразия. Основной же задачей ППЗ может стать охрана и гуманное (!) использование красоты природы.

В заключение авторы хотели бы поблагодарить Киевский эколого-культурный центр за заказ на столь интересное, актуальное и в практическом отношении значимое исследование, а также за организационную, материальную и моральную поддержку.

Литература

1. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. (1980): Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика. 1-263.
2. Борейко В.Е., Листопад О.Г. (1997): К проблеме охраны красоты в природе путем заповедания. - Запов. справа в Україні. 3 (1): 3-4.
3. Закон Украины о природно-заповедном фонде Украины. - Ведомости Верховного Совета Украины. 25 августа 1992 г. № 34. Ст. 502. С. 1130-1156.
4. Листопад О. (1997): Краса “в законі”. - Зелений світ. 12: 3.
5. Листопад О. (1998): Охрана красоты природы в законах Украины. - Конструктивная экология и бизнес. 1-2: 86-87.
6. Маринич А.М., Пашенко В.М., Шищенко П.Г. (1985): Природа Украинской ССР. Ландшафты и физико-географическое районирование. Киев: Наукова думка. 1-224.
7. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. (1981): Рекреационная география. М.: МГУ. 1-232.
8. Федорцова Т.А. (1985): Методика эстетической оценки экскурсионных ресурсов (объектов и местностей): Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Минск: БГУ. 1-17.
9. Фролова М.Ю. (1994): Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов. - Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2: 27-33.
10. Эрингис К.И., Бурдюнас А.Р. (1975): Экология и эстетика ландшафта. Вильнюс: Минтис.

МИГРАЦИИ ПТИЦ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

В.Н. Грищенко

Перелеты птиц тысячелетия оставались загадкой для человека. Таинственное исчезновение их осенью, появление невесть откуда весной, внезапные налеты невиданных ранее пернатых — все это поражало воображение. Там же, где есть загадка, появляются мифы — первая робкая попытка человеческого сознания осмыслить происходящее. Миграции птиц нашли отражение во множестве религиозных верований, поверий, обрядов и т. д., да и в повседневной жизни. Жители древних Персии и Аравии, например, при составлении календарей учитывали время прилета и отлета некоторых видов птиц (Клаудсли-Томпсон, 1982). У целого ряда сибирских народов — якутов, самодийцев, кетов и др. — март, когда возвращаются первые птицы, называется месяцем орла (Штернберг, 1936). В древнем скандинавском календаре период с 22 апреля по 21 мая назывался месяцем кукушки (Gattiker, Gattiker, 1989).

Можно выделить два основных фактора, повлиявших на отношение людей к перелетным птицам, — направления и сроки миграций (Грищенко, 1996а).

Классический пример птицы, ставшей благодаря своим миграциям священной, — белый аист у мусульман. Азербайджанское название его — хаджи-лелейк, одно из арабских — хаджи-лаклак. Они включают слово “хадж” — паломничество в Мекку, т. е. получается “аист-паломник”. В данном случае сыграло роль то, что через Ближний Восток аисты летят в направлении священного города мусульман, хотя и не долетают до него, сворачивая в Египет. Из Закавказья и Передней Азии часть птиц также летит на зимовку через Аравийский полуостров.

По арабскому поверью, в аистов превращаются души мусульман, которые за свою жизнь ни разу не совершили предписанное Кораном паломничество к гробу пророка Магомета. Они вынуждены делать это уже после смерти в облике птиц. Поэтому каждый, кто умертвил аиста, является убийцей (Creutz, 1988; Gattiker, Gattiker, 1989; Tavakoli, 1989). Другой вариант поверья, распространенный на востоке Анатолии, — в аистов превращаются жители далекой страны, чтобы посетить Мекку. После возвращения весной они снова принимают человеческий облик (Creutz, 1988). В данном случае на почитание птицы на “миграционной” почве наложились еще и отголоски более древних верований. Доисламские бедуины считали, что после смерти тела душа продолжает свое существование в облике птицы (Gattiker, Gattiker, 1989). Второй вариант поверья несомненно связан с давними тотемистическими представлениями.

Верования одного народа могут далеко перемещаться вместе с его представителями. Это касается не только религии в целом, но и отношения к определенным животным. После арабских завоеваний исходно ближневосточный культ белого аиста-паломника широко распространился по мусульманскому миру. Сходные воззрения встречаются у таких совершенно не родственных народов, как арабы, турки, иранцы, некоторые африканские этносы. Впрочем, давние религиозные представления не мешают тем же мусульманам во многих странах активно охотиться на аистов — и как источник мяса, и для развлечения. Особенно активно такая охота ведется в Ливане, Сирии, Египте, многих странах тропической Африки (Schulz, 1988).

Благодаря регулярным миграциям с севера на юг и обратно перелетные птицы могли становиться “транспортным средством” для богов и героев. Это нашло отражение, например, в сказках — путешествия Нильса или Ивасика-Телесика с гусями и т. п. По греческим мифам, Аполлон регулярно отправлялся к гиперборейцам на колеснице, влекомой лебедями (Грейвс, 1992). Лебедь вообще считался священной птицей Аполлона. По мнению Б.А. Рыбакова (1994), представления о том, что Аполлон-солнце на зиму уходит на север, отражали смену сезонов года. В мифологии живущих на Енисее кетов первый великий шаман Дох улетает зимовать на юг вместе с птицами (Мифы народов мира, 1980–1982).

По многочисленным народным поверьям, более крупные птицы во время миграции переносят с собой мелких пичуг. Славяне, например, верили, что перепелки “путешествуют” на аистах или журавлях. На севере Судана местные жители считают, что аисты осенью приносят на своих крыльях большое количество трясогузок, зимующих на берегах Нила (Elmalik, 1989).

Второй фактор — сроки миграции, точнее совпадение их с наступлением важных для человека явлений природы — приход весны или сезона дождей, разливы рек и т. п. Священный ибис у древних египтян стал именно таким не в последнюю очередь потому, что прилетал на места гнездования перед разливом Нила, от которого зависела вся жизнь людей в долине великой реки. Он стал предвестником разлива. Священный ибис олицетворял Тота — одного из верховных богов в египетском пантеоне (Антес, 1977; Мифы народов мира, 1980–1982). Ибиса бальзамировали, ему даже ставили пирамиды. В Египте он был и символом мудрости (Федосеенко, 1998). Здесь важно учесть еще и то, что для древних цивилизаций Ближнего Востока именно разливы рек имели решающее

значение в орошении полей, а отнюдь не осадки. Так было и в Египте (Антес, 1977), и в Междуречье (Крамер, 1977).

Подобно этому у многих африканских племен священным считается белобрюхий аист — хрестоматийный пример сезонных миграций птиц в тропиках. Гнездится он в сухих саваннах к югу от Сахары и на Аравийском полуострове. Период размножения этой птицы приходится на сезон дождей, прилет совпадает с его началом. Более того, в сухой сезон белобрюхий аист покидает места гнездования и, пересекая влажные тропические леса, оказывается к югу от экватора. В это время сезон дождей наступает там. За такую особенность эту птицу в немецком языке так и называют “Regenstorch” — дождевой аист. Вполне понятно, почему согласно поверьям местных жителей он приносит столь необходимые земледельцу и скотоводу дожди. Подобно белому аисту в Европе, белобрюхий часто селится в африканских селах, устраивая гнезда на крышах хижин. По неписаному закону запрещается тревожить или преследовать птиц (Archer, Goodman, 1937; Kahl, 1981; Карри-Линдал, 1984). Африканский аист-разиня, гнездящийся в тропической Африке и на Мадагаскаре, также совершает подобные миграции (в обратном направлении — зимует к северу от экватора), но в “противофазе” — предпочитает сухой сезон года. Поскольку сроки его миграции не совпадают со столь важными для человека явлениями, к священным птицам он не относится.

Прилет птиц весной люди отмечали издавна. Само их появление порождало множество суеверий. Но главное, что с прилетом птиц приходила весна и возвращалось тепло. Л. Билецкий писал по этому поводу: “Обращение через молитвенную заклинательную песню к птицам, которые только что прилетели, можно считать одним из крепчайших и древнейших обрядовых действий”

(Білецький, 1947, цит. по: Килимник, 1994). Причем в данном случае важно не только то, когда, но и *откуда* прилетают птицы. По давним представлениям многих народов, они улетают на зиму в рай. В украинском языке до сих пор сохранилось выражение “птахи відлітають у вирій”. Вырий — это рай древних славян. На Руси перелетных птиц называли “вырийными” (Тараненко, 1995; Вагурина, 1998), т. е. райскими. Более того, весну вообще встречали лишь с прилетом первых птиц (Пропп, 1963; Килимник, 1994). Понятно, что птица, прилетевшая из рая, от богов, да еще принесшая при этом весеннее тепло, уже сама становится как минимум вестником этих богов. У казахов и киргизов Млечный Путь называется “птичьей дорогой”. Мусульманизованная версия — путь, по которому птицы летят в Мекку (Симаков, 1998). По представлениям живущих на Енисее кетов, между небом и землей есть отверстие, откуда и прилетают птицы (Мифы народов мира, 1980–1982).

Отношение к птицам, “принесшим” весну, было особое. Их любили, в честь их прилета устраивали веселые праздники, приносили жертвы и угощения, к ним обращались с молитвами и просьбами. Даже для традиционно охотничьих видов существовали определенные “льготы”. У эвенков, например, был обычай, запрещающий стрелять в первого прилетевшего гуся или утку.

Этнографы описывают праздники встречи перелетных птиц у самых разных народов. Были они и у восточных славян. Это прежде всего 17 марта (нов. ст.). В России этот день называется “Герасим-грачевник” (обычное в таких случаях объединение христианских и языческих праздников типа Ивана Купала). В Украине грачи прилетают раньше. В этот день ожидали аистов (Килимник, 1994). Такой разницей говорит о том, что это был скорее всего вообще праздник прилета

птиц, просто в разных местностях различные виды были провозвестниками весны. Другой день, связанный с прилетом птиц, — 22 марта (христианский праздник Сорока святых). В этот день также встречали вестников весны, даже выпекали специальное обрядовое печенье, которое часто так и называют “жаворонками” (Килимник, 1994; Скуратівський, 1998).

Такой небольшой интервал между двумя сходными праздниками говорит о том, что видимо в древности прилет птиц отмечался у восточных славян в конце второй — начале третьей декады марта. Хорошо известно, что раньше праздники не были жестко привязаны к конкретным датам. Возможно также, что разные дни отмечались в различных местностях. Лишь впоследствии они были приурочены к христианским праздникам. На этот период приходится еще и весеннее равноденствие, так что выбор его, видимо, был не случаен.

Аналогичные праздники были в других странах. В Восточной Пруссии день прилета птиц отмечался 25 марта — на Благовещение (Hinkelmann, 1995). В Англии день 15 апреля назывался “ласточкин день”. В Греции прилет ласточек праздновался 1 марта (Gattiker, Gattiker, 1989).

“Приуроченность” прилета птиц к церковным праздникам (есть даже поверье, что птицы появляются весной непременно на христианские праздники) объяснить несложно. Еще совсем недавно не висел в каждом доме календарь. Крестьянин мог понятия не иметь, что такое 24 июня или 6 августа, зато он знал дни Ивана Купала и Спаса. По церковным (а ранее по языческим) праздникам, как по вехам, шел отсчет времени. Этнографы пишут, что счисление его крестьяне вели по церковным святцам, народные приметы связывались с именами святых или с христианскими праздниками (Лебедева, 1987).

Вестниками весны в Европе были самые разные птицы — грач, полевой жаворонок, скворец, чибис, белый аист, серый журавль, деревенская ласточка, кукушка, соловей и др.

Прилет грачей, по крайней мере в северной части ареала этого вида, — до сих пор радостное явление для людей, хотя летом они и приносят много хлопот человеку. В Новгородской губернии считалось грехом разорять грачиные гнезда (Борейко, 1996). Весьма знаменательны здесь два момента. Во-первых, то, что это поверье связано именно с грачом, все-таки во все времена он вызывал немало нареканий у крестьян. Птице, которая прилетает весной самой первой, могли прощать многое. Во-вторых, регион — северная часть Европейской России. Здесь отрыв в сроках прилета грача от других птиц довольно значителен. Дальше на юг, например, в Украине, он уже не столь популярен. Весной грачи прилетают здесь почти одновременно со скворцами, жаворонками, гусями, а еще южнее — немало их зимовало и в давние времена.

Скворец и по сей день остается одной из наиболее популярных в России птиц (опять-таки, несмотря на ущерб садам и огородам), это подтвердил опрос В.М. Пескова в “Комсомольской правде” в 1982 г. Давняя народная традиция привлекать его на гнездование могла быть связана не только с песнями на усадьбе (скворец в общем-то не лучший певец среди птиц), а и с почитанием как предвестника весны. Привлекать можно было бы и других птиц, например, синиц. Они также красиво поют и к тому же уничтожают множество вредителей сада, но изначально развешивались именно *скворечники*. Э. Штресеманн (Stresemann, 1948) считал, что в Восточной Европе привлечение скворцов на гнездование было связано с мифологическими представлениями. В Германии же скворечники со средних веков до недавнего време-

ни использовались в совершенно иных целях — для отлова птиц. Подрощие птенцы были лакомством для сельской бедноты. По свидетельству П.С. Палласа, в России в XVIII в. считалось преступлением разорить гнездо или убить скворца в окрестностях деревни (Дементьев, 1950). Увидев первого скворца, жители Владимирской губернии говорили: “Господи, благослови, скоро будет тепло” (Борейко, 1996).

У германцев аист и ласточка были посланцами богини Хольды, предвестниками весны (Gattiker, Gattiker, 1989). У балтийского народа пруссов белый аист связан с богом весны Потримпосом (Hinkelmann, 1995). В мифах армян аист фигурирует как вестник Ара Гехецика. Это умирающий и воскресающий бог, аналогичный египетскому Осирису, греческому Адонису и др. Он олицетворял весеннее возрождение природы (Мифы народов мира, 1980–1982). В Германии о прилете аистов оповещали герольды или городская стража, звонили в колокола, устраивали празднования. В день прилета аистов школьников даже освобождали от занятий или вместо уроков читали им сказки. Дети устраивали на улицах веселые шествия и получали подарки. В Бадене тот, кто первым сообщал наместнику о прилете аистов, получал от него в награду каравай хлеба (Gattiker, Gattiker, 1989). По сведениям Филострата, в Древней Греции и Риме первого аиста приветствовали, падая ниц (Борейко, 1996).

К давним верованиям о весеннем возрождении природы восходит и известное уже всему миру поверье, что белый аист приносит детей. Просто трактовка его раньше была гораздо шире. Древние германцы считали, что белый аист, как посланец богов, приносит с неба новую жизнь на поля после длинной зимней ночи (Gattiker, Gattiker, 1989). Аналогичные представления были и у славян — птицы приносят из вырия весну, а вместе с ней в

образе птиц прилетают души новорожденных и предков, последние — для защиты урожая (Килимник, 1994). Вспомним также древние представления о том, что небо оплодотворяет землю. Так, на Руси считалось, что Перун во время первой грозы пробуждает землю к жизни и оплодотворяет ее (Митрополит Иларион, 1994). Белый аист у германцев был священной птицей бога грома Донара (Тора), символом божественного благословения. А Донар был кроме того богом плодородия и урожая (Gattiker, Gattiker, 1989), так что аист имел все “полномочия” переносить новую жизнь.

Интересно, что белый аист является вестником наступления сельскохозяйственного сезона не только в тех краях, где он гнездится. Для одного из народов Кении появление летящих на юг аистинных стай означает, что пришло время обрабатывать поля. Когда же они летят на север — нужно убирать урожай (Schulz, 1988).

В Древней Греции во время весенних празднеств пелись “ласточкины песни” — дети ходили по домам и славили весну, щебеча, словно ласточки (Мифы народов мира, 1980–1982). Археологи обнаружили, что излюбленным сюжетом фресок на о. Фера возле Крита (критская цивилизация, XVI в. до н. э.) была ласточка, приносящая на своих крыльях весну (Marinatos, 1973, цит. по: Ильинская, 1988).

У ряда сибирских народов весну приносили орлы (Штернберг, 1936). Причем орел был не просто вестником или посланцем. Якуты верили, что природа весной возрождается силой царственного беркута. Тепло рождается от троекратного трения твердого как камень клюва о могучую оперенную ляжку и от взгляда горящих глаз. С прилетом орла кончается старый год и начинается новый. “Орел трижды отер о ногу свой клюв — и сломался один рог мороза; он трижды воспел — и осыпался иней высокого леса; он шесть раз проклеко-

тал — и солнце поднялось выше, подул теплый ветер и сломал другой рог мороза; все пришло в движение, снег растаял, потекли ручьи” (цит. по: Ионов, 1913). Как возродитель природы, орел, подобно Дионису, был также богом плодородия. К нему обращались бесплодные женщины с молитвой о детях. Появившийся ребенок считался “рожденным от орла”. Подобно этому, в финской мифологии другой вестник весны — кукушка — вызывает плодородие своим кукованием. У древних греков орел также считался возродителем природы (Ионов, 1913; Штернберг, 1936).

В Семипалатинской области Казахстана в качестве вестника весны почитался орлан-белохвост. Прилетал он одним из первых птиц в конце марта. Появление орланов отмечалось небольшой пирушкой. Другим вестником весны в Казахстане был орел-могильник. В честь первого появившегося орла кололи барана, которого съедали всем аулом. Убить могильника возле гнезда считалось преступлением (Плотников, 1893, цит. по: Симаков, 1998).

У кетов, а также некоторых других народов Сибири, вестниками весны и тепла считались лебеди. Они сопровождали “мать жара” Томэм (Мифы народов мира, 1980–1982).

Можно предполагать существование нескольких этапов формирования культа вестников весны. Исходно, видимо, отмечался прилет первых птиц вообще. Так, у восточных славян праздник встречи весны был приурочен к прилету первой птицы, которая ее “открывала” (Мифы народов мира, 1980–1982). В дальнейшем выделяются отдельные виды, наиболее известные, чем-то примечательные или значимые для человека. Причем далеко не все из них “приносили” весну, т. е. прилетали первыми. Ни аист, ни ласточка, ни тем более кукушка не принадлежат к раннеприлетным птицам. Различные виды предвещали разные этапы весны — самое ее начало, приход тепла, раз-

гар весны и т. п. Весьма вероятно, что прилетавшие позже птицы стали почитаться как вестники весны уже после возникновения земледелия. Их появление как раз примерно совпадало с началом весенних полевых работ. Причем почитание многих вестников весны имеет под собой не только миграционную почву. Это хорошо видно на примере белого аиста — в истоках его культа у индоевропейцев лежит целый комплекс факторов (Грищенко, 1998). Наконец, в заключение формируется культ одной или нескольких птиц-вестников. В разных местностях или у разных племен и народов могли быть различные вестники весны.

Была у птиц-вестников и своя “специализация”. Например, у украинцев ласточка приносила весну в дом, жаворонки — на поля, гуси, гоголи, цапли — к водоемам, кукушки, соловьи и горлицы — в леса и сады, аисты также приносили души новорожденных, перепела и кукушки — души предков. На крыльях же птиц прилетала и весна (Килимник, 1994).

У украинцев был целый период встречи весны протяженностью около месяца — от появления первых птиц в конце февраля — начале марта (ст. ст.) примерно до Благовещенья (Килимник, 1994). Новый год на Руси до середины XIV в. отмечался 1 марта (Лебедева, 1987), т. е. он наступал фактически с приходом новой весны. Перелетные птицы были тем дедом Морозом, который приносил радость и подарки людям. Это не просто метафора. Птицы-вестники весны наделялись в человеческом воображении большими возможностями. В древности они вообще воспринимались как божества. Существует множество поверий, примет, гаданий, магических действий, связанных с прилетом птиц. У древних германцев новый год наступал с прилетом кукушки и началом кукования. Жрецы спрашивали птицу о судьбе наступившего года (Gattiker, Gattiker, 1989).

По давним анимистическим верованиям, весне нужно было помочь прийти из вырия на землю. У самых разных народов существовал в древности обычай призывать весну. Многочисленные веснянки, которые сейчас стали просто красивыми народными песнями, раньше были своеобразными ритуальными текстами-заклинаниями. Обращение часто идет к птицам, как вестникам и “носителям” весны. Вот характерный пример:

Ой вилинь, вилинь, гоголю,
Винеси літо з собою,
Винеси літо, літечко,
Зеленее житечко,
Хрещатенький барвіночок,
Запашненький васильочок...

(Килимник, 1994).

Короткие строки веснянок пелись очень протяжно, как призыв издалика. Обряд происходил на холмах, проталинах, иногда на строениях. Исполнительницы песен поднимали обе руки к небу (Рыбаков, 1987).

В.Я. Пропп (1963) описал обычай встречи жаворонков в России. Происходило это в праздник Сорока святых. Считалось, что в этот из теплых стран день прилетают 40 птиц и первая из них — жаворонок. В их честь выпекали 40 калачей. Чтобы вызвать прилет птиц, а вместе с ним и начало весны, этот прилет имитировался. Из пресного теста пекли обрядовое печенье в форме птиц с растопыренными крыльями, т. е. они изображались летящими. С этими фигурками дети забирались на возвышенные места, пели веснянки и призывали птиц. Фигурки также могли привязывать нитками к шестам, так что ветер их раскачивал, или подбрасывать вверх. Печенье съедали или же оставляли его в садах и на огородах до будущего года. Считалось, что от этих фигурок птиц будет исходить благополучие.

В Украине выпеченными на Сорок святых “жаворонками” угощали своих и соседских детей. Получив подарки,

ребята ходили по селу и, поднимая фигурки птиц над головой, приговаривали:

Пташок викликаю
З теплого краю, —
Летіть, жайвороньки,
Пасти корівоньки!

(Скуратівський, 1998).

Интересную легенду В. Скуративский (1998) записал на Черниговщине. Жаворонок, вылетая из вырия, несет с собой тлеющий уголек и с разрешения Бога (видимо, уже более позднее добавление) роняет его на снег. Так появляются проталины и начинается весна. Как видим, здесь птица не просто приносит ее с собой, но и участвует в изгнании зимы, т. е. возрождает природу, так же как орел у якутов.

Встреча перелетных птиц была частью древней магии. Люди не просто радовались их появлению, а обращались с просьбами об урожае, благополучии, здоровье и т. д. Сейчас это уже в основном детские песенки и приговаривания, но раньше такие тексты имели вполне определенное молитвенное значение. Обращение идет к самым разным птицам. Причем, как и всяким божествам, им приносились жертвы. У славян до нас дошли лишь отголоски этих обычаев, жертвоприношения имеют уже чисто символическое значение. Например, птицам предлагается материал для постройки гнезд. При виде гусяного ключа дети подбрасывают вверх немного соломы и приговаривают:

Гуси, гуси, вам на гніздо,
А нам на тепло!..
или:
Гуси, гуси, вам на гніздечко,
А нам на здоров'єчко!

(Килимник, 1994).

Обращение к аисту:
Буся, буся! На тебе галиопу,
А мне дай жита копу.

В Украине первым журавлям также кидали соломинку, приговаривая: “На тобі на гніздо, а мені на добро”.

Ласточкам бросали комки земли со словами: “На тобі, ластівко, на гніздо, а мені на добро” (Скуратівський, 1998). На западе Украины дети гуцулов, завидев летящих аистов или журавлей, подкидывают вверх солому, палочки и кричат: “На гніздо” (Борейко, 1996).

Ритуальное печенье (“жаворонки”, галиопы, голвоты и т. п.) имело, видимо, двоякое значение. Фигурки птиц, да еще летящих, это то, что Дж. Фрэнзер (1980) называет гомеопатической (имитативной) магией — “подобное производит подобное”. Изготовление их и дальнейшие ритуальные действия были направлены на то, чтобы побудить птиц прилететь из вырея и принести весну. Есть множество примеров такой магии. Наиболее известны, пожалуй, попытки колдовским путем причинить вред своему недругу, воздействуя на его имитационную фигурку или изображение. Охотники у многих народов таким же образом пытались вызвать появление дичи. Например, шаман индейского племени нутка (Британская Колумбия), питавшегося в основном рыбой, при наступлении голода опускал в воду чучело рыбы. Этот обряд, сопровождаемый молитвой, призван побудить рыбу незамедлительно появиться (Фрэнзер, 1980). По одной из наиболее распространенных версий, наскальные рисунки времен палеолита связаны как раз с такой охотничьей магией. В поедании “жаворонков” можно усмотреть еще одно магическое действие — причащение телом божества. Подобные обряды были широко распространены в прошлом (Фрэнзер, 1980).

С другой стороны, как видно из приведенных выше примеров, ритуальным печеньем нередко также “угощали” птиц. Это отголосок древних жертвоприношений им как божествам. У тех народов, у которых подобные обычаи сохранились в более первоначальном виде, подобные жертвоприношения уже

не столь символичны. Например, отмечая прилет орлана-белохвоста, казахи кололи барана и внутренности его вешали на сучок под гнездом (Плотников, 1893, цит. по: Симаков, 1998). Подобные пережитки давних жертвоприношений сохранились и в календарных медвежьих праздниках в Сибири — сейчас это вознаграждение ряженым за развлечение (Болонев, Фурсова, 1999).

По украинскому поверью, если при виде первой ласточки бросить горсть земли на грядку, сказав: “Кріп сію”, то на этой грядке действительно вырастет укроп (Килимник, 1994). Тот, кто первым увидел появление ласточек весной, бежал домой, умывался молоком и вытирал лицо полотенцем, в которое была завернута священная пасха. Таким путем можно было избавиться от веснушек (Скуратівський, 1998). Белорусы считают, что если первый раз увидев весной аиста сказать: “На тихое лето, на буйное жито, а нам на доброе здоровье!” и завязать в этот момент узел на поясе, то он будет хорошим средством от лихорадки (Борейко, Грищенко, 1999). Любопытное поверье есть у косовских сербов. Тот, кто первый раз в году увидит аиста, должен замереть на месте, затем взять из-под своей правой ноги немного земли и бросить в ведро с водой. Этой водой следует обрызгать себя и свой дом, и тогда летом в нем не будет блох (Толстой, 1984). Украинцы, увидев первых журавлей, не сходя с места, брали руками землю, и эту землю потом сеяли вместе с просом. Считалось, что она способствует лучшему урожаю. Гагаузы говорили: “Сколько увидишь и сосчитаешь по весне журавлей, столько килограммов у тебя родится пшеницы”. В Прибалтике дают такой совет: кто хочет быть крепким на ноги весь год, тот должен пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной (Борейко, Грищенко, 1999).

Важно отметить, что подобные поверья относятся не к конкретному виду

птиц, а к первым прилетевшим особям. Сходные их варианты есть у разных народов, например, для белого аиста, серого журавля и кукушки (см. Борейко, Грищенко, 1999).

Инвазионные мигранты из-за непредсказуемости своего появления нередко становились вестниками всевозможных бед и несчастий. Классический пример этого — свиристель в Западной Европе. Появляющаяся время от времени невесть откуда и в больших количествах яркая, заметная птица вызывала в средние века множество предрассудков и поверий. Во многих местах Европы свиристеля считали предвестником всяческих несчастий, войн, эпидемий. Хорошо показывают различное отношение людей к нему старые народные названия. Многие из них связаны с особенностями окраски птицы, ее внешнего вида и т. п. Для нас наиболее интересна та их часть, которая отражает поверья и предрассудки. Еще с античных времен свиристель считался переносчиком пожаров (нем. название “Brandstifter”), потому что яркие красные пятна на маховых перьях птицы суеверные люди принимали за огоньки. К. Вольфгарт в 1557 г. описывал появление однажды во время бури и грозы стаи “воронов”, которые несли в клювах горящие угольки и сбрасывали их на селения. У У. Альдрованди речь идет о стае воронов или грифов, которые в 1194 г. появились в огромных количествах, перелетали с места на место с горящими угольками в клювах и поджигали дома. Р. Кинцельбах (Kinzelbach, 1995) проанализировал эти и другие сведения, и пришел к выводу, что так гротескно описывались инвазии свиристелей в 1191/1192 и 1194/1195 гг.

Еще больше суеверий вызывало внезапное появление свиристелей. В средние века продолжительность жизни человека была небольшой. Крупные инвазии случались в среднем раз в 10 лет, при этом свиристели, естественно, мог-

ли появляться не во всех местностях. Т. е., человек за свою жизнь мог столкнуться с налетом этих птиц всего 1–2 раза. Каждый раз это было внове, порождало массу слухов и суеверий, возникало множество новых названий птицы. Естественно, многие инвазии совпадали с войнами, эпидемиями, стихийными бедствиями и другими крупными несчастьями, их во все времена было вдоволь. Так, инвазии свиристелей “предсказали” Великую французскую революцию (массированные налеты этих птиц в Западной Европе отмечались в 1787/1788 и 1788/1789 гг.); начало 30-летней войны (инвазия 1617/1618 гг.); поражения европейских армий от Наполеона в битвах под Аустерлицем и Иеной (инвазия 1806/1807 гг.) и даже первую мировую войну (инвазия 1913/1914 гг.). Понятно, что свиристель стал считаться во многих местах предвестником всяческих бед. Об этом говорят и многие старые немецкие народные названия — “Kriegvogel” (“птица войны”), “Todtvoegel” (“птица смерти”), “Pestvogel” (“птица чумы”), “Pestdrossel” (“чумной дрозд”) и т. п. На Цюрихском озере в Швейцарии до сих пор появление свиристелей является предзнаменованием холодной зимы (Gattiker, Gattiker, 1989; Kinzelbach, 1995).

Наиболее прочно народная молва связала свиристеля с чумой. Причем настолько, что в голландском языке даже официальное научное название его так и осталось “Pestvogel”. Первая крупная эпидемия чумы, прокатившаяся по Европе в 1348–1353 гг., как раз совпала по времени с массовой инвазией 1350/1351 гг. Были и другие совпадения.

Большой интерес в этой связи представляет средневековая икона из г. Збраслав в Богемии, которая хранится сейчас в Национальной галерее в Праге. Нарисована она была в 1360 г. На иконе Мадонна с младенцем Христом, который держит в правой руке прижа-

того к плечу свиристеля. Птица нарисована четко и хорошо узнаваема. Это древнейшее точное изображение свиристеля, но наибольший интерес для нас представляет символика рисунка. В средние века была традиция изображать младенца Христа со щеглом в руках. Икона была написана вскоре после крупной инвазии свиристелей в 1350/1351 гг., т. е., возможно, автор под впечатлением недавно увиденных ярких и красивых птиц заменил традиционного щегла на свиристеля. Но возможны и другие объяснения. Эта инвазия, как уже говорилось, совпала с первой крупной эпидемией чумы в Европе. Весьма вероятно, что свиристель — это своеобразный знак судьбы, который находится в божьих руках. Он (Pestvogel!) в данном случае символизирует чуму. Имеется в виду, что это игрушка в руках Бога, или другой вариант трактовки — только он может обуздать эту “кару небесную” (Kinzelbach, 1995).

В тех же странах, где свиристель является более или менее обычным гостем, негативных эмоций его появление не вызывает. Например, для украинцев это просто красивая птичка. Прилет свиристелей, как и снегирей, говорит о приближении зимы, но не более того.

Не большей популярностью пользовалась в Западной Европе и другие нерегулярные мигранты — чечетка, клест-еловик и др. Их также считали предвестниками несчастий. Появление этих птиц связывали со смертью, чумой, голодом и т. д. Интересно объясняли внезапное появление зимой чечеток крестьяне в Силезии. По их представлениям, эти птицы образовывались из мышей, весной же превращались обратно в грызунов (Gattiker, Gattiker, 1989). Клестам, правда, повезло больше. Во многих регионах Европы они гнездятся в горных лесах, поэтому не были такой диковинкой для местных жителей. В Швабии, например, клес-

та ставили даже выше ласточки и аиста. В ряде местностей Германии считалось, что наличие клеста в доме защищает от удара молнии. Есть сведения, что в древности он был священной птицей бога грома Тора (Gattiker, Gattiker, 1989).

Но не всегда внезапно появляющиеся птицы были знаменами злой судьбы. Могли играть роль и другие факторы. Например, окраска, голос, особенности поведения и т. п. Встреча белой совы у татар и калмыков была хорошим предзнаменованием. Залет ибиса в Закавказье — к счастью.

Литература

- Антес Р. (1977): Мифология в Древнем Египте. - Мифологии древнего мира. М. 55-121.
- Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. (1999): Пережитки культа медведя у русских и белорусов в Сибири. - Природа. 1: 83-88.
- Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев. 2: 1-172.
- Вагурина Л.М. (сост.). (1998): Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор & Совершенство. 1-318.
- Грейвс Р. (1992): Мифы Древней Греции. М.: Прогресс. 1-624.
- Грищенко В.Н. (1996а): Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. - Мат-ли II конфер. молодых орнитологов Украины. Чернівці. 48-52.
- Грищенко В.Н. (1998): Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев. - Беркут. 7 (1-2): 120-131.
- Дементьев Г.П. (1950): К истории скворечника. - Охрана природы. 10: 152-158.
- Ильинская Л.С. (1988): Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М.: Наука. 1-176.
- Ионов В.М. (1913): Орел по воззрениям якутов. - Сб. музея антропологии и этнографии Академии наук. 16: 1-13.
- Карри-Линдал К. (1984): Птицы над сушей и морем. М.: Мысль. 1-204.
- Клаудсли-Томпсон Д. (1982): Миграция животных. М.: Мир. 1-136.
- Крамер С.Н. (1977): Мифология Шумера и Аккада. - Мифологии древнего мира. М. 122-160.
- Килимник С. (1994): Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Київ: Обереги. 1: 1-397, 2: 1-524.
- Лебедева А.А. (1987): Народные знания славян. - Этнография восточных славян. М.: Наука. 483-498.
- Митрополит Іларіон (1994): Дохристиянські вірування українського народу. Київ: Обереги. 1-424.
- Мифы народов мира (1980-1982): М.: Сов. энциклопедия. 1: 1-672, 2: 1-720.
- Рыбаков Б.А. (1987): Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1-754.
- Рыбаков Б.А. (1994): Язычество древних славян. М.: Наука. 1-608.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Скуратівський В. (1998): На крилах храму. Київ. 1-116.
- Тараненко Л.И. (1995): Еще об изучении названий птиц. - Социально-орнитол. идеи и предл. Ставрополь. 5: 40-47.
- Толстой Н.И. (1984): Иван-аист. - Славянское и балканское языкознание. М.: Наука. 115-117.
- Федосеев В.М. (сост.) (1998): Флора и фауна. Мифы о растениях и животных. М.: Русь. 1-256.
- Фрэзер Дж.Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Штернберг Л.Я. (1936): Первобытная религия в свете этнографии. Л. 1-571.
- Archer G., Goodman E.M. (1937): The Birds of British Somaliland and the Gulf of Aden. London: Gurney and Jackson. 1: 1-285.
- Creutz G. (1988): Der Weiss-Storch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-236.
- Elmalik A.S.E.E. (1989): Threats to the White Stork (*Ciconia ciconia*) in the Sudan and conservation priorities. - Weißstorch - White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA. 10: 331-335.
- Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-589.
- Hinkelmann Ch. (1995): Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. - Bl. Naumann-Museum. 15: 24-52.
- Kahl M.P. (1981): Welt der Störche. Hamburg, Berlin: Parey. 1-96.
- Kinzelbach R. (1995): Der Seidenschwanz, *Bombus garrulus* (Linnaeus 1758), in Mittel- und Südeuropa vor dem Jahr 1758. - Kaupia. Darmstädter Beiträge zur Naturgeschichte. 5: 1-62.
- Schulz H. (1988): Der Weißstorchzug. Kunigslutter-Lelm. 1-459.
- Stresemann E. (1948): Geschichte des Starenkastens. - Orn. Beobachter. 45 (5): 169-179.
- Tavakoli E.V. (1989): The White Stork (*Ciconia ciconia*) distribution in Iran. - Weißstorch — White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA. 10: 183-187.

К вопросу об этических основах заповедного дела

В.Е. Борейко, Е.А. Симонов

4 сентября 1908 г. на общем собрании Юбилейного Акклиматизационного съезда в Москве основоположник российского заповедного дела профессор Московского университета Григорий Александрович Кожевников сделал свой классический доклад “О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы”, в котором впервые в Российской империи поставил этический вопрос “о праве первобытной природы на существование”. Через 20 лет, уже при советской власти, он еще раз (и последний) вернулся к этой теме: “Охранять первобытную дикую природу ради нее самой, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане — вот основная идея охраны природы по моему докладу”.

Соратник Кожевникова, петроградский профессор Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский в своих статьях также неоднократно поднимал вопрос этической ценности заповедных объектов. В 1919 г. на Всероссийском съезде мироведения он заявил: “Ведь есть еще одна сторона в деле охраны очагов свободной природы, на которой мне хочется, хотя бы на минуту, остановиться. Напомнить о ней особенно уместно в наше время разгара чисто материалистических стремлений и, несмотря на высоту подъема социалистических идей, все же, увы, эгоистических настроений. Это — сторона вопроса чисто этическая”. Ученый призвал человека уважать право на жизнь ему подобных, всего того “чему предугазано жить и цвести на земле наряду с человечеством не стесненным в своем творчестве природой”. И, хотя оба ученых были признаны “отцами отечественной

природоохраны”, их этические воззрения не получили широкой поддержки среди их современников.

Все последующие годы советского и уже постсоветского периода в нашем заповедном деле вообще не принято говорить об этической ценности охраняемых природных территорий. Этические взгляды классиков заповедного дела не то что развивались, о них напрочь забыли. Наоборот, торжествовали совсем иные “этические” подходы, высказанные известным советским философом А.А. Гусейновым: “Мы за природу для человека, но против боготворения природы, против поклонения всему живому, против фальшивой сентиментальности”... По-видимому, даже если деятелями охраны природы и руководили какие-то этические мотивы, они не могли использоваться в публичной аргументации, направленной на объяснение целесообразности природоохраны в соответствии с государственной политикой.

Лишь в 1996 г. в рамках совместного российско-украинского проекта “Любовь к природе” (его проводят Центр охраны дикой природы СоЭС, Эколого-просветительский Центр “Заповедники” и Киевский эколого-культурный центр) в альманахе “Про Эко” мы опубликовали статью профессора А. Никольского “Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела”, в которой впервые ставится проблема этических принципов заповедного дела. Вместе с тем взгляды Альберта Швейцера, на которые опирается автор, касаются, в основном, животных, они не затрагивают все элементы природных экосистем. Не вполне разъясняет автор и то, как этичес-

кий императив должен применяться в практике заповедного дела.

С нашей точки зрения, основной этический вопрос в отношении человека к дикой природе может быть сформулирован как вопрос о праве дикой природы на существование безотносительно пользы, хотя бы потенциальной, для человека. Нам кажется, что охрана природы не может основываться на убеждении, что человеческое существование есть наивысшее благо. Напротив, существование любого существа есть благо. Свое право на существование многие виды дикой живой природы, так же как ландшафты, хранящие дикий облик Земли, теперь чаще всего могут осуществить лишь на заповедных территориях. Заповедники и другие охраняемые объекты — это последние пристанища на Земле, где дикая жизнь может быть предоставлена сама себе. Заповедные объекты, сохраняющие любую жизнь и поддерживающие ее развитие, являются одним из самых благих и этических деяний человечества. Это выражение наверное, универсального постулата многих этических школ, что делать добро для другого, ничего взамен не получая и не ожидая — всегда расценивалось как высшее благо и высшая целесообразность одновременно.

Однако являются ли наши охраняемые природные территории и прежде всего заповедники святынями дикой жизни, выполняется ли в них этот приоритетный в заповедном деле этический принцип — делать добро для других, не получая ничего взамен? Нет, и еще раз нет. Отечественные заповедники, не говоря уже о заказниках и национальных парках, на деле продолжают использовать природу для человека и во имя человека. Мы заведомо не будем останавливаться на многочисленных и постоянных нарушениях заповедного режима. Возьмем то, что разрешено законом: научная работа, эко-

туризм, студенческие практики, пропагандистско-просветительская деятельность, различные “регулирующие” мероприятия. Все это делается опять же из чисто утилитарных мотивов. Для человека. За счет дикой заповедной природы.

Дикая природа, все то, “что уничтожается и не может защищаться”, как учил Виктор Гюго, должно иметь право на полную охрану в особых заповедных объектах. Ведь охрана существует для слабых, охрана есть деятельность в пользу слабого. Сделав первый шаг, создав для дикой природы резервации ради нее самой, человек должен пойти на второй шаг — позволить ей там “дичать”. Совершенно не вмешиваясь в природные процессы. Как говорил американский писатель Генри Торо — “в дикости состоит сохранение мира”. Ему вторил русский писатель и историк Н. Карамзин: “Нет, нет! я никогда не буду украшать Природы (...) Дикость для меня священна, она возвеличивает дух мой”. А тот же Генри Торо призывал дикое начало в природе любить не меньше, чем нравственное начало в человеке.

Вернемся из теории в практику. Однако наши заповедники и национальные парки (не говоря уже о других ОПТ) чаще всего являются сферой научного или рекреационного интереса, нежели местом моральной озабоченности. Если в российском заповеднике “Остров Врангеля” мониторинг берлог белого медведя проводится тогда, когда медведицы наиболее уязвимы для фактора беспокойства, если в украинском заповеднике “Росточье” ради лесоведческой науки всюду валят заповедный лес, то это лицемерие, а не заповедники. Трижды прав профессор А. Никольский. Охрана природы (да и святая его святых, заповедное дело) стали превращаться в технологию обеспечения жизнедеятельности человека. Из них вытесняется духовное начало.

Мы считаем, что самое право дикой природы на существование — достаточное основание для заповедания. Должны создаваться охраняемые территории, где этическая ценность заповедной природы становится главной. Там должен быть полностью запрещен и туризм, и различные “регулируемые мероприятия”, и экопросвещение (за исключением пропаганды как метода охраны территории), и даже наука. С другой стороны, многие исчезающие виды и сообщества уже не могут существовать на Земле самостоятельно, так как человеком сведены на нет

природные факторы, их поддерживающие (пожары, наводнения, стада диких копытных животных и т. д.). И это само по себе достаточная причина для того, чтобы создавать другие охраняемые территории, где бы человек искусственно поддерживал существование этих форм жизни.

И, чтобы это происходило в заповедном деле, — управление, планирование и толкование охраняемых природных территорий должно осуществляться с позиций их этической самоценности.

Посвящается светлой памяти Вадима Николаевича Тихомирова

Таинство заповедания **(к обсуждению идеологии заповедного дела)**

Ф.Р. Штильмарк

... И в тайне ты почиешь, Русь!
А. Блок

Мы невольно привыкли выделять “круглые”, юбилейные цифры и даты. На подходе создание в России сотого по счету государственного заповедника; незаметно минуло в 1995 г. столетие первого заповедного стационара, созданного В.В. Докучаевым; довольно широко отметили 80 лет Баргузинского заповедника, приближается та же дата для Астраханского и Кавказского, минуло семидесятилетие Воронежского... Годы бегут!..

Казалось бы, давно установилось строгое юридическое и научное толкование заповедности, оно вошло в законодательство, словари, справочники. А все-таки сохраняется, как и прежде, противоречивость суждений, не прекращаются споры даже в кругу сугубых специалистов, не говоря уже о простой публике. Особенно усилилась эта раз-

ноголосица в последние два десятилетия, когда в стране стала развиваться система национальных и природных парков, заметно возросли наши международные контакты в сфере охраны природы, в результате чего прежняя концепция заповедников как научных учреждений подверглась своего рода ревизии. На передний план стали выдвигать их эколого-просветительскую роль. Теперь же все чаще звучат суждения о культурных, нравственных и даже религиозных аспектах охраняемых природных территорий различных типов.

“Я остро ощущаю необходимость создания новой идеологии для заповедного дела. Динамичной, отвечающей требованиям времени. Прежняя идеология, разработанная при советской власти, где во главу угла ставилась

экономика, политика, гипертрофированная роль знания, хозяйственный и научный подходы, приказала долго жить. Некоторые, после разочарования в социализме, заявят: нам не нужна идеология. Это неверно. Идеология — это цель, расписанная с ориентацией на каждого гражданина. Она строится на основе разума и чувств.”

Это пишет один из лидеров “зеленого движения” стран СНГ, руководитель Киевского эколого-культурного центра Владимир Евгеньевич Борейко в своей последней работе “Святыни дикой природы”, с подзаголовком “наброски к идеологии заповедного дела” (цитата со стр. 70).

Откликаясь на его призыв принять участие в обсуждении проблем заповедного дела на новом этапе, следует подчеркнуть исключительную сложность — я бы сказал даже не просто трудность, а непомерную “тягостность” такой задачи. Главное, что здесь требуется абсолютная искренность при выражении не только своих мыслей, но и чувств. Следуя гениальной формуле Тютчева, надо помнить, что “мысль изреченная есть ложь...” Но эту “ложь” можно и нужно преодолеть! Нужна исповедальная, абсолютная искренность, тогда как мы привыкли писать, четко ориентируясь на вкусы редакций, преодолевая давление внешней и внутренней цензуры, стесняясь самих себя. Чтобы правильно настроиться на дискуссию, я позволю себе — пусть даже по-стариковски! — обратиться к своей прожитой жизни, чтобы преодолеть страх перед чистым листом бумаги, излагая свои подлинные мысли и чувства, те самые, что по словам В. Борейко из приведенной выше цитаты “постоянно меняются” (там же, с. 70).

Как же им не меняться! Без малого семьдесят лет я ношу имя в честь пламенного революционера, Феликса Эдмундовича Дзержинского. В нашей семье слова “большевик” или “чекист” в мои детские довоенные годы производились с неизменной гордостью, в них видели образы светлых крылатых ангелов, огненными мечами выжигающих человеческую скверну,

разящих мещанство и прочие общественные пороки. Моя мать, петербургская дворянка, практически всю свою взрослую жизнь была очень тесно связана с ВЧК—ОГПУ—НКВД, и отец, который был моложе ее, полностью разделял эти взгляды. Революционная романтика вполне сочеталась со стихами Блока и даже... расстрелянного Гумилева (мама была знакома и с ним, и с Ахматовой). Отец воспринял как необходимую неизбежность арест в 1938 г. моего деда, видного инженера, бывшего офицера царской армии (он был тогда же расстрелян в Бутыно, о чем мы узнали лишь совсем недавно). Отцу пришлось скрывать эти факты, чтобы уйти добровольцем на фронт, он сражался под Ленинградом (начштаба разведроты), был отмечен боевыми наградами. После тяжелых ранений отец получил назначение в Ташкент, где мои родители и я тяжело болели разными хворями. В 1944 г., вскоре после возвращения в Москву, мать умерла, а отца спустя полгода арестовали, припав ему 58-ю статью за “анти-советские высказывания” вроде тех, что американский “студебеккер” таскает на себе “Катюши” лучше, чем наши отечественные “ЗИСы”... Мне довелось беспризорничать, бросив учебу, и спасла меня лишь помощь добрых людей.

Дело не в том, что, спустя несколько лет, окончив десятилетку экстерном, я не мог поступить в Московский университет, хотя работал препаратором при Зоомузее МГУ, и в Зоопарке, начал ездить в научные экспедиции. Пусть жизнь вынудила пойти в Московский пушно-меховой Институт и слушать “сказки дяди Пети” (П. А. Мантейфеля) — суть в том, что едва ли не все мое поколение как правило не имело ни подлинного воспитания, ни образования. Пропустить лекции ради охоты, опоздать на занятия, вернуться из экспедиции недели на две позже — все это было в порядке вещей. Мы знали, что главное — получить дипломы, миновать распределение, устроиться по принципу “где бы ни работать — лишь бы не работать”. Социализм приучил нас расплачиваться бездельем за низкий уровень жизни, а научные работники могли вволю “удовлетворять свое личное любопытство за государственный счет”. Поездки за казенные деньги на всевозможные совещания и семинары отчасти компенсировали всю эту неурядицу, постоянное вранье и лицемерие на политзанятиях, вечерних университетах марксизма-ленинизма и т. д. и т. п...

Когда умер Сталин, я уже мог отличать белое от черного, так что особых переживаний не испытал, но ощутил, что уходит целая историческая эпоха. Мне кажется, что если бы к власти тогда пришел Берия (при всех его личных “качествах”), то “перестройка” началась бы гораздо раньше и могла пройти успешнее. Хрущев и Брежнев не вызывали никаких симпатий, но закалка предыдущим сталинским режимом вынуждала к сдержанности и покор-

ности. Страх — вот главная опора сталинизма. Я не мог не только сказать то, что думал на самом деле, но даже записать свои раздумья в дневник — слишком памятливы были мне сцены арестов и обысков.

Основной принцип социализма на мой взгляд лучше всего выражен в одной фразе: “чтобы всем было хорошо, надо, чтобы каждому было плохо”. Цинизм и безнадежное равнодушие заставляло мириться с действительностью, но это оставляло свои отпечатки в сердцах, умах и душах. Я был совершенно убежден в неизбежном крушении социализма и СССР как подлинной “империи зла”. Бог милостиво вступать в партию, но приходилось оставаться прилежным советским гражданином, несмотря на свое внутреннее диссидентство, чтение всевозможной крамолы (в первую очередь, конечно, Солженицына) и слушание “вражеских” радиоголосов. Моя жизнь так и прошла в “лагере социализма, мира и труда”, то есть в “большом лагере”, только что не в самых страшных из всех его бесконечных бараках...

Недавно я где-то наткнулся на очень выразительные строки не то С. Довлатова, не то Ю. Даниэля:

И мы, шипя, ползли под лавки
Плюясь, гнусавили псалмы...
Дерьмо на розовой подкладке —
Герои, диссиденты мы!

(цитирую по памяти).

Ю. Даниэль за свое диссидентство, что ни говори, отсидел в лагере, меня же, состоявшего под неусыпным надзором КГБ, “всего лишь” не пускали за рубеж (даже в Монголию, которая “незаграница”).

Но вот мы стали изумленными свидетелями стремительного краха и монолитной КПСС, и грозного КГБ, и могучего “нерушимого” Союза со всеми их разнообразными атрибутами. И что же? Можем ли мы вернуться в прежнюю страну, в подлинную Русь православную, которая четко отличала добро от зла, грех от праведности, когда даже по старым фотографиям видно, что люди той поры были “российскими”, а не “советскими”? Технически, конечно, можно воздвигнуть здание, воспроизводящее храм Христа Спасителя, но какой волшебник вдохнет в него давно сгинувшую душу? Кто может возродить Россию, которой нет уже более 80 лет, которую злодейски загубил большевистский Левиафан, а точнее говоря — Ленинофан, труп коего сохраняется в сердцевине нашей несчастной родины... Увы нам!

Сейчас везде и всюду можно слышать формулу о “нашем трудном времени.” Пусть так, но когда было легкое, кроме как для тех, кто раболепствовал ради своего преуспеяния? Как быстро люди забыли времена подлинного (а не теперешнего) голода и террора, неизменно стоящие перед моими глазами. Когда же окаянный режим прогнил, оказалось, что на верхних (руководящих) этажах нашего обществен-

ного здания вовсе не осталось порядочных людей — и это совершенно естественно: откуда им взяться-то после ленинско-сталинского и хрущевско-брежневского “воспитания”? Радоваться нашей псевдодемократии, в самом деле, не приходится, и даже свобода слова обернулась дикой разнузданностью. Вокруг нас военные стычки, кровавые разборки, криминальный беспредел, сплошные кризисы... Короче говоря, мы пришли туда, куда шли все советские люди под “мудрым” водительством “родной” коммунистической партии, и привели нас к этому не Горбачев с Ельциным, а вся их предистория. Конечно, лидеры моего поколения ни физически, ни морально не способны на подлинные преобразования, поэтому мы и живем в некоем неведомом “Зазеркалье”. А что сотворят потом наши потомки, будет ясно только в XXI веке.

Но причем тут идеология заповедного дела? Очень даже “при том”! Охраняемые природные территории существуют не в безвоздушном пространстве, а являются частью общественной системы. Люди, прошедшие сквозь шпицрутены советского режима на самых разных его этапах, в массе своей не способны сохранить самостоятельность мышления, веру и совесть (исключения, подобные Солженицыну или Льву Гумилеву, конечно, возможны, но крайне редки, невозможно равняться по гениям). Мы же так научились приспособляться и мимикрировать, что могли, подобно средневековым философам, одновременно доказать бытие Божье, опровергнуть бытие Божье и тут же опровергнуть оное опровержение...

Кстати, о бытие Божьем. Мы необразованны и невоспитанны не только “светски”, но и духовно. Мой отец, проходивший в юности католический обряд конфирмации в бывшей Петропавловской гимназии, после возвращения с островов ГУЛАГа (где ему непостижимым образом удалось написать роман “Наследник из Калькутты”, запрещенный Госкомпечати РСФСР сразу же после выхода в свет) в 60-х годах принял православие и часто посещал своего духовника — священника-диссидента, позднее принародно раскаявшегося и ныне восхваляющего Ста-

лина. Мы с женой уже немолодыми прошли обряд крещения и теперь изредка бываем в храме, однако, говоря по совести, не можем считать себя истинно верующими и уж тем более — добропорядочными прихожанами. В первых, реалии нашей советской (или постсоветской) жизни препятствуют соблюдению церковных правил и обычаев, во-вторых — и это может быть даже важнее — человек, искренне любящий дикую природу, остается скорее язычником, чем христианином (это подтверждает и последняя работа В.Е. Борейко). Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближний лес, а не стоять со свечкой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона. Понимаю, что почти богохульствую, осознаю свой грех, мысленно каюсь, но перedefельвать себя уже поздно. В своей “Поэтической экологии”, недавно изданной тем же неутомимым В.Е. Борейко, я выделил главу, посвященную теме Бога в русской поэзии, но все это не более чем “ума холодных размышлений и сердца горестных замет”. Кому церковь не мать, тому и Бог не отец!

Любой человек чувствует присутствие таинственной высшей силы, высшего разума и творческого начала, называемых людьми по-разному. Почему один человек рождается гением, а другой остается бездарным, несмотря на все дипломы и даже научные степени? Почему один, достойный лучшей участи, умирает в страшных мучениях в расцвете лет, а другой, подчас причиняющий зло своим близким, благополучно доживает до глубокой старости?

Сколько славных душ поблекло,
Сколько низких рок хранит!
Нет великого Патрокла —
Жив презрительный Терсит!

(Жуковский)

Что будет в приближающемся столетии с нами, нашей страной, нашей

планетой? Сгинет ли она в атомных бурях, или человечество опаматуетея, спасет себя, сохранит природу, преодолеет нынешние тяготы и распри? Бог весть. Бог знает, от судьбы не уйдешь — вот уже зримое признание некоей Высшей Власти над нами. “Единому человеку между всех земных тварей удалось познать, что существует **всеотец**, всему начало, источник всех сил... То истинно, что, когда разум, а паче сердце, страстями незатменно, вся плоть, все кости ощущают над собою власть, их превышающую. **Называй сие, кто как хочет**, но... если ты не изверг, о, человек!, то Отца своего ты должен чувствовать, ибо Он повсюду; Он в тебе живет, и что ты чувствуешь, есть дар Вселюбящего...” (Радищев, выделено нами). Да, как сказал Державин, “**Ты есть — и я уж не ничто!**” Державинская ода “Бог” — одна из вершин поэзии российской — могла бы затронуть многие чувствительные юные души, если бы входила в наши новые школьные учебники, а Закон Божий (и вся христианская религия в целом!) способны оказать огромное моральное воздействие на наше “мутантное общество”, разлагаемое нынешним культом насилия, секса и жестокости. И охрана природы невозможна без морали и веры. Но вместо этого школам предлагается “половое воспитание”, а массовая “культура” (прежде всего, конечно, телевидение) разрушает последние остатки истинной духовности.

Пусть я отклонился от главной темы, но теперь, излив душу и представив себя собеседникам, мне уже гораздо легче вести диалог о заповедных делах, стремясь выдержать ту же искренность изложения. В.Е. Борейко в упомянутой работе, отрывок из которой публиковался также в “Заповестнике”, упрекает меня в том, что в своих работах я свел разговор о заповедании дикой природы к “обслуживанию науки”. Я во многом согласен со своим более

молодым коллегой, особенно когда он говорит о необходимости полного и строгого заповедования, об исключении всех форм прямого воздействия на природу, включая научные изыскания. Да, самоценность и значительность таких заповедных участков безусловно возвышается и над экономикой, и над наукой, но надо все же оставаться в рамках нашего реального мира, не рисуя себе напрасных иллюзий.

Действительно, мы очень часто были вынуждены прибегать к привычной аргументации, используя самые различные “приземленные” доводы ради создания заповедников. Ведь изъять у советской власти, у хозяйственников “кусочек” родной земли — и подчас немалый! — было не так-то просто. Приходилось идти на компромиссы, “поступаться принципами”, подчас просто ловчить и выкручиваться. А в основе заповедания лежало, конечно же, **чувство** — светлое чувство любви к природе, жалости к ней, желание спасти ее от человеческого насилия. Можно ли было при этом говорить об этике и эстетике, тем более — о религиозных и мистических мотивах? Что это могло дать, кроме полной дискредитации тех, кто стремился к созданию заповедника? Мы видели в этом прежде всего форму “минимального зла” — лучше зоолог с ружьем и ботаник с копалкой, чем лесорубы и геологи. Во-вторых, что ни говори, как их не ругай, но советские заповедники — быть может одно из очень немногих светлых пятен на всем восьмидесятилетнем фоне недавнего прошлого. Недаром известный американский историк Дуглас Уинер назвал их “архипелагом свободы”, а на первом международном конгрессе по биосферным заповедникам они были признаны эталонными для всей мировой системы. И это не было лицемерием, несмотря на многие недостатки и тяжкие болезни советского заповедного дела.

Мысль о духовно-религиозной основе заповедания, пусть очень редко и робко, но все же иногда пробивалась даже в советской печати. “В понятие о “заповедном”, “заповедниках” мы вкладываем, помимо представления о чем-то заказанном и запрещенном, еще и какой-то **священный смысл**” (О. Волков, “Клад Кудеяра”, М., 1963, с. 216, выделено нами). В древнейшей “книге книг”, как часто называют Библию, оказавшую поистине грандиозное влияние на судьбы человечества, мы встречаемся со словом “Заповедь” очень часто. “И заповедал Господь Бог человеку...”

В пророческой книге Екклесиаста читаем: “Соблюдающий заповедь не испытает никакого зла; сердце мудрого знает и время, и устав...”

Нагорная проповедь Иисуса Христа включает в себя знаменитые десять “заповедей Божьих”, которые по сей день звучат как нерушимое наставление не только для верующих, но и всех нравственно здоровых людей.

Понятие о заповедности как строгом повелении, завещании, запрете, ограничении пронизывает все книжные источники от Библии и словаря Даля до самых современных справочников. Но уповать на соблюдение этих заветов только на этических и религиозных основах было бы непростительно наивным. Нельзя забывать, что любой человек обладает не только душой — пусть даже бессмертной! — и не только разумом (пусть Божественным!), но и бранным телом, неизменно испытывающим нужду в хлебе насущном или — выражаясь сугубо по-советски — “в постоянном удовлетворении непрерывно растущих потребностей”. Правда, наше экологическое мышление обязано восставать против такой формулы, предлагая разумное сокращение, а не безмерное расширение своих потребностей, но без пищи, одежды, жилья, света, отопления не обойтись никому, даже самому яркому природолюбу...

Двойственность человеческой натуры, сочетание в ней духовности и телесности проявляется постоянно и многогранно. Один из самых ярких тому примеров — парадоксальная преданность и подлинная любовь к природе у охотников и рыбаков, “безжалостно” убивающих животных. Ведь с позиций ортодоксальных природоохранителей охота есть несомненное и серьезное зло. Невозможно опровергнуть слова Л. Толстого о том, что дурно для своего развлечения убивать невинных животных (“Злая забава”). Но полнокровная (тем более — дикая!) живая природа не терпит пустой созерцательности. Я не могу представить себя, идущим в столь близкую моему сердцу сибирскую тайгу или безлюдную тундру — если это не заповедник! — с одним биноклем без топора и ружья. “Природа любит пахаря, рыбака и охотника” — писал Михаил Пришвин, и никто не убедит меня в том, что он, равно как Аксаков или Тургенев, Сетон-Томпсон или Формозов относились к природе “хуже”, чем противники всякой охоты. Не будем говорить здесь о необходимости регуляции численности животных (“отстрел лучше, чем убийство милосердие”), о значимости пушного промысла и т. д. Все и проще, и гораздо сложнее! Ведь само понятие любви тоже отнюдь не однозначно, и кроме светлого духовного чувства в ней существует, занимая очень важное место, чисто физическая, плотская сторона, без которой не было бы и самой нашей жизни... Отвратительно, когда понятие любви подменяется модным словечком “секс”, но бесполое, созерцательная любовь также неестественна, как разврат и насилие. А ведь в природе тоже есть свое женское начало, она и мать, и кормилица наша. Что же касается чувства жалости, то оно хорошо знакомо большинству охотников, доставляя подчас немало горьких минут и душевных мук.

Другое дело, что охота и рыбная ловля допускаются отнюдь не везде, что на большинстве охраняемых территорий должна преобладать именно этика “благоговения перед жизнью”, а не та деятельная любовь к природе, о которой мы говорили. Но провести очень строгую грань между “совсем низзя” и “кое-что можно” не так-то просто. Вот описание одного из национальных парков, расположенных в центре Англии:

“Здесь есть вересковые пустоши, поросшие мелкокошачьими овраги, обнажения скал до сотни метров высоты, небольшие роции в оврагах, водоемы, речки, множество фермерских хозяйств и небольших провинциальных городков. Прежде в этом районе были обширные выработки свинцовой руды. И, конечно, многочисленные овечьи пастбища, обнесенные каменными изгородями... В национальном парке развит интенсивное сельское хозяйство. Его пересекают десятки автодорог и железная дорога. К самым интересным природным объектам проложены асфальтовые дороги. В “тупиках” расположены магазинчики и кафе. Развит и широко культивируется парашютный и дельтаплановый спорт, зимой — лыжи. Разрешена рыбалка, пешеходные экскурсии и экскурсии с использованием различных видов транспорта. В населенных пунктах повсюду есть небольшие гостиницы... Охота ограничена, но определенные виды ее за плату разрешаются. Проводятся плановые рубки леса. Никакой “науки” нет, но есть экскурсионные бюро со штатом оплачиваемых добровольных экскурсоводов. *И так обустроено практически 95 % особо охраняемых природных территорий Западной Европы*” (С. Приклонский, газ. “Заповестник” № 4 (17), 1996, выделено нами)

По идее, по статусу, по своей форме национальный парк относится к той самой категории “дикой заповедной при-

роды”, в которой В.Е. Борейко призывает нас видеть “лицо Бога или любимой”. Ведь, как указывает С. Приклонский, там охраняется весь природный комплекс, весь ландшафт. Но можно ли говорить здесь вообще о “дикой природе”? Строго говоря, можно доказать, что природы вовсе незатронутой цивилизацией, не испытывающей **никакого** воздействия человека, на планете не существует. Однако правильнее будет обратиться к термину “природа дикая” по словарю Н.Ф. Реймерса (1990) и привести еще одну цитату из недавней брошюры В. Борейко: “...место, где живет человек, является территорией, где нет дикой природы и наоборот” (Борейко, 1998, с.20).

Но позвольте! Разве в заповедниках не живут люди, разве там нет усадеб, баз, кордонов, стационаров? А может быть, рощи и скалы в парках Англии имеют признаки “дикости”, несмотря на их соседство с людьми? Мы благоговейно любимся вершинами Казбека и Эльбруса и готовы видеть в них, говоря строками Пушкина, “соседство Бога”, хотя они вовсе не являются особо охраняемыми природными территориями, постоянно посещаются многочисленными альпинистами, оставляющими неприглядные следы своего там пребывания. Гораздо труднее разглядеть Божье величие и красоту любимой женщины, находясь в таких заповедниках как “Росточье”, “Галичья гора”, национальном парке “Лосиный остров” или той же “Аскании-Нова”... В моем понимании подлинно Божественная дикая природа более прекрасна где-нибудь в безлюдной тундре Севера, чем в официальном заповеднике с охраной, разъезжающей на вездеходах или “Буранах”.

“Дикость” природы вполне может благополучно совмещаться с подлинной человеческой культурой, что на практике доказывали иноки Соловков и Валаама, Толгского и Раифского

монастырей, Саровской пустоши, пока в ней не заскрипели “подземные рули” (Клюев), и во множестве других мест, включая ту же Ясную Поляну, Щельково с усадьбой А. Островского, Поленово над Окой. Нет, природу губит не культура, а **бескультурие**, жадность, хамство и невежество. “Люблю природу дикую, а людей культурных” — писал в одной из своих статей Леонид Леонов, автор “Русского леса”.

Нельзя бросаться в крайности! Сколько мы бы не призывали видеть в дикой заповедной природе “лицо Бога или любимой”, такие призывы останутся гласом вопиющего в пустыне. Возрастающее народонаселение планеты, тем более, опирающееся на все современные достижения цивилизации, не позволит себе вернуться к обрядам языческих поклонений ради красот дикой природы. Очень хорошо, что наши лидеры “зеленого” движения обратились к этическим и эстетическим аспектам заповедного дела, но нельзя отказывать ему в главном — в научных основах и принципах. Пусть сейчас не радуют те или иные конкретные ситуации, но это не является основанием для того, чтобы вновь и вновь призывать к разрушению созданного и отказу от достигнутого. Да, идеология заповедности нужна, однако же **она существует**, вот в чем главное! Ф.Р. Штильмарк, который по словам В.Е. Борейко “не развил эту идею”, ничего не мог к ней прибавить только потому, что именно наше российское, классическое представление о заповедности и **есть его подлинная идеология**, причем созданная до зловещего октябрьского рубежа 1917 г. Это отнюдь не примитивный советский материализм, основанный на примате экономики и потребления, а глубоко религиозная в своей основе идея **заповедности**, т. е. **неприкосновенности**, невмешательства, предоставления природных участков в распоряжение ее первоначальных земных обитателей,

живущих здесь растений и животных. Очень характерно, что создатели этой идеологии — В.В. Докучаев, Г.А. Кожевников, А.П. Бородин — были не только культурными, образованными, но религиозными и высоконравственными людьми. Кстати говоря, таковыми могут быть не только верующие, но и подлинные атеисты — здесь тоже налицо “единство противоречий” и ставить в укор человеку отсутствие веры в Бога также недопустимо, как противодействовать религиям.

Мне нет необходимости повторять все то, что уже десятки или сотни раз сказано о принципах эталонности наших заповедников, важности сопоставления их с хозяйственно используемыми землями. Задачи сохранения в них биоразнообразия, особо ценных и редких видов, слежение за эволюционными процессами и сукцессиями биогеоценозов нельзя ставить им в упрек, это невежественно и кощунственно. Взывать же к “народным массам”, которые, дескать, не хотят и слышать таких слов — недостойно не только образованных, но даже элементарно грамотных людей, это самый натуральный обскурантизм, простите за выражение... Высокое научное назначение заповедников надо рассматривать не как “потребилровку”, в ней можно разглядеть отражение Божьих истин и заповедей, отражение Божьего мироздания, которое мы можем постигать целомудренно и молитвенно, но не отвергать ни в “интересах народа”, как это было в советское время, ни ради возрождения языческих обрядов. Изучение природы не есть “первородный грех познания”, и науке в самом деле нужны заповедники, только не для удовлетворения растущих потребностей всего населения, а ради самых светлых нравственных целей.

Другое дело, что идеологию научно-го заповедания не удалось воплотить в жизнь в полной мере — это горестный факт. Однако идеал чаще всего не есть

достижимая цель, а только направленные движения. Вот почему так огорчительны нападки на наши научные принципы заповедания и подмена их “расширительными тенденциями”. Попробуем разъяснить.

Идеал абсолютного научного заповедника не так уж недостижим. Это, говоря упрощенно, участки различных природных ландшафтов, полностью и навечно исключенные не только из всякого хозяйственного пользования (как звучало в законодательстве и с чем не соглашались ученые, доказывая их особую “эколого-информационную роль”), но и *какого-либо прямого непосредственного вмешательства человека*. “По идее” здесь не должно быть не только браконьеров, но даже охранников и научных работников.

Нереально? Утопично? Сегодня — да, а завтра — почему бы и нет? Наблюдения могут вестись при помощи спутников или однажды установленных и лишь изредка проверяемых приборов. Управу на браконьеров и нарушителей можно найти без кордонов, больших штатов охраны и администрации. Главное же — оставить **заповедник** и всю его **заповедную** природу в покое, не беспокоиться о ней, не переживать, что там погибнут кабаны от перенаселенности или бескормицы, что вороны выклюют птенцов у цапель, что расплодятся лоси, которые съедят лесной молодняк и что возникнет “эталон деградации”, которым так любил запугивать ученых на конференциях В.В. Криницкий. Само собой — не рубить лес и пусть его зарастает, как ему вздумается, вот это и будет **дикая заповедная природа**, которую сейчас чаще можно найти **вне** территорий официальных заповедников, чем в таковых. И это — быть может главное богатство нашей страны.

Такие заповедники не могут быть ни “гордостью нации”, ни “символами страны” (В. Борейко, “Заповестник”, 4 (7), 1995), ибо им вряд ли будет при-

суца особая красота, скорее наоборот, их внешний облик окажется непривлекателен, во всяком случае на отдельных этапах развития. Они не могут занимать чрезмерно больших территорий — этого не допустит общество. Их содержание не требует особых денежных средств, ибо нет необходимости в “спецмероприятиях” по регулированию и уходу. Нужно лишь сознательное и терпеливое к ним отношение со стороны всех людей.

По долгой исторической эстафете, через весь суровый XX век прошла идеология научного заповедания от ее основоположников, классиков российской науки, до наших дней. Но снова и снова мы слышим хулу и обличения, подчас почти неотличимые от тех, какие звучали в самые страшные лысенковские и хрущевские времена. Приведем в подтверждение лишь две цитаты из газеты “Заповедный вестник”, умышленно не называя авторов — Бог им судья... К тому же, “иных уж нет, а те — далече...”

“Сегодняшний кризис нашей хваленной, уникальной и т. д. заповедной системы — процесс неминуемый, т. к. заповедная система замыкалась в самой себе, оторвана от социальной сферы, от человека, от решения практических проблем людей и была лишь еще одной слагаемой абсолютизации и закрытости эпохи социализма. Это и привело заповедники в научный, социальный и финансовый тупик... В целом заповедники — консервативная и изжившая себя форма охраны природы” (“Заповестник”, 6 (30), 1997).

“Людей вряд ли удастся завлечь мониторингом, эталонностью, биоресурсами и другими, пусть очень важными, но понятными лишь специалистам штуками. Массы далеки от биологии с экологией и вряд ли воспримут очередные околонукальные откровения специалистов” (Там же, 4 (7), 1995).

Да, все такое мы дословно и не раз

слышали и в 30-х, и в 50-60 гг., слушаем и сегодня. Невежество, как известно, страшная сила, но ведь и “у науки нрав не робкий”, она порой держалась даже под сталинизмом.

Поистине, не ведают, что творят! Самое парадоксальное, что те же авторы способны искренне обличать тех, кто уничтожал наши заповедники в прежние времена, но столь присущий им дух борьбы и противоречия заставляет их сегодня оборачивать оружие против самих же себя...

Наши яркие экопублицисты, Владимир Борейко и Евгений Симонов в 1996 г. опубликовали две статьи очень близкого содержания, но под разными заголовками. Первая вышла в мартовском номере бюллетеня “Охрана дикой природы” (№ 9, “лесное приложение”) и носила заголовок “ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ МЫ ОХРАНЯЕМ ДИКУЮ ПРИРОДУ?” Я прочитал ее с большим интересом и был готов подписаться буквально под каждой фразой. Все верно!

Но вскоре почти тот же текст (с небольшими дополнениями) возник в майской газете “Заповедный вестник” (№ 5 (18)) совсем с другим заголовком: “ЗАЧЕМ СОЗДАВАТЬ ЗАПОВЕДНИКИ?” Читал вроде бы то же самое, только жить не хотелось, хоть вешайся! Ну, неужели забыли наши лидеры столь элементарную формулу о том, что заповедники создаются “от людей для людей”? Что заповедники принципиально отличаются от **всех иных ООПТ** тем, что в них отсутствует какая-либо хозяйственная деятельность, включая все виды туризма и отдыха, что их назначение чисто **научное**, и гордиться надо именно этим принципом, оберегая его от “непосвященных”. И не упрекайте меня в научном снобизме или пренебрежении к народу — ему вполне хватит всего остального — от национальных парков и заказников до хозяйственно исполь-

зуемых земель. Ибо **все иные типы** ныне существующих особо охраняемых природных территорий за редкостными исключениями **незаповедны!** В национальных парках могут быть заповедные участки, возможно заповедание отдельных “точечных” памятников природы (дерево, камень, скала), но по сути все парки, заказники, зеленые зоны или биосферные резерваты являются определенными формами **обустройства** природы, ее “спецохраны”, ее **рационального и заботливого использования**. И если таковое когда-нибудь возобладает в действительности над всей нашей бестолковщиной, то провести грань между “охраняемыми” и “неохраняемыми” территориями будет все труднее. Именно это мы и видим в странах Западной Европы, Прибалтики, США. Даже в самых дурных наших колхозах председатель всегда мог отвести тот или иной участок земли под заказник (“микрзаповедник”), охотхозяйства выделяли “зоны покоя”, регулировали сроки добычи и т.п. А вот когда всю северную часть Каспийского моря объявляли “заповедной зоной” или пытались сделать “весь Байкал заповедником”, из этого кроме конфуза и дискредитации термина “заповедность” ничего не могло получиться.

Мне не хочется бросать новые упреки, но как же быть, когда снова и снова пишут: *“отдых на заповедной природе становится совсем другим”* (В. Борейко, 1998, с. 31). Именно расширительное толкование понятия заповедности, смешение самых разных по назначению охраняемых территорий в единой ступе “природно-заповедного фонда” привело к нынешней конвергенции подлинных заповедников с национальными парками и всевозможными заказниками. Да, пусть национальные парки становятся гордостью нации и символами эпохи, пусть они процветают и богатеют, но научные заповедники должны оставаться весьма скромными,

держась подальше от всевозможных мероприятий, празднеств и “маршей”. Им не место в массовых справочниках и альбомах, там не может быть ни музеев, ни питомников, ни научных или экологических сборищ, не говоря уже про “отдых на природе”. В нашей совместной с Н.Ф. Реймерсом работе именно Николаю Федоровичу принадлежат прекрасные слова: “Парки — для красоты и наслаждения, заповедники — для будущего, во имя Великой Пользы”. Реймерс был атеистом, да в то время мы и не могли написать, как мне хотелось бы — “из самых высоких этических, нравственных целей, во славу Божью”. Но как же объяснить это народу, если даже сегодняшние наши эколидеры не могут понять таких простых вещей. Нельзя превращать неприкосновенные заповедники в предмет всеобщего любования. Сознательные и верующие люди не посягнут на это святое достояние, а прочему (“советскому”?) народу придется относиться к ним как к особо закрытым объектам.

Конечно же, мы говорим о близких вещах, только я своих оппонентов понимаю, а они меня — нет. Что ж делать, значит страшно далеки мы от народа, но так оно, видимо, и должно быть... Каждому свое — народу красоты первозданной природы как гордость и символ, а ученому — безлюдный “дикий” стационар-заповедник. И когда набегут туда просвещенцы с экотуристами, да будет им сказано:

...А мы, мудрецы и поэты
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных Творений?

Бесследно все сгинет, быть может,

Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном!
(В. Брюсов)

Да, не только поэты зовут нашу планету единственным заповедником во Вселенной, даже Реймерс писал, что “заповедана вся наша Земля”. Но это не мешало ему четко отличать **неприкосновенные** научные **заповедники** от всего остального, не смешивать их с “просто” охраняемыми участками.

Сегодня — все иначе. А результат? Берем последний номер спецгазеты “Заповедный вестник” (7 (40)) и на первой же странице читаем: “Заповедник в центре Азии гибнет!” (Т. Мухамедиев — речь идет о биосферном Саяно-Шушенском заповеднике, считавшемся одним из самых благополучных). “Какому же Богу нам молиться, чтобы заповедники выжили?” (Н. Лоскутова). Какая-то, в самом деле, “Божественная трагедия” (там же) или... — “Третий разгром”, как озаглавлена недавняя статья В.Б. Степаницкого, возглавляющего Департамент заповедного дела Госкомэкологии РФ. Ни экотуризм, ни экопросвещение, ни даже иностранные инвестиции не спасут заповедники. Чтобы спастись, нужно прежде всего не утратить главные ориентиры, сохранить не только отдаленные идеалы, но и классическую научную идеологию нашего заповедного дела. И пусть оно не становится окончательно безнадежным!

Послесловие

Этот своего рода “исповедальный” очерк отнюдь не следует воспринимать как некое “руководство к действию”. Мы говорили об идеологии, об идеалах, о своих личных представлениях, которые во многом не совпадают с реалиями нынешнего заповедного дела.

Это вовсе не означает, что предлагается сегодня же распустить все штаты администрации, охраны и научных отделов в существующих ста заповедниках России (хотя разумное сокращение и возможно), предав более тридцати миллионов гектаров их земель абсолютному заповеданию. Героические усилия по сохранению сложившейся (и даже еще растущей!) заповедной системы достойны всяческого уважения. Ей надо держаться, подобно тому, как с великим трудом держатся библиотеки, музеи, больницы, поликлиники. При этом важно лишь различать приоритеты — научные для заповедников, эколого-просветительские и рекреационные — в национальных парках, ресурсосберегающие — для заказников. Возвратить исконное и отстаиваемое нами понятие заповедности как полной неприкосновенности сегодня вряд ли удастся (мы отдаем себе в этом отчет), но все-таки надо хотя бы остаться в рамках действующего законодательства, различающего разные типы ООПТ, обозначившего грань между заповедниками и парками. Видимо официальная классификация охраняемых территорий, а возможно и существующих заповедников, будет уточняться и совершенствоваться — это тема особая. Национальные парки федерального уровня должны быть в одном ведомстве с заповедниками. При разумной экономике они могут получать довольно значительные средства за счет рационального природопользования на своих территориях и частично использовать их на содержание строго бюджетных и бездоходных заповедников, часть которых может быть преобразована в другие формы ООПТ. С этим, видимо, придется смириться, ибо исключения из правил заповедности перерастают в закономерность, и с этим нельзя мириться. Форма должна соответствовать содержанию.

Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)

Ф.Р. Штильмарк

С нашей точки зрения (Реймерс и Штильмарк, 1978), термин “заповедность” или “заповедный” (объект, режим, территория и т. д.) несет на себе весьма высокую и ответственную нагрузку и не может использоваться столь широко и произвольно, как это принято в настоящее время.

Заповедность означает прежде всего прекращение всех видов и форм утилитарного хозяйственного использования территории, включая пребывание людей, за исключением сугубо научных целей. Заповедность обеспечивается специальными законодательными и правовыми мерами, она неизбежно связана с изъятием и отводом земель, без чего невозможно даже представить себе никаких “заповедных объектов”. Поэтому совершенно неправомерно отнесение к “заповедным территориям” заказников, национальных и природных парков (не говоря уже о лесопарках и курортах), памятников природы, всевозможных музеев в природе и т. д. Все это может быть отнесено лишь к разновидностям охраняемых, но не заповедных природных территорий. Даже непосредственно самим заповедникам в процессе научной или хозяйственной деятельности “случается” нарушать природные комплексы при проведении тех или иных мероприятий. Большие нарушения вносятся в природу заповедников при проведении лесоустройства, прокладке просек, дорог, трансектов, закладке пробных

площадей. В ряде случаев есть основания говорить о том, что численность редких животных сокращается под влиянием факторов беспокойства, оказываемого непосредственно работниками заповедников. Исключений из режима заповедности порой так много, что трудно рассматривать их как исключения. Например, временное типовое положение о заповедниках системы МСХ СССР разрешает санитарные рубки, отловы животных для мечения и расселения, а также отстрел в научных целях, возведение построек, проведение топографических и геодезических работ, сенокошение, сбор грибов, орехов и ягод для личных нужд. В положении предусмотрена возможность выделения “участков особого режима”, где исключается всякая деятельность человека, т. е. вводится собственно заповедность. Она рассматривается, видимо, как некий “особый режим”.

Безусловно, имеются научные доводы против повсеместного слепого использования принципа невмешательства в заповедниках. Многие экологи, в частности, Ю.А. Исаков рассматривают его (данный принцип) как один из возможных факторов деградации природных комплексов в заповедниках. “Принцип полного невмешательства в жизнь природных комплексов заповедников во многих случаях перестал оправдывать себя. Становится необходимым применение активных мер для управления природными комплексами, таких как: регулирование численности диких копытных, сохранение исходного типа растительности целинных степей, природных комплексов речных дельт и т. д.” (В.В. Криниц-

Опубликовано в сборнике “Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности”. М., 1981. Печатается с сокращениями.

кий, К.П. Митрюшкин и Ю.А. Исаков, 1976, стр. 57). Иногда понятие об абсолютной заповедности рассматривается даже как “мощный фактор вмешательства” человека в природу” (Козло, 1977). “Человек в заповеднике не должен быть пассивным зрителем, пустившим на самотек развитие природных явлений” — пишет О.С. Гребенщиков (1979), отчасти перекликаясь с тезисом А.В. Малиновского о том, что в заповедниках нужно активно хозяйствовать, а не просто наблюдать. Экологов более всего тревожит возможность разрушения или обеднения наиболее ценных, с их точки зрения, природных комплексов и объектов, выпадение из ценозов редких видов, замена их нежелательными, но более активными “вселенцами” извне. Действительно, будучи в большинстве случаев лишь небольшими клочками весьма относительно сохраненной природы среди огромных преобразованных человеком пространств, заповедники, предоставленные сами себе, рискуют утратить не только качества эталонности, но и своей ценности как резерватов флоры и фауны. Реальность такой угрозы невозможно оспаривать, однако, неверно, с нашей точки зрения, подменять понятие эталона природы признаками красоты и обилия.

Многие экологи не учитывают условность представлений о неприкосновенности заповедников. Они не могут быть уже ни при каких обстоятельствах и никакими усилиями изолированы от влияния деятельности человека, ставшей, как известно, реальной “геологической силой”. Человек оказывает химическое, радиационное, промышленное воздействие на любые участки планеты. Многие виды загрязнения окружающей природной среды сказываются в глобальных масштабах и безусловно затрагивают заповедные участки, так же как и последствия крупных гидростроительных или мелиоративно-

осушительных работ. Да и весь климат планеты сейчас испытывает антропогенное воздействие (Будыко, 1977; Никитин и Новиков, 1980 и др.).

Тем не менее прибегать к специальным вмешательствам в заповедниках сплошь и рядом означает (по образному выражению Н.Ф. Реймерса) “гнуть стрелку барометра в желаемую сторону”. Суть и цель заповедности не в том, чтобы сохранить все богатства, все разнообразие живой природы (это цель всей системы особо охраняемых природных территорий), а прежде всего — в сохранении самой возможности сравнивать освоенные территории с нетронутыми. В ряде случаев, когда на чашу весов поставлена судьба уникальных объектов и грозит исчезновение невозполнимого природного фонда, возникает необходимость отказа от заповедности с допущением того или иного хозяйственного вмешательства, но, тогда это будет уже не заповедник в классическом понимании, а иная категория охраняемых участков (резерват генофонда, заказник и т. д.). По существу именно такой путь предлагается, например, в одной из последних работ А.А. Насимовича (1979) для Хоперского заповедника. В целях сохранения выхухули рекомендуется, в частности, “разработка и осуществление инженерно-гидротехнических и других мероприятий”, подобно тому, что планируется и делается сейчас в Астраханском заповеднике. Действительно, в условиях зарегулированной волжской дельты без специальных мер обречены на гибель ценнейшие гнездовья птиц, нерестилища рыбы и т. д. Невмешательство только ради принципа стоило бы обществу слишком больших потерь.

Но такие примеры нельзя возводить в правило и делать из них широкие заключения. Биологам порой трудно наблюдать и регистрировать превращения богатых прежде природных эталонов в разрушающиеся и беднеющие

экосистемы (“эталон деградации”, как выразился на одном из совещаний В.В. Криницкий). Однако же в условиях глобальных антропогенных изменений именно такой может стать со временем одна из главных функций заповедников. Недопустимо и ненужно заменять правила исключениями. Заповедность присваивается для того, чтобы человек не вмешивался в ход природных процессов непосредственно на территории заповедника (отчасти — в пределах охранных зон). Оградить же заповедники от всякого вмешательства, конечно, невозможно. К тому же влияние чисто природных и антропогенных факторов нередко выражается совместно. Каспий мелеет и сам по себе, и под влиянием хозяйственной деятельности. Вполне правомерно представление о роли прикаспийских заповедников в том, чтобы вести наблюдения за всеми изменениями природы на одном и том же месте, даже если вместо былых джунглей и плавней образовались соляные пустыни. В штатах заповедника герпетологи сменяют ихтиологов, сократится число орнитологов и ботаников, но непреходящая ценность стационарных наблюдений не будет утрачена. Резерват же ради сохранения ценных животных может кочевать вслед за Каспием.

Отнюдь не во всех случаях наступает резкая и необратимая деградация природных сообществ, гораздо чаще (как например, в пресловутых случаях угнетения копытными лесных угодий) она может быть частичной, временной, неполной, а то и мнимой, особенно, если учесть кратковременность и беглость наших наблюдений. У природных сукцессий иные мерки времени. Очевидно, в принципе идеалом заповедной природы являются сбалансированные климаксовые сообщества, но даже и в них может нарушаться естественное равновесие, происходят многовековые смены биогеоценозов, на-

блюдаемые нами лишь на отдельных этапах. С такой точки зрения нельзя трагически смотреть на свежие гари, возникшие от сухих гроз, на леса, поврежденные насекомыми или копытными, на недостаток кормовой базы для отдельных животных и т. д. Зато недопустимость любых рубок, регуляции, истребления хищников и “вредителей” несомненна уже потому, что отказ от заповедности принесет ущерб науке, лишит ее важнейшего источника информации. Нельзя забывать и о том, что наши ведущие биологи, в частности Г.Ф. Морозов, неоднократно указывали на то, что в природе нет “полезных” или “вредных” животных. Понятия о вреде и пользе животных носят чисто хозяйственную трактовку, совершенно неуместную для заповедников.

В связи с этим первостепенное значение приобретает официальное оформление заповедного статуса, конкретное определение заповедности. Выше говорилось о том, что только в Положении о заповедниках Главохоты РСФСР ныне предусматривается выделение участков, в пределах которых не допускается никакого вмешательства человека в жизнь природных комплексов. Многие экологи возражают против разделения территории заповедников на участки различного режима, утверждая при этом, что “весь заповедник должен быть заповедником”. Но на практике единого строгого режима для всей территории заповедника не удавалось выдержать никогда и нигде. Определенное разумное зонирование неизбежно и даже оправдано для всех категорий охраняемых природных объектов, включая и заповедники. Всегда приходится выделять в них какие-то участки ограниченного пользования для нужд самого заповедника, проведения научных исследований и т. д. Другое дело, что размер абсолютно заповедной неприкосновенной (даже для науки) площади должен составить

не 10%, а гораздо больше, в среднем до 90% территории. Возможно, что на них допустимы через определенные промежутки времени научные наблюдения, проводимые при условии минимального вмешательства и беспокойства, но в принципе они могут производиться при помощи самописцев, особых приборов, авианаблюдений и т. д. (этот вопрос очень сложен и требует еще детальных разработок).

В целом можно констатировать, что классические принципы отечественного заповедного дела в настоящее время уступают свое место идеям регуляции и управления популяциями диких животных. Но это ни в коем случае не означает, что сама по себе идея невмешательства в заповедную природу окончательно потерпела крах и отвергнута жизнью. Дело в том, что мы не можем достоверно судить об этом принципе, потому что он по существу остался невоплощенным и непроверенным, такая проверка требует длительных сроков.

Весьма показательно, что в практике мировой науки главный отечественный принцип заповедного дела — принцип неприкосновенности заповедников — все же получил признание. Это наглядно подтверждает “Многоязычный словарь терминов по охране природы” (1976), в составлении которого принимали участие и научные сотрудники ЦЛОП МСХ СССР (ныне — ВНИИПрирода МСХ СССР). В разделе “Охраняемые объекты” приводятся два термина в отношении заповедников. “Полный заповедник” определяется как “охраняемый участок природы, на котором полностью исключено любое вмешательство человека, кроме строго контролируемых научных исследований, не оказывающих влияния на охраняемые объекты” (стр. 80). С некоторыми оговорками можно признать, что такое определение соответствует классическим принципам запо-

ведности. Оговорки касаются проведения научных исследований, которые очень часто связаны с непосредственными и порою весьма существенными вмешательствами (закладка пробных площадей, отлов и отстрел животных в научных целях, маркирование, сбор гербариев, обнажение корневой системы растений, почвенные пробы и др.). Конечно, эти нарушения значительно меньше тех, которые производятся в заповедниках при лесоустройстве, противопожарной охране, при заповедно-режимных мероприятиях, различных “обустройствах” с закладкой дорог, просек, трансектов и т. п., но все-таки даже простое хождение (а еще чаще — езда) по территории заповедника его многочисленных работников уже само по себе является значительным фактором беспокойства.

Вторая категория заповедников по данной терминологии — заповедник направленного режима: охраняемый участок природы, для сохранения которого в желаемом состоянии требуется особое вмешательство человека” (там же). Это в настоящее время соответствует, пожалуй, подавляющему большинству, если не всем нашим заповедникам.

В отличие от предельно ясного и недвусмысленного принципа неприкосновенности (полной заповедности) данная формулировка характеризуется возможностью самых разнообразных разночтений. Что, собственно говоря, означает “сохранение в желаемом состоянии”? В желаемом для кого? Ботаники и зоологи, не говоря уже о профилях и специализациях этих ученых, администраторы и работники ведомств могут иметь всевозможные представления о “желательности” состояния природы заповедников и способах достижения этого. К тому же здесь неизбежно скажутся приводящие обстоятельства организационного, финансового, наконец, просто субъективного характера. Поэтому, не отвергая тер-

мин “заповедник направленного режима” (поскольку это в ряде случаев необходимая реальность), требуется дать для него более четкое определение, исходя из конкретных задач и направленной деятельности таких заповедников (Реймерс и Штильмарк, 1978).

Н.Ф. Реймерс (1979) недавно принял попытку дать развернутое и весьма детализированное определение разных категорий заповедников (к сожалению, автор не включил в свой словарь термина “заповедность”). “Полным заповедником”. Н.Ф. Реймерс называет особо охраняемые природные территории, изъятые из какого бы то ни было традиционного использования и предназначенные исключительно для сохранения информационных ресурсов (включая генетическую информацию) для научных целей. К заповедникам направленного режима (управляемым резерватам) автор относит “полный” заповедник (раз “направленного режима” значит уже не “полный”! — **Ф. Ш.**), не представляющий естественно саморегулирующейся экологической системы, или такой, в котором направление развития природы не соответствует нормам, признанным целесообразными, а потому требующий проведения определенных мероприятий по поддержанию оптимальных условий для отдельных видов”.

Это определение, по нашему мнению, также нельзя считать достаточно удачным ни по форме, ни по смыслу, поскольку оно допускает разные толкования и чересчур усложнено. То же касается формулировок в статьях “Биосферный, заповедник”, “Эталонный заповедник”, и некоторых других. Безусловно, правильным можно признать положение из статьи “Заповедник”, где автор пишет, что заповедником в узком смысле следует называть лишь полный (абсолютный) заповедник, куда запрещен вход посетителям. Все же формы охраняемых территорий, предназначенные для посещения, необхо-

димо называть разного рода парками. Можно считать, что на сегодняшний день жизнь уже разрешила спор между теми, кто пытался провести идею о национальных и природных парках как разновидностях заповедников, и противниками таких представлений. Даже официальные типовые положения в настоящее время готовятся отдельно по заповедникам и национальным (природным) паркам, а в большинстве заповедников по существу прекращен организованный туризм. Видимо, правильнее говорить о категориях охраняемых природных объектов, а не пытаться классифицировать вместе заповедники, парки, акклиматизационные сады, питомники и т. д. (Гусев, 1972).

Итак, хотя понятие о подлинной заповедности (неприкосновенности заповедников) официально признано мировой наукой, не может пока пробить себе дорогу в практику наших заповедников. Мы видим в этом существенный недостаток заповедного дела на современном этапе, который является самым суровым наследием недавней стратегии натиска на природу, призывов о ее полном преобразовании и т. д. Содействуют такому положению упрощенно воспринимаемые экологами представления о мнимом единстве охраны и рационального использования природы. Дело в том, что существенные противоречия между использованием и охраной природы пока неизбежны.

В условиях, когда в заповедниках еще не могут быть реализованы принципы неприкосновенности, следует более осторожно относиться к созданию новых резерватов в удаленных и малообжитых территориях страны. Разумеется, сейчас трудно найти такие районы, где на природу не оказывали бы влияние люди, даже если они не живут здесь постоянно (экспедиции, туристы, и т. д.). Но нужно учитывать уровень, частоту и степень факторов беспокойства. Браконьеры могут про-

плыть на лодке по дальней речке 1-2 раза в год, а моторки с работниками охраны или учетчиками плавают по заповедным речкам постоянно. Авиаучеты, особенно, если они проводятся на бреющем полете, несомненно оказывают неблагоприятное действие на животных. Так, например, копытные звери бегут по глубокому насту, что может вызвать у них пневмонию (одна из возможных причин гибели нескольких овцебыков на острове Врангеля!), птицы слетают с кладок, теряя потомство, и т. д. К сожалению, этот вопрос совершенно не затронут в литературе.

Более того, как это ни парадоксально, даже при “заповедно-режимных”, противопожарных и некоторых научных мероприятиях в заповедниках природе может быть причинен значительно больший ущерб, чем в результате редкого и нерегулярного браконьерства в отдаленных местностях.

На этом фоне значительно возрастает природоохранная и научно-информационная (потенциально!) роль неосвоенных и отдаленных территорий, в частности, в Арктике, в зонах тайги и тундры, поскольку степень фактического воздействия антропогенного фактора там может быть даже ниже по сравнению с действующими заповедниками. Кстати, в ряде стран участки сохранившейся “примитивной” или “дикой” природы рассматриваются как особая форма охраняемых природных территорий (Snyder, 1976, Стоилов, 1979 и др.). Было бы целесообразно осуществить, как это ранее рекомендовалось (Зыков, Нухимовская, 1979 и др.), резервирование таких участков для создания там абсолютных заповедников в будущем. Заповедание в современном представлении может в отдельных случаях привести к развитию факторов браконьерства и усилить уровень антропогенного воздействия на природные комплексы.

Первостепенной задачей в настоящее время является официальное юри-

дическое признание главных принципов подлинной заповедности, внесения их в законодательные акты, в государственные стандарты и другие документы. Следующим этапом, возможным лишь при коренном организационно-правовом изменении заповедного дела, является внедрение этих принципов в практику деятельности наших заповедников. В конечном торжестве этих принципов над хозяйственно-прагматическими приемами не может быть никаких сомнений.

Литература

- Будыко М.И. 1977. Глобальная экология. М., “Мысль”.
- Гребенчиков О.С. 1979. Регулирование развития травяных экосистем в заповедных условиях. - Опыт работы и задачи заповедников СССР” М., “Наука”.
- Гусев О.К. 1972. Человек и природа — стратегия взаимоотношений. - Охота и охотн. х-во. № 5.
- Зыков К.Д., Нухимовская Ю.Д. 1979. Размещение сети заповедников на территории РСФСР. - Опыт работы и задачи заповедников СССР. М., “Наука”.
- Козло П.Г. 1977. Некоторые вопросы охраны и постановки научных исследований в заповедниках. - Изуч. природн. комплексов, их охрана и ведение заповедн. х-ва в условиях лесостепн. и степн. зон Сов. Союза. Воронеж.
- Криницкий В.В., Митрюшкин К.П., Исаков Ю.А. 1976. Заповедные территории Советского Союза. - Человек и среда. Тез.докл. и сообщ. XXIII Географ.конгресса 16-26 июля 1976. М. Многоязычный словарь терминов охраны природы. 1976. Морж, Швейцария.
- Насимович А.А. 1979. Научные исследования в заповедниках. - Опыт работы и задачи заповедников СССР. М., “Наука”.
- Никитин Д.П., Новиков Ю.В. 1980. Окружающая среда и человек. М., “Высшая школа”.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. 1978. Особо охраняемые природные территории. М., “Мысль”.
- Реймерс Н.Ф. 1979. Природные особо охраняемые территории. - Человек и природа. М., “Знание”. № 6.
- Стоилов Д. 1979. Тенденции в сверновата практика по создаването и опазването на защитените природни територии. - Природа. 28. № 3.
- Snyder T. 1976. The national wilderness preservation system. - Sierra Club Bull. 61. N 9.

Абсолютная заповедность с позиций экологической этики (Послесловие редакции)

В.Е. Борейко

Проблемам абсолютной заповедности на страницах первого номера “Гуманитарного экологического журнала” отведено много места по двум причинам. Во-первых, мы с соредактором журнала Виталием Грищенко одним из главных интересов своей жизни считаем заповедники. Во-вторых, полагаем необходимым стимулировать развитие теории заповедного дела, где особенно выделяем проблему заповедности. По нашей просьбе один из активных поборников этой идеи, член редколлегии нашего журнала доктор биологических наук Ф.Р. Штильмарк представил новую статью, которую мы публикуем рядом с написанной им ранее “Проблемы заповедности” и работой В.Е. Борейко и Е.А. Симонова “К вопросу об этической основе заповедного дела” (1997).

Идея заповедности есть, по сути, глубоко отечественным приобретением и краеугольным камнем нашего заповедного дела. Однако, являясь достоянием экологов, она до сих пор не стала приобретением философов. А жаль. Ибо могла бы в значительной степени обогатить экологическую этику. С другой стороны, экологическая этика способна укрепить позиции поборников абсолютной заповедности, предоставить им новые аргументы и защитить от критики.

Теперь несколько предварительных замечаний. Ф.Р. Штильмарк относит термин “заповедность”, “заповедный” и “заповедание” только к заповедникам. С ним можно бы согласиться, не получи они своего расширения, став си-

нонимом понятия “охраняемые природные территории” и его производных. Что во многом объясняется громоздкостью последнего. Что же касается ключевого понятия “заповедность”, как полного прекращения всякого хозяйственного использования природной территории, то мне кажется сейчас более уместным именовать его “абсолютной заповедностью”.

Существует несколько основных и постоянно дискутируемых вопросов вокруг понятия абсолютной заповедности. Обсуждение в экологической плоскости часто заводит дискуссии в тупик. Попробуем ответить на них с позиций экологической этики.

1. Что такое абсолютная заповедность? Ф.Р. Штильмарк не раз давал ответ на этот вопрос. По его мнению, это полное прекращение любого прямого и непосредственного вмешательства человека в ход природных процессов на определенной территории: “Заповедно то, что оставлено в неприкосновенности” (1981). Абсолютная заповедность – это когда дикой природе дозволено все. По идее, здесь не должно быть не только браконьеров, но даже охранников и научных работников”, – пишет Ф.Р. Штильмарк (1998). Косвенное же влияние человека (потепление климата, кислотные дожди и т. д.) в расчет не берутся.

Однако, разработав форму, Ф.Р. Штильмарк, к сожалению, мало побеспокоился о ее содержании.

2. Какая цель абсолютной заповедности? Здесь мы с Ф.Р. Штильмарком расходимся. Он считает, что заповед-

ность (абсолютная заповедность) создается для науки: “Суть и дело заповедности не в том, чтобы сохранять все богатства, все разнообразие живой природы (это цель всей системы особо охраняемых природных территорий), а прежде всего — в сохранении самой возможности сравнивать территории с нетронутыми” (1981). Что не ново, ибо об этом же говорил в своей классической статье “О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы” Г.А. Кожевников (1909).

Однако я считаю, что полные заповедники с их абсолютной заповедностью организуются не для мониторинга и иных научных исследований. Их цель более высока и благородна. Они создаются (или должны создаваться) *для осуществления права дикой природы на существование в условиях максимальной свободы. Иными словами, дикая природа может осуществить это право только в условиях предоставленной ей навсегда абсолютной заповедности.* Экологическая этика предоставляет для доказательства этих положений такой аргумент. Дело в том, что любая научная цель или ценность заключается в человеческом удивлении и любопытстве и нацелена на приобретение знаний, а этическая цель и ценность заключается в восприятии этических качеств. У этической цели нет даже неявно выраженной утилитарной, антропоцентрической направленности, ибо она не служит приобретению знания или чувственному удовлетворению. Если ценить дикую природу ради нее самой, ее внутренней ценности, то полные заповедники, как метод охраны дикой природы, также создаются для нее самой. Таким образом, оправдывать создание полных заповедников с абсолютной заповедностью ради науки неэтично.

С позиции экологической этики становится возможным критиковать поня-

тие эталонности заповедников. Если главной целью заповедника ставится не создание для науки эталона, а предоставление свободы дикой природе, то естественно, “бурная река жизни” ничего не оставит постоянным и неизменным. А любые действия человека по “поддержанию природного равновесия” окажутся также неэтичными. Однако, как справедливо считает Ф.Р. Штильмарк, “в ряде случаев, когда на чашу весов поставлена судьба уникальных объектов и грозит исчезновение невосполнимого природного фонда”, приходится отказываться от стремления к абсолютной заповедности, как способу сохранения дикой природы, в сторону хозяйственного вмешательства (реаклиматизации редкого вида и т. п.) (1981). В этом случае этическое правило абсолютной заповедности не срабатывает, и его заменяют другим этическим правилом — правилом возмещения ущерба. Но такой подход в заповедниках должен быть скорее исключением.

3. Как добиться абсолютной заповедности? Этот вопрос дискутируется в заповедной литературе уже не одно десятилетие. Многие экологи ставят под сомнение существование абсолютной заповедности. И если рассматривать это понятие с точки зрения экологии, то споры между ее сторонниками и противниками никогда не будут завершены.

Но давайте попробуем подойти к понятию абсолютной заповедности с позиции экологической этики, заменив экологический метод познания философским, естественный — гуманитарным. Так же, как не существует абсолютно дикой природы, нет и абсолютной заповедности. Однако при помощи философского научного приема — идеализации — мы сможем говорить и о существовании дикой природы, и об абсолютной заповедности, как давно говорим об идеальном газе и несжимаемой жидкости. *Абсолютная заповед-*

ность — это идеальное условие существования наиболее дикой, свободной природы в современном мире. И как совершенно справедливо отмечает Ф.Р. Штильмарк, этот идеал “чаще всего не есть достижимая цель, а только направление движения” (1998). Ибо этика показывает не то, что есть, а как должно быть.

Проблема Г.А. Кожевникова и Ф.Р. Штильмарка в том, что разработав глубоко философское этическое понятие абсолютной заповедности, они предложили его для естественной науки и советской природоохранной практики, основанной на материализме, попав тем самым в интеллектуальную ловушку. Ибо среда биологов с большими затруднениями воспринимала их отвлеченную этическую идею.

4. Зачем нужна абсолютная заповедность? Абсолютная заповедность не самоцель, а средство для достижения цели. Она предложена во имя дикой природы, как оптимальное условие для ее существования. Конечно, трудно говорить о достижении абсолютной заповедности в каком-либо заповеднике в наше тяжелое время. Но к ней нужно стремиться, как, несмотря ни на что, каждый из нас мечтает о свободе, радости, счастье. Но как и свобода, радость и счастье, — абсолютная заповедность есть идеал, главный приоритет в заповедном деле. Весь менеджмент заповедников должен быть направлен на достижение абсолютной заповедности. Естественно, у разных заповедников будут разные результаты. Но здесь важна не конечная цель (ибо она практически недостижима), а постоянное стремление к ней. Это как в спорте, когда главное не результаты, а крепкое здоровье.

Абсолютная заповедность — это флаг, символ, зовущий вперед. Уже давно и незаметно став одним из важных понятий экологической этики, идея абсолютной заповедности, как собрание идеальных этических обобщений,

помогает работникам заповедников находить правильные решения в специфических ситуациях.

Абсолютная заповедность — это типа правил в шахматной игре, знать и использовать которые обязан любой уважающий себя шахматист.

5. Где возможно осуществление абсолютной заповедности? Заповедники, как обладатели прав землепользователя, являются наиболее подходящими территориями, где возможно достижение почти абсолютной заповедности. Я полагаю, что достижение высокой степени заповедности возможно также на отдельных участках национальных парков, в ряде заказников, где запрещена любая хозяйственная деятельность и еще затруднен доступ посетителей. Абсолютная заповедность существует и в местах незаповедных, но недосыгаемых для человека, там, где еще осталась дикая природа — некоторые горные области, пещеры, подводные участки, территории в Арктике и Антарктике. Поддержать здесь абсолютную заповедность можно в международном договоре о запрещении любого хозяйственного использования таких территорий. Но такого рода альтруистическая деятельность возможна только при осознании человечеством внутренней (по И. Канту) ценности дикой природы.

И последнее. В настоящее время стало модно называть заповедники центрами экологического просвещения. Одно время и я придерживался таких взглядов. Теперь понимаю, что это неверно, так же, как утверждать, что заповедники создаются для научных исследований. Природоохранная пропаганда, экологическое просвещение могут быть оправданы для заповедников только в случае использования их как одного из методов охраны заповедной территории, как одного из способов достижения абсолютной заповедности. Причем в данное время и в данных условиях.

Литература по абсолютной заповедности

- Борейко В.Е. Это не должно повториться. - Охота и охотн. хоз-во. 1991. № 9.
- Борейко В.Е. Святые места дикой природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1998.
- Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999.
- Бородин И.П. Охрана памятников природы. СПб, 1914.
- Вайнер (Уинер) Д.Р. Экология в Советской России. М.: Прогресс, 1991.
- Докучаев В.В. Сочинения, т.1 - 8 1947 - 1961 (тт.6 - 8 "Труды Особой экспедиции...").
- Докучаев В.В. Труды экспедиции, снаряженной Лесным Департаментом под руководством проф.В.В. Докучаева. СПб., 1895.
- Ильин В.С. История возникновения, организация и деятельность степной биологической станции имени графини С.В. Паниной". - Труды Петроградского Об-ва естествоиспытателей. 1916, т.46, вып.3, отд. бот. № 1.
- Ильин В.С. О некоторых растительных сообществах заповедника степной биологической станции имени графини С.В. Паниной. - Труды Петроградского Об-ва Естествоиспытателей. 1916, т.46, вып.3, отд. бот. № 2.
- Кожевников Г.А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. - Доклады русскому акклиматизационному съезду 1908 г. в г. Москве", М.,1909 или Сб. "Охота и охрана природы" ч. 1, М., 1992.
- Кожевников Г.А. Значение Косинского заповедника. - Труды Косинской биологической станции. 1925, № 2.
- Кожевников Г.А. Как вести научную работу в заповедниках. - Охрана природы. 1928, № 2.
- Кожевников Г.А. Вопрос об охране природы. - Живая природа. 1928, № 12.
- Насимович А.А. Научные основы заповедного дела. - Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1974, т.79, вып.5.
- Подъяпольский Н.Н. Владимир Ильич Ленин и охрана природы. - Охрана природы. 1929, № 2.
- Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Эталоны природы. М.: Знание,1979.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. О приютах природы и их значении в Средней России. - Новое время, 22-23 мая 1911 г.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. Свободная природы как великий живой музей требует неотложных мер ограждения. - Природа. 1919, № 4-6.
- Соловьев Д.К. Типы организаций, способствующих охране природы. -Мат-лы к познанию русского охотн. дела. Пгд.,1918, вып.10.
- Соловьев Д.К. Заповедники, их выделение, значение, организация и пр. - Саянский охотничье-промысловый район и соболиный промысел в нем. Пгд, 1920.
- Филонов К.П. О заповедности и заповедном режиме. - Охота и охотн. хоз-во. 1977, № 8.
- Штильмарк Ф.Р. Василий Никитич Макаров и его роль в развитии заповедного дела. - Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1978, т. 83, вып. 5.
- Штильмарк Ф.Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты). - Географическое размещение заповедников РСФСР и организация их деятельности. М., 1981.
- Штильмарк Ф.Р. Определение и смысл заповедности. - Организация заповедного дела. Алма-Ата, 1985.
- Штильмарк Ф.Р. Историография заповедного дела. М.: Логата, 1995.
- Штильмарк Ф.Р. Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Федерации. - Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора биологических наук. М.,1997.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ БЕЗ МИФОВ

Д.Р. Винер

Охрана природы у нацистов?

Обращение к природе как к решающему авторитету в социальных вопросах становится самым обычным делом с середины XX в. Персонифицированная Природа мстит тем, кто ею злоупотребляет. Вот типичное высказывание одного немецкого инженера: “Природа в конечном счете всегда мстит за всякую радикальную попытку заменить естественные условия неестественными”¹. Впрочем, персонификация заходит и дальше. Природа мыслится как живая Муза; так, доктор Эрнст Рудорф убежден, что “на почве ущербной, деградировавшей Природы никогда не смогут пробиться ростки поэзии”². Рудорф, лидер немецкого природоохранного движения перед Первой мировой войной, может служить примером взаимосвязи между охраной природы, антимодернизмом и шовинизмом. Он жалуется, что “мир с каждым днем американизируется, и становится всё омерзительней”, а издаваемый им журнал “Охрана родной земли” провозглашает, что “есть куда более высокие, более идеалистические цели, чем вечная забота о своей мощне. Жизнь каждого индивида опустошается с опустошением и разорением родной земли”³.

Гуго Конвенц, глава Государственного агентства охраны памятников природы, также тесно связывал любовь к родному дому, родной земле и природе⁴, как и натуралист Конрад Гюнтер, ставший впоследствии отъявленным расистом: “Без природы нет любви к природе, а без любви к природе невозможна любовь к Отечеству”⁵. Связь

между ними простая: “Природа усиливает и стимулирует не только чувства германца, но и саму его личность, в особенности такие ее черты, которые стремится культивировать сегодняшняя Германия: героическую целеустремленность, чувства общности и верности... Ибо в природе главный закон — борьба; это демонстрируют нам по сей день растения и животные... Наиболее впечатляющую картину этой борьбы открывает нам девственный лес... Если мы будем водить нашу молодежь в подобные места, она впитает эту героическую идею самими порами. Вот почему так необходимо сохранить повсюду вокруг нас непотревоженную, девственную природу”⁶. “По мере развития этих идей, — продолжает Доминик, — доводы в пользу охраны природы начинают перемежаться с народническими идеями. Больше всего распространена была вера в то, что ландшафт однозначно определяет национальный характер”⁷. Naturschutz и Heimatschutz были тесно связаны еще с начала 1800 годов. Проследить эту связь можно уже у Александра фон Гумбольдта, но лишь с середины XX в. к ней присоединяются “народнические” концепции — как в “Естественной истории германского народа” у Вильгельма Генриха Рила: “Мы должны сохранить леса ... чтобы пульс народной жизни продолжал биться тепло и счастливо, чтобы Германия оставалась германский”⁸. Нацист Г.Ф. Випкин-Юргенсман, занимавшийся планированием ландшафта, восторгался германской способностью слиться воедино с окружающей природой: “Снова и снова наша кровь воспламеняется любовью к ландшафту, к растениям, и чем больше мы стараемся ее понять, чем

Вопросы философии. 1995, № 5. Печатается с сокращениями.

серьезнее ищем ей причины, тем скорее нам придется признать, что чувства, возбуждаемые в нас гармоничным ландшафтом, чувства глубинного родства с растениями принадлежат к врожденным биологическим законам, неотделимым от вашего бытия⁹. Жаль, что нацистские консерваторы так и не смогли проникнуться этим чувством в отношении своих братьев по человечеству: факт, над которым стоит поразмыслить.

Подобные романтические настроения уже в начале века давали вполне практический эффект. “Националистическая “Охрана природы” добилась неожиданных и конкретных результатов в 1913 г. на конференции в Берне, — сообщает Доминик, — созванной для координации международных природоохранных усилий. На этой конференции германский представитель Гуго Конвенц настаивал на том, что защита природы есть часть защиты Отечества и “составляет, таким образом, часто национальную задачу”. Ему удалось торпедировать все попытки создать международную организацию по охране природы¹⁰.

В своем первоклассном исследовании о ландшафтном планировании в Германии между 1918 и 1960 гг. Герт Грёнинг и Йоахим Вольшке-Бульман привлекли внимание и к более зловещим связям между охраной природы и ландшафтным планированием, — с одной стороны, и расистскими утопиями национального избранничества, с другой¹¹. Они предупреждают о “необходимости для всякого движения выработать свою эксплицитную политическую философию, поскольку только так можно предотвратить политические злоупотребления движением¹².

Вальгер Шенихен, преемник Конвенца на посту директора Государственного управления по охране природы, продемонстрировал тесную связь между охраной природы и расовой гиги-

ной в Германии. Задолго до 1933 г. он стал “пламенным пропагандистом таких протонацистских идей, как евгеника, селекция и специальные мероприятия по поддержанию чистоты расы”¹³. По его убеждению “в школе — самое позднее в десятом классе — необходимо преподавать расовую теорию, хотя бы в порядке общего введения, а также знакомить учеников с мерами по сохранению чистых линий наследственности. Только таким путем новое государство сможет рассчитывать на доверие и понимание широчайших слоев населения и проводить легальное регулирование...”¹⁴. Будучи фанатичным колониалистом, он называл утрату колоний в 1918 г. вопиющей несправедливостью¹⁵. “Преподавание естественной истории призвано не дать умереть колониальной этике. Этой цели превосходно служат рассказы о тайнах африканского вельда, о чудесах тропических джунглей, раздувающие искры юношеского романтизма в пламенное стремление возродить Германскую колониальную державу”¹⁶.

И все же до поры до времени эти идеи оставались только идеями: индустриализация и милитаризация развивались независимо от них. Был разработан безумный проект о возвращении всей природы в Германии в “дикое” состояние: сельскохозяйственное жизненное пространство должны были предоставить после войны новые завоеванные территории. В. Мюнкер, лидер движения Heimat- und Naturschutz писал: “Просторы, открывающиеся перед нами на востоке, ставят наше скудное сельское хозяйство в совершенно новое положение. А наша победа над Англией должна еще больше поправить положение... Не пора ли наконец переориентироваться на охрану природы, как ни мало значения мы придавали ей до сих пор?”¹⁷.

Шенихен разрабатывал план расширения Беловежской пуши с 46 до 2600

км² в рамках новой стратегии планирования национальных парков, а в марте 1940 г. проф. Хек, зоолог, опубликовал “Новые задачи охраны природы — национальные парки для расширившейся Германии”.

Еще более зловещий характер приобрела работа по ландшафтному планированию при Генрихе Гиммлере в связи с подготовкой завоеванных территорий для заселения немцами. Как высказывался один из членов группы планирования, “взаимодействия между людьми и населяемой ими землей имеют первостепенное значение для дальнейшего развития или уничтожения человечества. Вот почему забота о земле для нас, немцев, — главная этическая заповедь после заботы о крови”¹⁸.

Оберфюрер СС К. Мейер, глава нацистского управления ландшафтного планирования, позднее (1955) занимавший кафедру ландшафтного планирования в Техническом университете Ганновера: “Для нас, национал-социалистов, планирование есть выражение ответственности перед народом и государством. Мы стремимся не только к полному планированию пространства и хозяйства, но и к созданию здоровой структуры общества и преобразованию жизненного пространства в соответствии с требованиями тевтонской расы”¹⁹.

Эта группа отвечала специально за ландшафтное планирование в “аннексированных восточных территориях”. В своей книге *Landschaftsbibel* Випкинг-Юргенсман раскрывает негативную сторону нацистского расового ландшафтного планирования, доказывая, что другие культуры уродуют свою землю: “Форма ландшафта всегда отражает характер населяющих его людей. Это может быть мягкая сдержанность души и духа, а может быть гримаса бездушия или человеческой и духовной испорченности... В любом случае ландшафт — четкое выражение того, что раса чувствует, думает, делает и

создает... Вот почему германские ландшафты так разительно отличаются от польских и русских — настолько же, насколько различаются люди. Кровавая жестокость восточных рас неизгладимо запечатлена в гримасах их родных ландшафтов”²⁰.

Тем самым было дано идеологическое обоснование разрушению “еврейских городов” и массовому изгнанию восточноевропейцев из их деревень. Об этих планах сообщил Мейер на конференции в Познани всего через 14 недель после завершения польской кампании²¹.

Фактором, ускорившим скатывание от идей национальной охраны природы к нацистскому консерватизму, стали деморализующие последствия Первой мировой войны. В 1920 г. *Zeitschrift für Vogelschutz* 1 (1920): 33 пишет: “Индивид должен вновь осознать, что его благополучие неотделимо от благополучия страны в целом, а вырожденные, неспособные этого понять, должны быть репрессированы, чтобы не могли и далее отравлять весь общественный организм”²². Эта идея была равно враждебна как капитализму, так и коммунизму. К тому же она была неотделима от сильного расового чувства. Так, *Verein Naturschutzpark* усматривал параллель между исчезновением рыбы из загрязненных немецких рек и наводнением Германии полчищами “немых хорватов и поляков”²³.

Если верить Доминику, активнее всех среди этих природозащитников-расистов был профессор Пауль Шульце-Наумбург, архитектор, проектировавший загородные дома для состоятельной публики, с 1904 по 1914 г. — председатель *Deutscher Bund Heimatschutz*. В третьем издании его *Gestaltung der Landschaft* он писал в 1928 г. “об угнетающем расползании по миру интернациональной демократии... не связанной больше с родиной”²⁴.

Примерно в это же время он входил в литературный кружок в Мюнхе-

не, членами которого состояли также Альфред Розенберг и Рихард Дарре (Blut und Boden), и был одним из виднейших ораторов Розенберговского Kampfband für deutsche Kultur. Позднее он стал делегатом от нацистской партии в Рейхстаге. Любопытно, что и евреи, пытаясь отвести от себя обвинения в пренебрежении к окружающей природе, публиковали такие книги, как труд С. Лихтенштедтера *Naturschutz und Judentum: ein vernachlässigtes Kapitel jüdischer Sittenlehre* (Frankfurt/Main, 1932)²⁵

“Правда, для самого фюрера *Naturschutz* и *Heimatschutz* были не более, чем две быстро пройденные ступеньки на подъеме к вершинам мирового владычества”, — пишет Доминик. Однако нацистская идея *Blut und Boden* подходила чрезвычайно близко к подлинным целям природоохраны (Рихард Вальтер Дарре)²⁶. Со своей стороны и социал-демократы выступали в защиту окружающей среды и эстетики ландшафта (их законодательные попытки были блокированы нацистами).

Но романтическое мирозерцание нацистов было куда созвучнее стремлениям защитников природы, чем инструментальный рационализм СДП.

Вальтер Шенихен, переименовавший в 1928 г. журнал *Die Zeitschrift für Naturdenkmalpflege* в *Monatsschrift für alle Freunde der deutschen Heimat*, заявлял пять лет спустя на конгрессе, посвященном основанию *Reichsbund für Volkstum und Heimatschutz* в октябре 1933 г.: “Охрана природы касается не только находящихся под угрозой видов птиц и редких растения, не только дюн, болот и лесов... Она касается в первую очередь людей, а здесь у нас — в первую очередь германцев”.

И далее: “Слова “народный” или “национальный” можно произносить только с любовью... Но в официальной Германии ни один из произносивших их не находил слушателей — пока

не явился фюрер и не завоевал все сердца своей пламенной проповедью: долой либерально-марксистский рационализм, уводящий всю нашу культуру прочь от природы... Назад к древней мощи крови и почвы; в них источник жизни всего нашего народа”²⁷.

СССР

Множество аналогичных примеров дает и советское общество. Появившаяся в 60-е годы русская Новая Правая дала знать о себе не только в литературе (деревенщики), но и в журналах (“Наш современник”, “Огонек”, “Вечер”, “Молодая гвардия”) и социальных организациях (Память, ВООПИК). Фаддей Шипунов — активист движения за чистоту Волги, может служить образцом характерной комбинации религиозности, идеализации крестьянства и антикосмополитизма (кодовое слово, обозначающее в советском контексте антиинтеллектуализм и антисемитизм). Этические категории для него — просто выражение Великого Духа, которому мы причастны.

Глубинная экология

Моррис Берман

Моррис Берман в своей книге *Coming to our senses* и других предлагает оригинальную теорию единства человека и космоса, нашего тела и души. Изначально мы не сознавали своего отдельного Я. Впоследствии единство нарушалось в процессе эволюции и индивидуации (но ведь даже самцы морского льва — индивидуалисты настолько, что защищают свои гаремы от других самцов!). Берман апеллирует к неконвенциональным путям познания (даже плоть обладает памятью о порядке и беспорядке, к которым мы якобы можем получить доступ благодаря технике йогического дыхания, ЛСД, технике перерождения).

В чем смысл этого желания вернуть ся “внутри яйца”, освободив нашу жизнь от так называемого “дуализма”? Предполагается, что такое дуалистическое отчуждение действительно существует, что от него можно излечиться и что желанное “единство” почему-то заведомо превосходит онтологически наше нынешнее “расколотое” существование. Но обязаны ли мы принимать на веру заявление Бермана о том, что наше “Эго” искажает природную гармонию?

В самом деле, как мог продукт гармонической природы вдруг оказаться “неестественным”, отчужденным дуалистическим ренегатом? Вот вопрос, на который не в силах ответить сборники погружения назад в природу. Впрочем, они его и не ставят: на их взгляд, их отказ признавать результаты миллионов лет эволюции человечества не противоречит их вере в непогрешимость природы.

Круглый стол

Американский историк Дональд Уорстер убежден в том, что некоторые агроэкосистемы, такие, как, например, филиппинская, где на одном поле выращиваются одновременно по сорок различных культур, лучше всех прочих в некоем абсолютном смысле. “Ландшафты, создающиеся в результате подобных традиционных практик, представляют собой тщательно интегрированные функциональные мозаики, сохраняющие мудрость самой природы”²⁸, — пишет Уорстер. Он выдвигает новые ценности стабильности, неизменности и уважения к требованиям межродовой этики в противовес ценностям изменения, инновации, роста и полезной продуктивности. Я в большой степени разделяю ценности, предлагаемые Уорстером, однако настаиваю на том, что любые цели, которые люди ставят перед собой, обусловлены культурным развитием (и только в этом

смысле могут быть названы “естественными”), и что мы обязаны нести ответственность за наши ценности, признавая, что они — наш собственный выбор, а не абсолютные Заповеди Природы, которым мы должны следовать. Никто, кроме экологических детерминистов, не может рассматривать организацию человеческого общества как “большее или меньшее отклонение от стабильного экологического идеала”, — если воспользоваться словами Ричарда Уайта, единомышленника Уорстера²⁹.

Взгляды технократов

“Евангелие эффективности”

Огромную роль в ревизии экологической историографии в США сыграла вышедшая в 1959 г. книга Самуила П. Хейса “Экология и апостолы эффективности: Прогрессивно-экологическое движение 1890 — 1920”. Хейс исследовал господствовавшее тогда убеждение, сформулированное, в частности, историком Леонардом Бейтсом, что прогрессивная экология есть “завершение американской демократии”. Хейс обнаружил, что значительную часть этого движения (его лозунг, выдвинутый Джиффордом Пинчотом: “Наибольшее благо для наибольшего числа людей на наиболее долгий срок”) составляли недавние выпускники первых американских профессиональных программ управления ресурсами (лесное дело, геология, водные ресурсы), стремившиеся получить преимущественное право — в качестве экспертов — распоряжаться этими ресурсами во имя “общего блага”.

Но кое-что эти эксперты скрывали и от самих себя, и от широкой публики, а именно, что и они неизбежно принимали решения касательно природных ресурсов на основании определенных политических воззрений. В их случае воззрения были таковы: рационали-

зировать расходы в наиболее расточительных областях американской жизни, оживить сельское хозяйство и снять “ослабляющие” страну конфликты между трудом и капиталом путем интенсивного государственного регулирования. Все это должно было быть осуществлено под их “беспартийным” контролем, на основе “непредвзятой” технической экспертизы, разумеется, их собственной. Дух “надклассовости” владел технократами, ставившими себя выше всяких политических игр. Как пишет Хейс, “более широкое значение природоохранного движения связано с той ролью, которую оно сыграло в превращении децентрализованного, нетехнического, слабо организованного общества, где расточительство бежало наперегонки с неэффективностью, в высокоорганизованное, техничное общество с центральным планированием и управлением, которое эффективно и целесообразно могло отвечать на новые требования все усложняющегося мира... Эти задачи требовали общественного вмешательства... Они требовали также новых методов администрирования, самого полного использования новейших научных достижений и квалифицированных кадров экспертов... Тогда-то было проповедано новое “Евангелие эффективности”...

Теодор Рузвельт свято верил, что социальные и экономические проблемы следует решать не силовой политикой, но с помощью экспертов, которые предпримут научные исследования и выдадут оптимальные решения. Его вера в прикладную науку была почти безгранична³⁰

Суммируя идеологию проповедников нового Евангелия, Хейс констатирует:

“Главное значение природоохранного движения заключалось в его политических импликациях: кто и как должен принимать решения касательно природных ресурсов? Всякая проблема, связанная с ресурсами, порождает конф-

ликты. Как разрешать их: через партийную политику, компромисс между противостоящими группировками или через суд? Для экологов все эти пути были неприемлемы — они означали прямое предательство их Евангелия эффективности. Все решения относительно развития и использования ресурсов, размещения фондов и распределения вложений должны принимать эксперты, используя технические и научные методы... Центральный пункт их Евангелия — рациональный научный метод принятия базовых технологических решений единой центральной властью³¹.

Культ Вернадского и ноосферы

Большое впечатление произвела на меня недавно статья в журнале “Природа”, написанная нижегородским философом Владимиром Александровичем Кутыревым. Это было, возможно, первое опровержение утопической и научно несостоятельной идеи, что космос в один прекрасный день будет рационально управляться человеческим разумом. Кутырев приводит необычайно эффектную цитату из юбилейной статьи В. Барсукова и А. Яншина в Вестнике АН (1988. № 6. С. 56): “По мысли В.И. Вернадского, ноосфера — это гармоническое соединение природы и общества, это торжество разума и гуманизма, это слитые воедино наука, общественное развитие и государственная политика на благо человека, это мир без оружия, войн и экологических проблем, это мечта, цель, стоящая перед людьми доброй воли, это вера в великую миссию науки и человечества, вооруженного наукой³⁵.”

Может быть, планирование именно в России так легко принимают за панацею потому, что чересчур боятся хаоса и потери управляемости. Люди готовы смириться с индивидуальным бессилием, чтобы избежать противоположной крайности — анархии. Однако мы не должны забывать о том, что

хаос зарождается на плодородной почве авторитаризма, там, где нет индивидуальной ответственности и привычки считаться с интересами других. “Планирование” и хаос — две стороны непрерывно возобновляющегося процесса, который можно остановить, лишь развивая подлинную общность сознательных, ответственных индивидов.

Для тех, кто стремится к триумфу разума в космическом масштабе (космисты), равно как и для тех, кто идеализирует природу, реальные живые люди “как они есть” — лишь помеха на пути к желанной мировой гармонии. Поэтому все космисты, по Кутыреву, в конечном счете приходят к мысли о “Новом человеке” — то ли сверхчеловеке, то ли гуманоиде, который не станет мешать дальнейшему прогрессу мысли и технологии³³. Мы не можем подробно рассматривать здесь адептов Константина Циолковского и Николая Федорова; или поразительное сходство этого рода идей со сталинистской идеологией великого преобразования природы, с идеями Горького, например³⁴. Стремление к насильственной переделке людей, какими бы благими целями оно ни руководствовалось (включая “гармонию с природой”), всегда остается чрезвычайно опасным, чему свидетель — вся советская история. И культ ноосферы, и культ природы равно игнорируют индивидуальную ответственность и отвергают компромисс с несовершенной реальностью. Перед лицом этой опасности одинокий голос Кутырева предостерегает: нам нужны реалистические надежды и исполнимые утопии³⁵.

Массы и классы

Парки как форма классового подавления

Как и многие другие, я всегда думал, что заповедники — вещь несом-

ненно хорошая; так я думал до тех пор, пока не познакомился ближе с тайной историей парков. Карен и Кеннет Ольвиги в статье, опубликованной лет 16 назад, впервые открыли мне новую точку зрения на предмет: “девственная природа” одного может быть необитаемой землей для другого; в определении границ заповедников вмешиваются иногда классовые интересы, и лакомые кусочки страны огораживаются, превращаясь в недоступные для простых смертных зоны отдыха элиты. Если все это звучит слишком академично, рассмотрим два примера, разбираемых Ольвигами: Шотландию и Виргинские острова.

Идеология “естественного” парка

Современный взгляд на идеальное или нормативное состояние природы, как естественной декорации, начал складываться в Британии в XVII—XVIII вв., воплотившись в английском ландшафтном парке³⁶. Представление о нормативной природе менялось: от паркообразного “окультуренного ландшафта” к девственной “дикости” в конце XVIII в. Именно этот идеал лежит в основе американского идеала нормативной природы и воплощен в наших национальных парках.

Так вот, Ольвиги обнаружили, что этот новый взгляд возник как социальная конструкция носителей капиталистического просвещения в Шотландии. “Дикая природа” была для них той ареной, на которой древние охотники и пастухи-кочевники “с копьём и лирой” боролись в одиночку за выживание и преследовали свои индивидуалистические цели, выковывая “характер”. Оправданием подобным взглядам служили Оссиановы мифы, прославлявшие “первобытную” романтику дикой Шотландии и впоследствии разоблаченные, как подделка XVIII в. На самом деле и эти мифы и эти взгляды

послужили, согласно Ольвигам, оправданием массового изгнания крестьян из горных областей Шотландии и превращения страны в “дикий” охотничий заповедник для дворян³⁷.

Ольвиги описывают преломление того же мифа в Америке: “крещение дикой природой... бродяги-ковбоя с его неизменным шестизарядным револьвером и банджо... считалось главным условием возникновения национального прототипа — свободного американского индивида”³⁸. Что касается национальных парков, то даже любители природы, никогда не бывавшие западнее Нью-Йорка, “считали Национальные парки заповедниками стабильности в стремительно меняющемся мире, последними местами, где скалы, деревья и ручьи еще остались такими, какими были испокон веков”³⁹.

Начальник Службы национальных парков Стивен Мазер видел в них “национальные музеи нашей американской дикой природы... выставочные залы первобытных американских ландшафтов”⁴⁰.

Между тем все, кажется, забыли о том, что в течение тысячелетий все эти места, и Йеллоустон, и Йосемит, и Маунт Дезерт, и Великий Каньон и другие были населены туземными племенами Америки. Ольвиги пишут: “Самим индейцам было запрещено оставаться на территории заповедника, и первым туристам, посетившим Йеллоустон, то и дело мешали любоваться достопримечательностями армейские подразделения, прочесывавшие местность, чтобы очистить ее от индейцев. Сегодня туристам уже никто не мешает наслаждаться тем, что называют “девственной природой” Йеллоустона, ничто не нарушает иллюзию. Однако службам парка приходится с каждым годом тратить все больше труда и денег на поддержание “естественной” красоты ландшафта, созданной веками индейского землепользования — контро-

лируемым выжиганием участков леса и другими методами”⁴¹.

Для индейцев национальные парки означали еще одну экспроприацию в пользу среднего класса белых поселенцев.

Один из самых разительных примеров такой экспроприации во имя “девственной природы” в американской истории — создание национального парка на Виргинских островах в 1956 г. Территория будущего парка была заселена мелкими земледельцами — потомками работавших на здешних плантациях рабов; по неформальному соглашению с землевладельцами они после освобождения продолжали жить на острове и вести самое примитивное хозяйство. После того как земля была скуплена Рокфеллерами и передана Службе национальных парков, новые законы о землепользовании были применены здесь по всей строгости, и большинство крестьян согнано с их участков (без компенсации). Что из этого вышло, Ольвиги описывают с изрядной долей иронии: “Для тех, кто незнаком с примитивным сельским хозяйством, этот ландшафт вполне мог показаться девственным и диким, что помогло скрыть тот факт, что весь остров был своего рода опытным участком, где под неусыпным наблюдением приживались экзотические виды флоры и фауны, привезенные из всех стран света.

Политика, проводившаяся Системой национальных парков, дала два результата: уничтожила местное сельское хозяйство и преобразовала ландшафт. В короткое время весь остров покрылся зарослями колючего кустарника... давным-давно завезенного сюда в качестве органической колючей проволоки: живые изгороди из него защищали усадьбы от рабов. Благодаря строгой охране заповедника и заботе невероятно размножились такие завезенные сюда животные, как мангусты и дикие обезьяны, уничтожив несколько мест-

ных видов... Однако до сих пор господствует теория, что благодаря какому-то экотеологическому чуду ландшафт острова со временем станет похож на тот девственный лес, который когда-то увидел Колумб⁴².

Забавно, что единственные памятники прежнего культурного ландшафта острова, которые сохраняются Парковой Службой, — это развалины больших плантаторских домов. Как заключают Ольвиги, “то, что для одного общества (или класса) девственный рай, для другого — запущенный и заросший сорняками сад; что для одного дикая пустыня, для другого — ухоженный дом; для одного — манифест свободы, для другого — угнетение и подавление... Парки не лучше и не хуже того общества, которое их создает”⁴³.

“По газонам не ходить”

История природоохранного движения в Америке богата и другими примерами, демонстрирующими его связь с классовыми интересами и взглядами. Питер Шмитт в своей книге “Назад к природе” рассказывает о движении за создание городских парков в конце XIX в. Для его президента Чарльза Элиота, выпускника юридического факультета Гарварда, “ландшафтные заповедники — это соборы современного мира”, в то время как “для психологов типа Джозефа Ли или Генри Кертиса сельские ландшафты нужны только издерганным нервам баронов бизнеса и их клерков из среднего класса. Подобные люди не имеют права навязывать свои вкусы заводским рабочим и детям бедняков”, которые, как доказано, предпочитают аттракционы и игровые площадки⁴⁴.

“Эталоны природы”

Дискуссия по поводу национального парка на Виргинских островах мо-

жет быть с таким же успехом отнесена и к советским заповедникам. На протяжении 20-х годов главным оправданием существования заповедников была теория биоценоза: считалось, что охраняемые участки представляют собой закрытые и саморегулирующие системы нетронутой девственной природы — “биоценозы”. Они рассматривались как эталонные модели “здоровой” нормативной Природы, с которыми можно сравнивать природу, оскверненную человеческим вмешательством.

Однако правомерность подобного взгляда на биоценоз как на первичный структурный блок биосферы никогда не была доказана (и, кажется, в принципе недоказуема). Еще в 1933 г. великий эколог В.В. Станчинский заметил, что понятия биоценоза и экологической общности хотя и существуют почти полвека, остаются по-прежнему совершенно туманными и размытыми, каждый автор вкладывает в них свой смысл, а наука биоценология не получила удовлетворительного обоснования и определения⁴⁵. Однако сам Станчинский по-прежнему стремился обнаружить в природе определенные уровни закономерной организации и порядка — системы — и, предостерегая экологическое сообщество от структурализма, формализма и неисторического или телеологического подхода, сам заявлял, что подобные системы совершенно “реальны”, даже если их параметры одновременно существуют и не существуют⁴⁶. И в конце концов он даже выступил в защиту заповедников как эталонов — пусть и относительных — девственной природы.

Я доказывал в свое время, что понятие “эталон” было мобилизовано советской биологической и природоохранной элитой ради достижения двух целей: 1) обосновать создание по всему СССР широкую сеть охраняемых территорий, подконтрольных только научной интеллигенции и никому боль-

ше и 2) помочь доказать, что распоряжаться эксплуатацией хрупких природных систем вправе лишь они как научные эксперты, и потому они должны иметь право вето в вопросах экономической политики. Желание создать подобные острова свободы и научной автономии вполне понятно и оправданно, если принять во внимание угрозу, которую коммунистическая система, особенно в конце 20-х годов, представляла для природного и человеческого разнообразия. Однако научная интеллигенция пыталась добиться желаемого от имени науки, в то время как наука как раз не может дать твердого, научного обоснования теории биоценоза.

Заключение

В начале 50-х годов Грант Макконнелл призвал к политическому обоснованию наших экологических и политических взглядов. Он указал на произвольность так благородно звучащей формулы Джиффорда Пинчота (“Наибольшее благо для наибольшего числа людей на наиболее долгий срок”), заметив, что все зависит от того, кто будет определять это благо. Ни один технократ не вправе определять, в чем состоит наибольшее благо, на основании секретной экспертизы или привилегированного знания. Решать, какому из различных взглядов на использование природы и людей отдать предпочтение, нужно политически, а не ссылаясь на привилегированное знание.

Однако не предполагает ли такое политическое обоснование безраздельное господство воли большинства? Не будут ли при этом проигнорированы жизненно важные интересы меньшинств? Было бы нечестно не признать наличия подобной опасности. Поэтому необходимо попытаться выработать приемлемую концепцию базовых прав человека, которые не вправе будет нарушать воля того или иного временного

большинства, а такая попытка сама по себе есть длительный политический процесс, который начался совсем недавно.

Опасность, которую представляют собой приверженцы Вернадского или глубинной экологии, заключается в том, что все они аргументируют от привилегированного знания. “Мы знаем, что для вас на самом деле лучше, чем вас спасет и исцелит”, — заявляют они. Им одним ведомо подлинное различие между природной гармонией и хаосом, социальным здоровьем и разложением, чистотой и скверной, отчуждением и единством. Они не сознают, что их этические верования и политические взгляды — социальная конструкция; они абсолютизируют свои личные истины. Может быть, они и правы; но что, если нет...?

Поэтому если мы хотим сохранить максимум биотического и человеческого разнообразия для нас и будущих людей (и не-людей), мы должны отдавать себе отчет в моральных и политических постулатах, которые мы выдвигаем. Не нужно забывать о том, что в мире, где существует больше одного фанатизма, в принципе невозможно мирное сосуществование.

Всякий фанатизм, включая экологический, есть продукт либо страха, либо материальной, культурной или духовной нищеты, поэтому мы должны неустанно трудиться, чтобы создать мир, в котором каждый из нас и все наши интересы будут равно уважаться. Этого мы никогда не достигнем, абсолютизируя индивидуальные истины.

Олдо Леопольд в своем завещании призвал к созданию нового мифа: мы должны начать мыслить так, “как мыслит гора”⁴⁶. Он считает новый миф необходимым потому, что люди стали опасны, опасны и для самих себя, и для планеты, и только новый миф способен произвести достаточно глубокие поведенческие изменения в достаточно

массовом масштабе, чтобы спасти нас в этой опасной ситуации⁴⁷. Я же полагаю, что мифы зачастую куда опаснее тех ситуаций, от которых они призваны нас спасти. Нам нужно вырабатывать вкус к демифологизации. Нам нужно осознать наши потребности и наши ценности и взять на себя ответственность за них как за наши личные предпочтения. Только тогда мы будем в состоянии уважать предпочтения наших соседей по планете и находить с ними компромисс, и сможем рассчитывать на то же с их стороны.

Примечания

¹Raymond Dominick. Nascent Environmental Protection in the Second Empire // *Germ. Stud. Rev.* 9 (1986). P. 262.

² Ibid. P. 264.

³ Ibid. P. 266–267.

⁴ Ibid. P. 267.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 130.

⁷ Ibid. P. 267.

⁸ Цит. по: Raymond Dominick. The Nazis and the Nature Conservationists // *Historian.* 49 (1987). P. 512. Работы В.Г. Рила между 1935 и 1945 гг. переиздавались четыре раза.

⁹ Dominick. Nazis... P. 512.

¹⁰ Ibid. P. 515.

¹¹ Ger Groening and Joachim Wolschke-Balmahn. Politics, Planning and the Protection of Nature: Political Abuse of Early Ecological Ideas in Germany, 1933–45 // *Plann. Perspect.* 2 (1987). P. 127.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P. 129.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 133.

¹⁷ Ibid. P. 135.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 139.

²¹ Ibid. P. 140.

²² Dominick. Nazis... P. 516.

²³ Ibid. P. 517.

²⁴ Ibid. P. 518.

²⁶ Ibid.

²⁶ Ibid. Рудольф Гесс и Вальтер Дарре были последователями Рудольфа Штейнера, сторонниками его биодинамических (органических) сельскохозяйственных принципов. Штейнер, используя Антропософское общество, продвигал идею об агрикультуре, как о части большой планетарной органической системы. См. Anna Bramwell. *Ecology in the Twentieth Century* (New Haven and London: Yale University Press, 1989), chap. 10, esp. P. 205. Брэмвелл считает, что третья часть нацистских лидеров вышла из распространенного еще “до третьего рейха стремления к панарианской, не национальной идентичности “мягкого” восточного типа”. Среди зеленых в Германии все еще наблюдается трещина между ориентированными на фермеров националистами и красно-зелеными, ориентированными на международное использование недостаточных ресурсов.

Доминик утверждает, что Брэмвелл переоценивает стремление нацистских лидеров выполнять свои обязательства по охране природы. См. Nazis. P. 522, п. 57.

²⁷ Dominick. Nazis... P. 527.

²⁸ Donald Worster. Transformation of the Earth: Toward an Agroecological Perspective in History. In “A Round Table” // *J. Amer. Hist.* 76 (1990). P. 1096.

²⁹ Richard White. *Environmental History, Ecology and Meaning* // Ibid. P. 1116.

³⁰ Samuel P. Hays. *Conservation and the Gospel of Efficiency* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1959). P. 265–267.

³¹ Ibid. P. 271.

³² Кутырев В. А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере // *Природа.* 1990. № 11. С. 4.

³³ Там же. С. 7. “Поэтому все космисты в конце концов приходят к идее нового человека — человека или чего-то человекообразного, что не мешало бы дальнейшему прогрессу познания и техники”.

³⁴ См. мою неопубликованную статью “Пластичный человек; Максим Горький и ранние большевистские идеи гуманности в качестве Нового Божества”, представленную на ежегодную конференцию (Гонолулу, 19 ноября, 1988 г.) Американской ассоциации за прогресс славистских исследований.

³⁵ Кутырев В. А. Утопическое... С. 7.

³⁶ Karen Fog Olvig and Kenneth Olvig. Underdevelopment and the Development of "Natural" Park Ideology. // *Antipode*, 11 2 (1979). P. 16–25, esp. P. 17–18.

³⁷ Ibid. P. 19–20.

³⁸ Ibid. P. 20.

³⁹ Peter Schnitt. *Back to Nature: The Arcadian Myth in Urban America* (New York, Oxford University Press, 1969). P.156.

⁴⁰ Ibid. P. 167.

⁴¹ Olvig and Olvig Underdevelopment... P. 16–25.

⁴² Ibid. P. 22.

⁴³ Ibid. P. 23.

⁴⁴ Schmitt *Back to Nature*. P. 66–76.

⁴⁵ Станчинский В. В. Доклад // Материалы первой Всесоюзной фаунистической конференции при АН СССР. Стенограм-

ма отчета заседаний, тезисы докладов. 7–8 февраля 1932 г. // Архив Академии наук СССР. Фойд 1593 (И.И. Презент). Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 2–12.

⁴⁶ Aldo Leopold. *A Sand Country Almanac* (New York, Oxford University Press, 1972). Великолепная биография Леопольда опубликована в: Susan h. Flader. *Thinking like a Mountain: Aldo Leopold and the Evolution of an Ecological Attitude toward Deer, Wolves, and Forests* (Columbia, Mo.: University of Missouri Press, 1974).

⁴⁷ См. также: Matt Gartmlli *Four hegs Good, Two hegs Bad* // *Nat. Hist. Mag.*, 1976.

Перевод с англ. Т.Ю. Бородай

УТОПИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ В УЧЕНИИ О РАЗУМЕ

В.А. Кутырев

Ноосфера как утопия

Основоположники учения о ноосфере (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский) верили, что человеческий разум, превращаясь в планетарную геологическую силу, приведет к упорядочению природной и социальной действительности, к более совершенным формам бытия. Как результат планомерного, сознательного преобразования биосферы, ее перехода в качественно новое состояние возникнет ноосфера. Этот процесс рассматривался ими как несомненное благо, несущее человечеству разрешение его трудных проблем. В.И. Вернадский и даже П. Тейяр де Шарден (последний, правда, не

охотно, но логика требовала) связывали его с социалистической организацией жизни людей, расширяя задачи преодоления

стихийности природы до преодоления стихийности развития общества. В некоторых случаях ноосфера рассматривалась как полное устранение зла, как всеобщее благо, что особенно типично для ее космических вариантов (К.Э. Циолковский).

Нет смысла в подробном воспроизведении такого рода представлений. Они давно стали тривиальными, а люди, стоявшие у их истока, превращены в иконы. Пытаясь преодолеть политическое идолопоклонство, мы продолжаем культивировать научное. Некоторые направления мысли, близкие к учению о ноосфере или являющиеся его предпосылками, например, "русский космизм", фактически еще не были объектом трезвого анализа. Критический взгляд на них как бы неприличен и свидетельствует об отсутствии у покушающегося на него возвышенности духа. Глобальные проблемы современ-

Глава из книги: Кутырев В.А. *Естественная и искусственная борьба миров*. Н. Новгород. Изд. "Н. Новгород", 1994. 200 с.

ности, однако, столь тревожны, что требуют мыслить и действовать, несмотря на теоретические стереотипы. Суть взгляда на ноосферу, который мы хотим здесь развернуть и который, как нам кажется, более отвечает ситуации, такова: *это учение с самого начала несло в себе элементы утопии; в нем переплелись аксиологические и онтологические подходы без какого-либо их разграничения; ценностные характеристики ноогенеза до сих пор являются однозначно положительными, что противоречит диалектике жизни; надо различать трактовку ноосферы как утопии и ее реальное состояние. Одно не должно заслонять другое.*

В мировоззренческих теориях элементы утопии неистребимы. Утопия — некая система идей, выходящих за рамки наличного бытия и связанных, помимо знания, верой и надеждой. Утопии — “бывшие” мифы, мифы разума, пришедшие на смену мифам чувственного воображения в процессе исторической рационализации человеческого духа. В развитии общества идеалы, мифы, утопии играют двоякую роль; бывают полезными, функциональными, вдохновляют и направляют людей (их можно назвать “практопиями”), а могут дезориентировать, вести к упадку или быть моделью упадка (тогда их называют дистопиями) — притом одна и та же утопия на разных этапах своего существования. Важно вовремя от нее отказаться, скорректировать или сменить на другую. Об опасной двойственности мифов и идеалов, наиболее ярко обнаружившейся в XX веке, пронизательно писал Н. Бердяев. “Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе; как избежать их окончательного осуществления”¹. Это высказывание Н. Бердя-

ева относится прежде всего к социальным утопиям. Но не только. Социальные утопии обычно опираются на предположение о возможности идеально разумного устройства жизни во всей глубине, когда совершенному устройству общества соответствует упорядоченная природа и совершенный человек. Социальные утопии — ядро более глобальных, направленных на переустройство всего мыслимого мира.

Особенностью развития утопий, вообще идей, является то, что по мере приближения к воплощению, в них обнаруживаются дотоле скрытые противоречия. Возникает необходимость преодоления данной утопии, прежде всего через разграничение желаемого и сущего в ней, ценностных и онтологических представлений о реальности. Под закон жизни и смерти утопий подпадает и учение о ноосфере в той его части, где оно действительно утопично. Из него же следует, что если на первом этапе становления ноосферы трудно, неоправданно ожидать критического отношения к отражающему происходящие процессы учению — оно выступает как положительное решение существующих в тот период острых проблем, то на этапе полноты раскрытия, когда оно приобретает черты реальности со своими собственными проблемами — мы обязаны это делать.

Сейчас ноосфера в стадии интенсивного воплощения и по масштабам соперничает с “чистой” биосферой. Появилась угроза существованию природы в качестве самостоятельной целостности. Между тем отношение к ноосфере продолжает быть преимущественно восторженным, будто ее развитие не стоит ни в какой связи с кризисом современной цивилизации. Научно-рациональные элементы деятельности превносятся как абсолютное добро, как не обремененные внутренними противоречиями. “По мысли В.И. Вернадского, ноосфера — это гармоническое соеди-

¹ Цит. по статье “Утопия” // Советская энциклопедия. М., 1977.

нение природы и общества, это торжество разума и гуманизма, это слитая воедино наука, общественное развитие и государственная политика на благо человека, это — мир без оружия, войн и экологических проблем, это — мечта, цель, стоящая перед людьми доброй воли, это — вера в великую миссию науки и человечества, вооруженного наукой”². Извиняющее данный панегирик обстоятельство, что он был высказан в юбилейном докладе. Но это вполне адекватное отражение отношения к ноосфере, до сих пор господствующего в нашем повседневном сознании, науке и философии.

Ноосфера как реальность

Каково же действительное содержание процессов в “области планеты, охваченной разумной человеческой деятельностью”, как определяет ноосферу философский словарь? При непредвзятом взгляде их надо назвать глобальными проблемами человечества. Становление ноосферы и возникновение угрожающего самому существованию людского рода кризиса — один и тот же процесс. Ноосфера как реальность является искусственной средой, которая теснит и подавляет ареал биологического бытия. Формирование искусственной среды открыло перед людьми небывалые возможности для роста их материальной обеспеченности, комфорта и безопасности, подняло на новую ступень культурное развитие, но оно же ведет к загрязнению воды и воздуха, опустыниванию почвы, общей деградации естественной среды обитания. По последствиям для человека чрезмерное разрастание искусственного явление сугубо противоречивое, с неясными перспективами.

Демиург искусственного — разум, мысль, проект. Их опредмеченное выражение и плоть — техника. “Разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум, — отмечал П.А. Флоренский. — Другими словами, содержанием разума должно быть нечто, что воплощаясь, дает орудие. А так как содержание разума, как выяснено, — термины и их отношения, то можно сказать: орудия — не что иное как материализованные термины, и потому между законами мышления и техническими достижениями могут быть усматриваемы постоянные параллели”³. В технике для П.А. Флоренского воплощается логос, противостоящий хаосу. Хотя как религиозный человек он чувствовал узость сведения духа к разуму, культуры к науке и технике и вместо ноосферы предлагал говорить о пневмосфере (“духосфере”), экспансия рациональной компоненты духа с начала XX века была так сильна, что мышление стало почти отождествляться с духовностью и понятие пневмосферы не прижилось. Не потому, что оно высказано в частном письме к В.И. Вернадскому, а потому, что оно не рождалось у других, не было укоренено во времени — ни тогда, ни сейчас. Не случайно, потребность в обновлении мировоззрения, идеологии, психологии мы сужаем до потребности в обновлении мышления, духовность начинали называть менталитетом, а любовь заменяется техникой любви (“сексом”). Культура сциентизируется, технизируется, поэтому приходится сказать, что подлинным денотатом ноосферы является искусственная реальность, образующий фактор которой, в широком смысле слова — технология.

Структурно, ноосфера и техносфера — синонимы. Не разрушая катего-

² Барсуков В.Л., Яншин А.Л. В.И. Вернадский — великий ученый и мыслитель // Вестник АН СССР. 1988. № 6. С. 56.

³ Флоренский П. А. Homo faber. Публикация в: Половинкин С. М. Флоренский П.А.: логос против хаоса. М., 1989. С. 56-59.

риальной сущности, этот ряд можно продолжить понятиями наукофферы, рациосферы, инфосферы, интеллектофферы. И все они, порождаясь природой, “снимают” ее, противостоят ей. Основное глобальное противоречие, разламывающее нашу судьбу — противоречие между естественным и искусственным, между универсумом природы и универсумом деятельности. Данное противоречие существовало с момента появления человечества, но в настоящее время оно обострилось до критического состояния. Нет смысла повторяться насчет различных, возникающих перед нами опасностей. Об этом все пишут. Специфически философская проблема, заметил как-то известный специалист по социальной экологии Р. Баландин, в другом: как удивительно неразумно устроена “ноосфера”, сколько бессмыслицы в поведении людей, если они пустячные, необязательные, а то и сомнительные удобства или удовольствия готовы оплачивать собственной жизнью.

Чем обусловлено это “неразумие” сферы разума? Только ли субъективными причинами — человеческой глупостью, слабостями, недальновидностью? Они, как говорится, “имеют место”, но суть вопроса все-таки глубже. Осмелимся выдвинуть тезис, расходящийся с традиционными философскими представлениями в принципе, а именно: *субстанциально логос не является противоположностью хаоса*. Все дело в уровне организационной сложности бытия и месте человека в нем.

Начиная с античности, стихийное, слепое, хаотическое отождествляется с материей, телесностью, а форма, структура — с идеей, разумом. Мысль противостоит природе как сознание — бессознательному, как закон и мера — беспорядочному, косному, непредсказуемому. Если, однако, оппозицию логоса и хаоса опустить с божественно-космической высоты на землю, то это оп-

позиция освоенного и дикого (вареного и сырого по Леви-Строссу), это отношение между искусственным и естественным. Говоря современным языком, это, с одной стороны, знание, информация, а с другой, “вещность”, субстрат, который надо организовать, “обработать”. Подлинно мы знаем то, что создали сами. Тогда мы им владеем, управляем, оно нам подчинено. Горшок не может быть сложнее горшечника, машина не может создавать то, что не помыслил человек. Критерием истины, как и критерием нашего могущества, господства над природными объектами считается практическое осуществление замысла по их преобразованию.

Но что происходит с этой тысячелетней парадигмой, когда ноосфера начинает преобладать над биосферой? Она “перестает работать”, теряя объяснительную силу. Действительно, разве мы не свидетели “хаоса по-управленчески”. Множество акций предпринимается сознательно, по планам и целевым программам, а результаты сплошь и рядом противоположны намечавшимся. В синергетике, особенно в работах И. Пригожина, показано, как хаос превращается в порядок. Порядок из хаоса. Но это отношение, по видимому, симметрично. И надо считаться с тем, что порядок может превращаться в хаос. *Хаос из порядка!*

Рубеж самостоятельности любой системы по отношению к человеку определяется мерой ее сложности. Мы вступили в мир нелинейных взаимодействий, состоящий из систем с многозвенными обратными связями. Вернее не вступили, а создаем, ибо сами по себе вещи не сложны и не просты, это зависит от притязаний к ним. Огурец прост для еды, сложнее его вырастить, необычайно трудная задача произвести его биологический аналог. И птица легко парит в поднебесье. Это просто ее жизнь. Но сколько сведений из ме-

ханики, физики, химии нужно для того, чтобы в воздух, а тем более в космос поднялся человек. Весьма сложная теория, как известно, нужна для того, чтобы объяснить, как ребенок держит голову. Ее у нас нет, но младенец, к счастью, не знает об этом и делает все без математических расчетов. Напротив, простейшее движение роботоманипулятора является результатом предварительно составленной программы. Вообще, сложность там, где искусственность. И чем отчужденнее процессы или объекты от возможности их непосредственного восприятия человеком как целостным телесно-духовным существом, тем они являются для него более сложными.

Действительно, не редкость, когда решения, рациональные по отдельности, в условиях сложного взаимодействия превращаются в иррациональные. Возникает “ловушка рациональности”, выбраться из которой, руководствуясь одной последовательностью рассуждений — нельзя. Люди, плененные такой рациональностью, все экологические требования к какой-либо социотехнической системе воспринимают как безответственные и абсурдные, хотя на самом деле абсурд заключен в логике ее развития. Абсурд для человека. Типичной при управлении сверхсложными системами является ситуация, когда отдельное конкретное решение по улучшению ее функционирования дает эффект общего ухудшения. Усиление воздействия, направленное на болевую точку системы либо бесполезно, либо приводит к противоположному результату. Чтобы разгрузить улицы Москвы от приезжих, в районе 3-х вокзалов построили огромный универмаг. Но, оказывается, люди не склонны удовлетворяться одним магазином, хотя бы в нем было “все”. Зато он стал притягивать в город дополнительные массы приезжих. Так рациональное решение превраща-

ется в иррациональное, так логос порождает хаос. Конечно, этот пример элементарен, примитивен, развитие можно просчитать на несколько ходов дальше, но связи бывают еще более многоступенчатыми. На определенном этапе управляющая система становится сложнее системы, которой надо управлять. Надеяться, что искусственная реальность, ноосфера как целое, как универсум деятельности будет подвластной нашей воле, хотя бы и вооруженной большими компьютерами, значит плодить иллюзии.

Известно, что человеколюбивый титан Прометей дал людям огонь. Огонь — символ техники, орудийности, господства человека над природой. Теперь техника угрожает господством над человеком. Придется вспомнить, что Прометей дал еще одно благо, которым мы часто пользуемся, не замечая.

Х о р : Не сделал ли ты больше, чем сказал?

Пр о м е т е й : Я от предвидения избавил смертных.

Х о р : Каким лекарством их уврачевал?

Пр о м е т е й : Слепые в них я поселил надежды⁴.

Ноосфера как гармония — сциентистский аналог социально-политической утопии коммунизма и прочих, более ранних мечтаний о рае. В соответствии с духом времени она опирается на науку. Так к ней и надо относиться, хотя против утопий и надежд вообще выступать нет смысла. Они полезны в той мере, насколько смягчая трагические реалии, помогают жить. Когда же утопия самодовлеющая, мешает трезвому взгляду на вещи, она может стать опаснее того, от чего спасает. *Нужны реалистические надежды, функциональные утопии.* Надежды, что возможно

⁴ Эсхил. Прикованный Прометей // Античная литература. Антология. Ч. 1. М., 1989. С. 231.

длительное совместное развитие биосферы и ноосферы, при котором скорость преобразования окружающей среды будет не выше скорости нашей адаптации к ней. Эти надежды надо отличать от иллюзий и вытекающих из них ошибочных действий с целью, если не исключить их, то хотя бы ограничить.

Автотрофы: люди или роботы

Одной из самых сомнительных, да и просто антигуманных, требующих соответствующей оценки идей в учении о ноосфере, является положение о возможности для человека автотрофного питания. Эта идея с далеко идущими последствиями, она лежит в фундаменте упований на индивидуальное бессмертие людей. Тем она привлекательна и тем опасна. А также тем, что научное сообщество обсуждает ее не как некую фантазию, а вполне серьезно, пытаясь поставить на практические рельсы. Предполагается, что в будущем человек станет пополнять свой энергетический потенциал посредством химико-электрических процессов, минуя стадию их превращения в органическое вещество, в растения и прочие живые формы. Переходным этапом к этому состоянию можно считать питание гидропонной массой или некими растворами, вводимыми прямо в кровь, без использования органов пищеварения. Но далее лучше не конкретизировать и рассуждающие об автотрофном питании избегают думать на тему, во что в таком случае превратится человек, как изменится его облик и стоит ли его вообще тогда называть человеком. Человек ли голова профессора Дуэлла, к которой подвели питательные смеси и информацию? Кто это будет делать, когда все достигнут стадии “цефализации”, о чем мечтают энтузиасты автотрофности? Чтобы уйти от неприятных вопросов, они толкуют о “первородном гре-

хе человечества” (гетеротрофное питание), ссылаются на вегетарианцев, упрекающих остальных людей в том, что те едят трупы (причем сами вегетарианцы не автотрофы), привлекают аргументы из арсенала моральной демагогии. Когда это делается не злонамеренно, то... прости им Господи, они не ведают, о чем говорят.

Во времена В.И. Вернадского представления об автотрофной форме разума по необходимости были довольно туманны. Сейчас другое дело. Сейчас можно уверенно заявить: мечты сбываются, автотрофы рядом с нами. Это стремительно совершенствующиеся системы Искусственного Интеллекта, высокоорганизованные компьютерно-технические устройства. Их создатели, да и широкая публика не сомневаются, что естественный человеческий разум может быть воспроизведен искусственно. А где воспроизведен, там и превзойден. Однако это уже будет нечто иное, не “мы”. Не случайно в литературе появляются оценки искусственного интеллекта как этапа эволюционного снятия человеческого разума. “Ближайшие поколения, — мечтают энтузиасты роботизации человека, сами пока, по недоразумению, находясь в его образе, — вынуждены будут примириться с неизбежным сбрасыванием интеллектом своей принудительной [?! — В. К.] биотической оболочки, начинающей сковывать его дальнейший рост и угрожать физическому существованию его носителя, а одна из эпохальных задач их деятельности — обеспечить надежную преемственность, по возможности безболезненное перерастание в “постчеловеческую” цивилизацию”⁵. Как видим, заботясь о спа-

⁵ Назаретян А. П. Интеллект во вселенной. М., 1991. С. 195. Аналогичные идеи в литературе по искусственному интеллекту высказываются все чаще. См., например: Molik P. Artificial intelligence as evolutionary stage of human mind // Journal of the British Interplanetary society. 1984. Vol. 34.

сении от “угрозы физическому существованию носителя разума”, его (носителя) предлагают поскорее ликвидировать. Заняться данной процедурой должен сам носитель — ближайшие поколения. Им предлагается своеобразная программа самоубийства. Еще раньше, доводя до “вселенской евгеники”, подобные идеи высказывал К.Э. Циолковский. “Могущество совершенных проникает на все планеты, на всевозможные места жизни и всюду. Оно, без страданий, уничтожает несовершенные зачатки жизни. Эти места заселяются их собственным зрелым родом”⁶.

В свете таких вдохновляющих планов разговоры об автотрофном человеке выглядят мировоззренческой подготовкой, идеологическим компостом для произрастания искусственного интеллекта и вытеснения им человека как живого “несовершенного” существа. Соотносительно с требованиями автотрофности он представляет собой робот нулевого поколения, “компьютер из мяса” и в этом качестве будет действительно вытеснен более современными формами. По параметрам автотрофного интеллекта он — роботообразное. Включенный во взаимодействие с высокой, сложной и скоростной технологией, он тормозит ее прогресс. Знаменитые слова К.Э. Циолковского: Земля — колыбель человечества, но человечество не будет вечно жить в колыбели, справедливы для “разума вообще”, который действительно может быть и в другом месте, на другой основе, но жизнь, в том числе в ее высшей разумной форме — явление земное. И когда говорят о ее распространенности по всей Вселенной, то без всяких оснований и аргументов совершают довольно банальную подмену понятий — жизни и разума. Если на Земле они были до сих пор разделены — и по

⁶ Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула. 1986. С. 376.

объему, и по сути, то “для Вселенной” их отождествляют.

Естественное человеческое мышление, сплетенное с чувствами и переживаниями, неотрывно от людей новорожденно-смертных, биотических, разделенных “по полам” существ. Разум “без жизни” есть выход за пределы человека, антропологии и гуманизма. Не случайно, наиболее решительные адепты искусственного (мы теперь вправе написать “автотрофного”) интеллекта от критики антропоцентризма перешли к критике гуманизма. Как мировоззрения и как практики. Если на первых порах эта критика велась в экологической маске, была направлена против “идеологии господства человека над природой”, то вскоре выяснилось, что за ней скрывается тенденция к еще более агрессивной форме господства разума чисто технического. И не только над природой внешней, но и над самим человеком, природой внутренней. Антропоцентризм атакуется не с позиции сохранения естественного, а с позиции экспансии искусственного. Мировоззренческое обесценивание гуманизма ведется с целью сциентизации, а не натурализации жизни⁷.

Таким образом можно с уверенностью утверждать, что проблема человека “традиционного” и “человека” автотрофного — это проблема соотношения живого биогенного разума, продукта развития естественной реальности — людей и разума техногенного, продук-

⁷ Дискуссию о судьбе гуманистического мировоззрения см.: Назаретян А.П. В многомерном мире раскрывается ограниченность гуманизма // Общественные науки и современность. 1991. № 6; Моисеев Н.Н. Рациональный гуманизм // ОНС 1992. № 3; Школенко Ю. Безграничность гуманизма // ОНС. 1992. № 4; Назаретян А.П. Беспределен ли человек? (Еще раз о гуманизме и его паллиативах) // ОНС. 1992 № 5 и др.

та развития созданной этими людьми искусственной реальности — роботов шестого и последующих поколений. Между ними есть несомненное сходство, но нас в данном случае занимает различие этих форм разума, ибо сходство можно найти кого угодно с чем угодно и если человека ампутировать до головы, а духовность свести к информации, то разница между ним и компьютером будет только количественная. С другой стороны, если роботов наделить чувствами, переживаниями, телесностью, то разница тоже сотрется, но делать этого нет смысла, так как значило бы лишить их тех преимуществ, ради которых они создаются. Высокосовершенные роботы — не новая раса людей, а новая форма разума — автотрофного, техногенного. Его развитие не остановить, за ним не угнаться. Для тех, кто желает оставаться человеком, единственно, по-видимому, здоровое отношение к данному процессу — параллельная борьба за сохранение естественной среды своего существования как условия сохранения *своего* разума.

Прельщение бессмертием

Наступление сциентизма на жизнь сопровождается его выступлениями против смерти. Идеология автотрофности, рационализации, цефализации, отражая экспансию ноотехносферы, непременно включает в себя мысль о бессмертии. Отрицание жизни маскируется заботой о ее спасении, более того, “совершенствовании”. Как правило, это не лицемерие, а выражение объективного коварства, заложенного в диалектике реальности. Непосредственно к злу никто стремиться не хочет. Все делается во имя лучшего, во имя блага. Но зло так или иначе будет, поскольку оно является оборотной стороной развития. Субъективно оно обычно осу-

ществляется в форме положительных намерений. В самом деле. Не умирать, жить вечно, разве не высшая мечта человечества и человека? Это не просто мечта, утопия, это “королева утопий”.

Между тем смерть вплетена в самую суть жизни, в ее природу. Все рожденное должно умереть, чтобы родилось новое. Небытия нет. Все — бытие, а смерть — переход в другое, в инобытие. Акт рождения и смерти — самый глубокий, самый фундаментальный и драматический фазис обновления, связанный с превращением живого в неживое и наоборот. Исключить этап смерти, значит лишить бытие основательности, полюсов пульсирования, создающих необходимое напряжение для его развития. Забота о бессмертии, начиная с древних религий, в той или иной форме всегда была выражением ухода от жизни. Касаясь в основном поведения личности, она была способом смягчения присущего ее самосознанию трагизма. В условиях становления искусственной реальности, желание бессмертия приобретает принципиально иной смысл. Оно подрывает жизнь как целое.

Известные представления наиболее яркого апологета бессмертия Н. Федорова, доводившего его до воскресения из мертвых, были пронизаны откровенным отвращением к природе как “нашему общему врагу”. Это сублимированная месть “совершающего подвиг” аскета враждебному ему плотскому миру. Чувственная любовь к жизни заменяется умозрительной любовью к бессмертию. В отличие от других предшественников на стезе аскетизма, он гениально предугадал технические возможности преодоления природы, преобразовав мечты о рае и бессмертии на небе в полуинженерные по своей форме проекты их реализации в космосе. Не зря Лев Толстой счел его “слишком материалистом”. Во взглядах Н.

Федорова удивительно сочетались мистические и прагматические компоненты. Его можно назвать автором одной из первых грандиозных концепций, характерных для современного научно-религиозного сознания, в котором в качестве “сверхъестественной силы” выступает некая высшая цивилизация, а всемогущим богом является компьютер максимальной мощности.

Вообразить бессмертие можно по-разному. Подразумевая под ним несколько большую продолжительность жизни, но тогда незачем бы использовать несоответствующий термин, или радикально: конечное существо должно стать бесконечным. Что прежде всего для этого нужно? Избавиться от бренного тела, прервать цикл смертей и рождений. Необходимо “посадить” сознание, понимая его как информацию, на бессмертный неорганический субстрат, чем в сущности и являются системы искусственного интеллекта. Их отличие от человека — отсутствие души, духовных чувств, возникающих во взаимодействии мысли с природой: при встрече с внешней природой возникает техника, при встрече с природой внутренней возникает душа. Разум — это кинжал, воткнутый в тело человека. Образуется рана — его душа. Тогда внешняя природа тоже одухотворяется. Отнимите у человека сознание смертности, влечение и страдание, чувство любви, красоты — и заветная мечта сциентистов осуществится. Она уже осуществляется: 1) непосредственно, через создание роботов с искусственным интеллектом, как мы говорили выше; 2) в самом человеке, в результате угнетения его природного начала и кризиса эмоциональности, превращения ее в “нервы”, что в совокупности выражается в утрате чувства жизни. Автотрофная ориентация доводит эти процессы до логического конца, а идеология бессмер-

тия человека выступает как апология его смерти. Смерти через бессмертие.

Допустим, однако, возможность существования некоего бестелесного сознания. Это не человек, да и вопреки традиционным религиозным представлениям, не душа, ибо для души нужно тело. “За душой” научных сторонников бессмертия стоит бессмертная информация. Она, разумеется не простая, а осознавшая самое себя. Каков характер ее бессмертия? Может ли она быть “личной”, индивидуальной? Нам кажется, что индивидуальное бессмертие невозможно не только из-за бренности природного субстрата, но “по определению”. Его запрещает сама логика. Бессмертие — бесконечность во времени, а понятие индивидуальности предполагает единичное, то есть конечное. Индивидуальное, единичное потому и единичное, что выделено, о-граничено, о-конечено: а) в пространстве; б) во времени. Пространство и время, как известно, неразрывны, будучи разными параметрами мирового континуума. О бессмертии, следовательно, можно говорить лишь применительно к бытию в целом. Отдельное, индивидуальное не бессмертно, будь то тело, душа или конкретный информационный комплекс. Умирает даже информация, ибо при изменении общих условий она превращается в дезинформацию и должна обновляться.

У сциентистов, техницистов нет ясности в отношении личного бессмертия. В свое время академик В. Глушков предлагал людям вместо смерти “уйти в машину”, что в принципиальном плане уже осуществляется. Наряду с тем, что идеи, мысли большинства умерших остаются в памяти родственников или в книгах, они теперь кодируются, вводятся в компьютеры, циркулируют в единой системе информации. Образы умерших маячат на телеэкранах, гово-

рят, поют и пляшут. Но мы почему-то не считаем их живыми. Впрочем, не все. Современные последователи Н. Федорова твердо уверены “во всеисилии знания, побеждающего смерть и могущего на базе информационных программ биополевых систем возвратить к жизни всех ушедших в небытие”⁸. Мы таким образом встретимся со своими воскресшими отцами, которые, правда, в отличие от “отцов” Н. Федорова будут на “небелковой основе” (узнаем ли мы тогда их?), и станут “более совершенными” (а мы, увы, рождались от несовершенных). Весь этот идеологический вздор нужен для самообмана и отождествления небелковых, то есть автотрофных систем с людьми, в то время как на самом деле так называемые воскресшие отцы, а вернее “большие братья” — это новые мощные и в целом действительно бессмертные носители информации, возникшие в ходе становления искусственной реальности.

Как ни странно, в период зарождения идей о возможности технического обеспечения бессмертия человека, когда все было довольно туманно при господствовавшей тогда почти всеобщей религиозности, отношение к ним было более здравым. Не только со стороны “позитивистов” или атеистов, что тогда само собой разумелось. Н. Бердяев, например, тоже считал, что обещаемое бессмертие является безличным, а в таком случае оно бессмысленно. Человек как бы растворяется во вселенной, сама же идея бессмертия есть его своеобразное “прельщение”⁹. Мы ду-

маем, что подобная оценка сохраняет свое значение, более того, на фоне сциентистского перерождения сознания людей она актуализируется. Идейная “работа на бессмертие”, поставленная на научную почву, грозит ускорить наш конец. Ей надо противостоять: “Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить”¹⁰.

В бессмертии, как и в бога, можно только верить. Это область, как показал еще Кант, *практического* разума. Объекты веры, поклонения историчны, они меняются: священные камни, деревья, тотемные животные, богочеловек (Будда, Христос, Мухаммед) и вот — бессмертная техника, мыслящие роботы, большие компьютеры. Ряд бесконечен, а мы — конечны. Стоит задуматься: если уж потребность сознания в постулировании некоего абсолюта неистребима, то не лучше ли продолжать культивировать веру в бога в образах человека? А в области предметной деятельности вместо упования на ноосферу, которая будет управлять всем и вся, попытаться управлять самой ноосферой. Центр тяжести наших забот по выживанию надо переносить на регулирование искусственной среды и ее приведение к человеку, к его мере, соотнося с возможностями взаимной адаптации. Однако в конце XX века нельзя при этом не считаться с принципиально новым фактором нашей жизни — ее космизацией. Как она влияет на становление постчеловеческого мира, ноосферы и что несет людям?

⁸ Подробное обоснование гипотезы “биополевой формации как субъекта жизни и психики” предлагает, например, А.К. Манеев в книге: Человек: философские аспекты сознания и деятельности. Минск, 1989.

⁹ См.: Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж. 1949.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 64.

“Что означает здесь, собственно, слово природа?”, задал недавно провокационный вопрос Вольф Шнайдер (Wolf Schneider) в журнале “SZ — Magazin” Каждый говорит об охране природы, и едва ли кто-то ясно представляет себе, какую “природу” он, собственно говоря, под этим подразуме-
мекает. Само

собой разумеется, каждый человек — за охрану певчих птиц. Многие занимаются охраной соколов или орлов, другим больше по душе голубой зимородок или большая синица. Итальянцы, напротив, используют в пищу черных дроздов и дроздов певчих, зябликов и скворцов и поэтому сльвут варварами. А крысы, навозные мухи, короеды или москиты, не являются природой? С какой же меркой, собственно, нужно подходить, чтобы определить, что является особо охраняемым в природе, а что — нет?

Отсутствие обоснованной концепции

Чем грубее разрушается природа, ускоряется вымирание видов, прерываются естественные жизненные основы человека, животных и растений, тем насущнее встает вопрос, какую природу необходимо охранять, зачем, для кого или для чего. Фактически достаточно того, что требует федеральный закон ФРГ об охране природы в § 1:

“Природу и ландшафт необходимо охранять, содержать и развивать таким образом, чтобы ... (природа)... “являлась устойчивым гарантом жизненной основы человека и предпосылкой для его отдыха”. Таким образом, охрана природы только ради человека, охра-

на природы только для человека, а не от человека?

Не показательна ли, что в проекте нового федерального закона об охране природы предусмотрена формулировка охранять природу “саму по себе” снова вычеркнута? Приветствуется прежняя принципиальная позиция нашей ма-

ОХРАНЯТЬ ПРИРОДУ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ. КАКУЮ? ДЛЯ КОГО? ДЛЯ ЧЕГО?

Г. Бибельригер

териалистической системы на эксплуатацию природы! Решение, принятое в США уже несколько лет тому назад, по которому было запрещено строительство плотины, потому что в данной реке крохотная рыбка имела свое последнее существование, в нашей стране было бы немыслимо до сегодняшнего дня.

Новая постановка задачи

В 1990 году Национальный парк “Баварский лес” существует 20 лет. Его существование и преследуемые в нем цели по охране природы затронули принципиальные вопросы, как ни в каком другом проекте классической охраны природы за последние годы, спровоцировали, раздражали, но и очаровали в равной степени, крестьян, лесников, природоохранных служащих, ученых, политиков, местных жителей и туристов. Даже если слово “охрана природы” еще не встречалось в постановлении Баварского Ландтага от 11 июня 1969 года о создании Национального парка, парк спустя 20 лет — само собой разумеется после ожесточенных дискуссий — стал, может быть, самой примечательной природоохранной территорией в нашей стране. Была разработана и воплощена задача по охране природы, которая 20 лет тому назад в Федеративной Республике была еще совершенно неизвестна: не охрана определенных видов, охрана определенных биотопов, которые необходимо содержать в опреде-

20 Jahre Nationalpark Bayerischer Wald. Grafenau, 1990. S. 2-8. Печатается с сокращениями.

ленном состоянии, а охрана по возможности неуправляемого, естественного развития симбиоза по закономерностям их внутренней жизни, стала приоритетной целью охраны природы в Национальном парке.

Но оправдана ли цель, которая одновременно вызывает одобрение и возражение? Концепция охраны природы, которая радикально изменяет для людей в зависимости от их восприятия картину своей родины. Концепция, которая ставит под сомнение представления о значении, последствия которой некоторые сограждане в соседних общинах рассматривают как недостойкие и даже аморальные. Концепция, которая раздражает также и защитников видов, просто злит, потому что определенным, популярным, привлекательным видам крупных животных принципиально не придается большого «значения» по сравнению с бесчисленными невзрачными, маленькими живыми существами. В 20-й год существования Национального парка наступило время дать обоснованные и полные ответы на это или, по крайней мере, попробовать это сделать.

Ответы можно искать и найти в двух направлениях. Один исходит из признания собственного значения растений и животных, второй — из радости созерцания природы, желания многих людей встретиться с первозданной природой, узнать и понять ее.

Этическое обоснование

Библия знает два сообщения о сотворении мира. В первой книге Моисея, в первой главе, речь идет о том, что человек должен бы подчинить себе землю. Во второй главе первой книги Моисея дается поручение возделывать и сохранить землю. На первый взгляд кажется, что здесь открывается противоречие. Но если следовать обоснованным теологическим толкованиям и интерпретациям, которые основываются на тщательном изучении источников, тогда выясняется, что в каждом сообщении о сотворении мира жизнь понимают как «дар бога». Бог является источником жизни, не человек. Расте-

ния и животные являются созданиями, не просто бутафорией как любые полезные вещи! И человек должен не «господствовать» и «подчинять», а — правильно интерпретировав — речь идет о благословении бога человеку, которое должно направить его на то, чтобы «совместно жить» с его (бога) созданиями.

Тем самым, подводится фундамент под сегодняшнюю христианскую точку зрения, согласно которой природа, растения и животные обладают автономным правом на жизнь, собственным значением перед богом-творцом — независимо от того, приносят они человеку пользу или нет. Само собой разумеется, это не исключает того, чтобы человек занимал особое положение в сотворенном мире. С точки зрения библии он является подобием творца и как таковой должен использовать дары природы, растения и животных, использовать для себя, но не опустошать, разорять и истреблять. Альберт Швайцер (Albert Schweitzer) крайне метко сформулировал это таким образом: «Я являюсь жизнью, которая хочет жить, окруженная жизнью, которая хочет жить».

Кроме того, теперь везде признается, что, по крайней мере, более высокие живые организмы являются субъектами, жизнь которых имеет цель. Нашим признанием является то, чтобы ответственно разделить жизненное пространство с созданиями (бога); ответственно в настоящем и ответственно перед будущим человека и перед Природой, существующей вне человека. Но и для не христиан эта точка зрения на природу не является требованием. Конрад Лоренц (Konrad Lorenz), явный атеист, полагал, что красота, функциональность, целенаправленность эволюции и, наконец, благоговение перед тайной жизни, были бы достаточной причиной, чтобы не разрушать ее.

Узкая точка зрения на природу

Другой причиной, которая дает право на существование концепции охраны природы в Национальном парке, яв-

ляется антропоцентрическая причина, относящаяся к человеку, даже если тем самым задеваются чувства и ставятся под сомнение представления о значимости. Люди, которые живут в Баварском лесу, называются лесными. Они жили в течение поколений лесом и с лесом вместе, который и сегодня вместе с богемскими лесами образует самую большую взаимосвязанную лесную территорию Средней Европы. Ваша картина леса, да и множества наших сограждан, накладывает отпечаток леса, полезного для лесного хозяйства, “прекрасного, зеленого леса, там, где поет дрозд”. Хозяйственные леса являются действительно зелеными, ничего, кроме зеленого, независимо от времени года, когда лиственные деревья сбросили листву. Эта такая зеленая зелень включает в себя — неосознанно — представление о жизни, о живущих деревьях, живущих лесах. Смерти нет в них места. Смерть деревьев в промысловом лесу, миллионов зеленых деревьев, причиной которой явилась моторная пила, происходит в больших масштабах никем незамеченной. Мысль об этом вытесняется или компенсируется практической ценностью дерева. Против этого ничего нельзя возразить. Но это представление односторонне сужено. Это проявляется в том, что умершие естественным образом деревья в нашем представлении о лесе не имеют места. Они нарушают картину. Обычно их перепиливают, даже если дерево больше не годится на дрова!

Эстетические представления человека о ландшафте основываются на дошедших до нас, сохранных в памяти картинах и воспоминаниях. Неосознанная основная потребность в гармонии с окружающей природой, окружающим ландшафтом облегчает идентификацию местности, в которой живут люди. Народная мудрость использует для этого понятие “родина”. У нас она являлась во всех случаях культурным ландшафтом, по крайней мере вплоть до последних десятилетий, прежде чем она деградировалась до цивилизованного ландшафта. Изменения таких представлений, картин и воспомина-

ний происходят медленно. Где бы их ни добивались силой, для эмоциональной адаптации необходимо значительное время. Кроме того, большинство людей устроены таким образом, что они боятся изменений в большинстве случаев тогда, когда они происходят незапланированно, ненамеренно или бесконтрольно.

Точно с такой же ситуацией сталкиваются деревенские жители на окраине Национального парка. Деревья умирают естественным образом, вырывает ли их на землю ураган или если короеды убивают старые ели. Высохшие деревья не рубят, не перерабатывают на дрова или деловую древесину. В лесу возникают коричневые пятна, гектарами величиной, которые воспринимаются с ужасом, потому что летом лес должен быть зеленым. Люди видят свою картину леса разрушенной и полагают из-за этого, что лес в итоге как таковой как бы разрушается!

По-видимому, в представлении многих действительным является только старый лес в качестве леса, и только старые деревья составляют в сумме лес.

Как иначе мог бы снова утвердиться стереотип — даже многими лесниками, которые, собственно, должны лучше знать, что короеды и ураган “разрушают лес”. Кто старается посмотреть на происходящее, очень быстро установил бы, что под старыми деревьями на больших площадях бесчисленные молодые деревца ждут того, чтобы получить свет и иметь возможность произрастать — богаче и многообразнее, чем было в старом лесу. Уже сейчас на большинстве площадей Национального парка, пострадавших от урагана и короедов, существует полноценный молодой лес.

Постоянным является изменение

“Panta rhe”, говорили уже древние греки, “все течет”. Это действительно удивительно, как многие люди и даже те, которые находятся с природой в тесном контакте, не осознают, что в природе ничего не бывает статического, застывшего или неподвижного. Они

не видят, что жизнь постоянно возникает и проходит, деревья возникают, растут и умирают. Леса не из камня и не вечно неизменяемы, а полны жизни. Они постоянно динамически развиваются.

В девственных лесах когда-то господствовали законы природы. Мертвые деревья были безотказной составной частью в круговороте возникновения и исчезновения. Тысячи видов растений и животных жили в таких девственных лесах, зависимые от мертвого, гниющего дерева. В хозяйственных лесах у них нет шанса на выживание. Целью Национального парка в Баварском лесу является то, чтобы такие девственные леса снова возродились. Рано ушедший Баварский министр сельского хозяйства доктор Ганс Айземанн (Hans Eisemann), без которого не было бы Национального парка, каким он является сегодня, сформулировал по поводу елей в Национальном парке, поваленных ураганом: “Мы хотим здесь снова иметь девственный лес для наших детей и внуков!”

Для переходного периода картина леса в Национальном парке может быть провокацией, в особенности, для некоторых наших пожилых сограждан, более молодые привыкают уже к этому или интересуются на окраине леса только тем, что происходит в лесу. Их жизнь запечатлена уже другими картинами, деятельностью и профессиями, чем жизнь их отцов и дедов. Таким образом, со временем и из года в год быстрее растет и эмоциональное восприятие Национального парка.

Радость в природе

Другой феномен решительно содействует восприятию (природы): все больше людей интересуются первозданной, неизменной или мало затронутой человеком, “естественной” природой. В лесах Национального парка это желание может быть выполнено. Тому, у кого еще или снова открыта душа, открывается сущность леса. В

новой форме этой такой чрезвычайно многообразной, многослойной, очаровательной экосистемы. Встречи и переживания первозданной природы становятся возможными в таком виде, в котором ей уже давно нет места в других уголках нашей страны. Таким образом, в Национальном парке добавляется задача защитить лесную природу ради ее самой как часть творения (божьего), не разрушая первозданную природу при желании и потребности сограждан встретиться с ней.

От использовании древесины в Национальном парке должны однажды полностью отказаться. И от вмешательства человека в управление, исправление, улучшение, оптимизацию — тоже! В начальные годы существования Национального парка верили еще в то, что с помощью так называемых “профилактических мероприятий по уходу за лесом” действительно можно природе подсказать выход к девственному лесу. С тех пор развитие лесов Национального парка научило другому. Наши знания о сложных жизненных процессах внутри лесных экосистем настолько ограничены, что всякое желание “искусственно создать больше природы”, сравнимо со стараниями автомеханика, который пытается своими грубыми инструментами отремонтировать точные часы. Впечатляюще проявилось то, что природа своим способом совершенно драматично, но одновременно чрезвычайно целенаправленно возвращает неустойчивые хозяйственные леса, измененные человеком, на путь естественного развития действенного леса. Учебный процесс для некоторых участвующих на месте был и является довольно болезненным, шаг к решению “оставить природу существовать” и предоставить ей право на самоопределение в Национальном парке, давался с трудом. Решения, которые должны были принимать ответственные политики, были непопулярными. То, что они были правильными, это смогут полностью оценить только те, кто придет после нас.

От редакции

Публикуемые ниже работы известного русского ученого-естественника, профессора Дмитрия Никифоровича Кайгородова (1846-1924) относятся к золотому фонду отечественной педагогической мысли и давно стали библиографической редкостью. Д.Н. Кайгородов одним из первых в России (в 1900 г.) предложил применять на школьном уровне естествознания экскурсионный метод, призывал учителей биологии учить детей любить природу. Сам ученый был противником материалистических идей, антидарвинистом, глубоко религиозным человеком, специально занимался изучением богословской литературы. При помощи естествознания он хотел развить в детях интерес и любовь к природе, лю-

бовь к родному краю и благоговеющее почитание творца вселенной — “великого разума, которым все создается и управляется в природе”. К составлению программы естествознания для трех младших классов он был привлечен по личному желанию царя Николая II, который знал его как воспитателя царской семьи. Обосновывая свою программу, ученый писал: “Мы оторвались от природы, — перестали ее *чувствовать* и перестали ее любить. Оторвавшись от природы, мы потеряли здоровье — физическое и духовное. Нужно приблизить нарастающие поколения к природе, культивируя в них любовь к ней. Нужно культивировать в школе не *мертвую науку* о природе, а *живую любовь* к природе и Божьим творениям, ее составляющим. Думается, что куль-

тивирование такой любви в большой мере приуще именно прохождению в русской школе *живого*, основанного на экскурсиях, *русского* природоведения, рассматривающего природу по ее общезитиям”.

Однако из-за того, что Д.Н. Кайгородов имел отношение к царскому дому, его взгляды в советское время были признаны реакционными, а книги не переиздавались.

Думается, публикация этих статей ученого имеет в наше время огромное значение, ибо то, что происходит сейчас на школьных уроках природоведения и биологии, требует самой серьезной критики. Дети не видят природы, учителя природы не знают.

И о воспитании какой-либо любви к природе говорить не приходится...

В.Е. Борейко

ПРИРОДА В БУДУЩЕЙ ШКОЛЕ*

Д.Н. Кайгородов

Кажется, нет двух разных мнений в вопросе о том, нужно ли ввести природу в будущую реформированную русскую школу. Все сходятся в том, что нужно. Да и как не сойтись: ведь это было какое-то громаднейшее недо-

Из книги Д.Н. Кайгородова “На разные темы, преимущественно педагогические”. СПб., 1907: Изд. А.С. Суворина.

разумение — изгнание природы из школы, — недоразумение, перед которым наши потомки будут только руками разводиться... Так вот, в виду приближения давно желанного времени, когда двери русской школы раскроются перед природой, пишущего эти строки — старого друга и поклонника приро-

* Писано в 1900 году.

ды — в последнее время все чаще и чаще стал беспокоить вопрос: как-то встретит и примет ее реформированная школа? Примет ли она ее, как богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью, которую посадит в красный угол и окружит подобающим почетом и вниманием, или же встретит с ножами, бритвами и скальпелями, безжалостно разрежет на куски, расчленит, заспиртует и засушит и распихает по шкафам, полкам и ящикам, откуда по временам будет вынимать и показывать скучающим ученикам...

Думается, в настоящую минуту будет вполне своевременно высказать несколько мыслей о задачах преподавания природоведения, — именно природоведения, а не естественной истории.

(И что за странные названия: естественная история, естествоведение. Ведь это совсем неудачные переводы, сделанные во время оно с немецких *Naturgeschichte* и *Naturkunde* — собственно: история природы и природоведение. Кто же в настоящее время называет у нас природу естеством! У немцев слово *Natur* имеет только одно значение — природа, у нас же слово „естественный” имеет еще и другой смысл, по которому человек непосвященный может, пожалуй, предположить даже существование какой-то еще другой — неестественной истории...).

Естественной истории — истории природы — собственно говоря, место только в высшей школе. Задача же средней школы научить своих питомцев ведать природу, а ведать природу это значить: уметь сознательно воспринимать впечатления от предметов и явлений окружающей природы или, другими словами, — уметь видеть, слышать и понимать природу. Научиться ведать природу — значит приобщаться к ней, быть ей не чужим, а близким, своим, — быть в состоянии сливаться с нею, чувствовать себя нераздельно

частью ее и приобщаться ее великих животворных сил, в чем именно так сильно нуждается современный культурный человек... Ведать природу — значит уметь ее наблюдать, понимать, у нее учиться, а ученье это дает пищу не только для ума, но и для души. Именно очень много дает для души — это надо помнить.

Говоря о природе, я понимаю ее в самом широком смысле слова: мир растений, мир животных, мир неорганический — во всей их гармоничной целокупности — с облаками и звездным небом включительно. Вот почему я и настаиваю именно на природоведении, вводящем ученика шаг за шагом в целокупную гармоничную природу, в противоположность теперешней естественной истории реальных училищ и кадетских корпусов, и естествоведения женских гимназий, — искусственно расчленяющих природу и предлагающих ученику разрозненные ее элементы, хотя бы и в стройной, но всетаки искусственной системе. В самом деле, что делает в настоящее время в нашей школе естественная история (а также и так называемое естествоведение)? Прежде всего она ставит непроницаемые перегородки между мирами: растительным, животным и неорганизованным (ботаника, зоология и минералогия), мирами, столь тесно связанными между собою и взаимодействующими в целокупной природе. Затем, она выхватывает, например, одно растение из леса, другое из луга, третье из степи, четвертое из пруда и т. д. и, опираясь, на равенство числа тычинок, пестиков, лепестков, и на тождество некоторых других органов, соединяет все эти чуждые друг другу по месту своего происхождения растения в одну общую группу, нисколько не озабочиваясь тем, чтобы ознакомить учащегося с растениями, характерными для леса, луга, степи, пруда и т. д. То же самое делается и с миром животных, в кото-

ром подсчитываются зубы, позвонки и т. и., но только здесь дело обстоит гораздо хуже: на уроках ботаники все-таки нет-нет да и покажется в классе цельное живое растение или цветок, на уроках же зоологии, если что и показывается, то это большею частью черепа, скелеты или обезображенные спиртовые препараты; чаще же всего рисуются на доске, или показываются на плохих рисунках учебников, пищевые каналы, нервные узлы, кровеносные сосуды и т. п. анатомические части животных, изображения которых (т. е. анатомических частей) переполнены наши учебники, всеми считающиеся за лучшие. А об образе жизни этих самых животных и об их роли в хозяйстве природы и человека — два-три слова, а иногда и совсем ничего. Это, видите ли, „ненаучно”. Ох, уж эта пресловутая, односторонне и узко понимаемая научность! Сколько зла причинила она природе в школе! Погоня за системой и „научностью” преподавания естествознания в средней школе, привела к тому, что этот полный увлекательно-интереса и глубокой поучительности предмет превратился в какую-то невозможно сухую материю, может быть, и пригодную для „гимнастики ума” (весьма сомнительной), но несомненно негодную для возвращения в учащихся любви и интереса к природе и ее наблюдению. Уродуя без разбора бритвой и иглой красоту природы, заслоняя системой от глаз учащихся дивную гармонию природы, современное преподавание естествознания в средней школе не только не привлекает к природе, но, напротив, нередко даже отвращает от нее, или, в лучшем случае, оставляет совершенно равнодушным.

Природа в школе — для гимнастики ума! Боже мой — бедная природа! Ни на что-то ты больше не годна: послужила „для гимнастики ума”, а затем, как ненужная более вещь — ступай под стол, в корзину... И разве мало

имеется в распоряжении школы разных других учебных предметов, служащих целям умственного развития, чтобы для этих же целей нужно было еще приносить в жертву и живую природу!

Нет. Не только для гимнастики ума, и не для практических только целей должна занимать природа место в школе, но для целей более высоких — для духовно нравственного и физического оздоровления нарастающих поколений, путем приобщения их к природе. Успех разных растлевающих душу новейших философий мог развиваться только на почве всеобщей оторванности от природы. Мы ужасающе безграмотны в природе (может быть, пишущему эти строки это виднее, чем кому-либо другому), а между тем закон борьбы за существование всем известен, даже первоклассникам школы. Этот пресловутый закон мог быть возведен на неподобающий ему пьедестал и продержаться на нем так долго, только благодаря все тому же массовому незнанию и непониманию живой целокупной природы. Что в природе существует борьба за существование, это знают все и популяризируют эту борьбу на все лады, — даже поэты и художники. А что в той же природе существуют и встречаются чуть не на каждом шагу сообщества и сожительства, на подкладке взаимопомощи, — содружества, любовь и альтруизм (подчас чистейшей воды) — многие ли об этом знают и многие ли об этом говорят! Достаточно вспомнить хотя бы о птичьих стаях, стадах диких животных — этих бесчисленных сообществах на основе взаимопомощи и солидарности интересов. Даже туча бессмысленной, по-видимому, саранчи, несущейся по воздуху и затмевающей солнечный свет, и та не могла бы образоваться без известной солидарности между отдельными неделимыми этого насекомого. И не в одном только мире животных, а и в мире растений, по-

всюду — сообщества и содружества: каждый лес, каждый пестреющий разнообразными цветами луг, — являются не случайным скоплением каких-нибудь деревьев или трав, а сообществом именно известных растений, которым выгоднее при данных условиях расти именно в таком сообществе, чем каждому в одиночку. Каждое дерево, каждая травка являются общественным жилищем бесчисленного множества микроскопически малых живых существ (протопластов), дружной артелью работающих для достижения известной общей цели. Мало того: существуют даже сообщества и содружества растений с животными. Многие ли об этом знают и в каких школах говорят об этом ученикам? В одних ничего не говорят, потому что в них и вообще-то не говорят о такой ничего не значащей вещи, как природа; в других же ничего не говорят (или очень мало) потому, что, вследствие расчлененности школьной природы искусственной системой, для подобных разговоров там почти нет подходящей почвы.

Приобщенные к природе путем живого школьного природоведения, нарастающие поколения будут уметь видеть и воспринимать также красоту и поэзию природы, оздоравливающее воздействие которых на дух человека много превосходит аналогичное воздействие красоты и поэзии, создаваемых человеком и за которые мы платим иногда такие большие деньги. Также человек, знакомый с миром облаков и посвященный в тайны звездного неба, не будет гулять “с поникшей долу головой”.

Что касается до упомянутой выше физически-оздоравливающей роли рационально поставленного природоведения, то в этом отношении приобщение нарастающих поколений к природе неизбежно должно привести к пониманию и верной оценке деятельных сил природы — воздуха, воды, света и проч., — их свойств и могущественно-

го воздействия на все живущее. Отсюда один шаг до правильного пользования этими силами, в видах сохранения и восстановления здоровья. Наши врачи, все проходящие через классические гимназии и затем в высшей своей специальной школе прослушивавшие только отдельные естественные науки, за редкими исключениями — плохие природоведы. Отсюда их малое внимание, малый интерес и малое доверие к целебным, оздоравливающим свойствам силам природы, отсюда же происходит и малоуспешность развития гигиены в домашнем обиходе нашей жизни. За природой вообще, наши медики, пожалуй, еще признают целебные свойства. По крайней мере, от них нередко можно слышать фразу; что лечит природа, а медицина только ей помогает, хотя самая эта помощь сплошь да рядом показывает, что смысл этой фразы далеко еще не усвоен как следует. Что же касается до целебности отдельных сил природы, как, напр. света, воздуха, воды и проч., и предпочтительности их, в большинстве случаев, искусственным лекарствам, то в этом отношении мы встречаем среди огромного большинства русских врачей лишь скептицизм и насмешку. Если в самое последнее время начинают замечаться некоторые проблески в противоположном направлении, то это — благодаря Западной Европе, и преимущественно Германии, в которой движение в пользу физических (естественных) методов лечения (природолечения, *Naturheil*) уже лет двадцать как катится широкой нарастающей волной, отдельные брызги которой начинают наконец долетать и до нас. Широкое развитие системы экскурсий в германской школе приобщает немецких врачей к природе, а в результате — многие десятки санаториев с девизом: „*Natura sanat*”.

В заключение несколько слов о практической стороне вопроса, а именно: каким путем должен быть веден в

школе предмет природоведения для того, чтобы ученики, окончивая школу, действительно умели ведать природу.

Прежде всего — устранение искусственных перегородок между отдельными царствами природы: не ботаника, зоология и минералогия, а единое Природоведение. Далее: ознакомление с природой должно вестись по ее составным частям, составляющим каждая нечто целое в самой себе: лес (чернолесье и красноелесье), луг, поле, степь, сад (парк), пруд, река, болото и друг., как общежития тех или других растений и животных, с их разнообразным взаимодействием друг на друга, с связи с неорганической природой (почва, берега, дно) и в связи с временами года.

Само собою разумеется, что краугольным камнем в преподавании такого природоведения должны быть экскурсии, экскурсии и экскурсии. Без широкого развития системы экскурсий нельзя как следует научить ведать природу. Я знаю, у многих может явиться возражение: какая же возможна широкая система экскурсий при нашем климате! Но это не так: во-первых, в нашем обширном отечестве имеются всякие климаты, и даже в таком, как петербургский (который, к слову сказать, вовсе уж не так плох, как его прославили), можно сделать в течение учебного года прекрасную серию экскурсий. Дело не в климате, а в том, что сами экскурсии у нас еще не акклиматизировались, да, по правде сказать, и стимула для того пока еще не было, вследствие схоластической „естественной истории” в школе. У нас до сих пор экскурсии служат еще, в значительной степени, каким-то пугалом для школьного начальства, тогда как Западная Европа давным давно вся экскурсирует. Все от непривычки. Стоит только хорошенько пожелать да подумать — прекрасные будем делать экскурсии. И руководители будут. Не люди только делают дело, а и дело де-

лает людей. Конечно, нельзя будет затягивать экзамены до конца мая или начала июня, а со временем, Бог даст, и совсем не будет экзаменов. Признаться, мне рисуется в далеком будущем (а может и не так уже далеко!) такой заманчивый идеал: с появлением первого зеленого листа на дереве двери всех классов (кроме последнего?) закрываются, все уроки прекращаются, кроме уроков Природоведения (преподающегося во всех классах!) и уроки переносятся в ту великую аудиторию под открытым небом, на кафедре которой восседает самый великий в мире профессор — сама Природа!..

И в самом деле, подумайте только: на дворе весна. В природе наступил великий годовой праздник обновления. Она теперь „полна животворящих сил”. Воздух ее напоен испаряющимися из молодых листьев и раскрывающихся почек эфирными, ароматными маслами, — он теперь особенно целебен. В природе „все ликует, все цветет”, — светло, весело, красиво, радостно!..

Весна

“... идет опять,

Чтобы покинутое место

Среди людей, как встарь, занять.

Она идет с надеждой новой

В неровно дышащей груди,

Блистая пышною обновой,

Цветы рождая на пути, —

Как прежде, верить не желая,

Чтоб люди кинуть не могли

Своих забот, для звуков мая”...

Она зовет к себе наших детей и нас, и дети слышат этот зов и страстно рвутся к нему на встречу, но, увы! — их не пускает школа, а нас ... мы сами себя не пускаем... Не испорченное еще жизнью, юное сердце томится и рвется к Весне — на великий праздник природы — а его за это еще наказывают ... Сколько вреда для детской души! Какая потеря для здоровья наших детей!

Пора, пора об этом подумать...

Объяснительная записка к плану программы Естествоведения для младшего центра (первых трех классов)

Ознакомление учеников с предметами окружающей их природы является наиболее целесообразным сосредоточить в младших трех классах (хотя это ознакомление, конечно, будет продолжаться и в следующих классах, но уже сравнительно в более ограниченной степени, вследствие иного характера преподавания). В младшие классы школы поступают дети в том возрасте, в котором происходит, можно сказать, самый разгар ознакомления ребенка с окружающей его природой, — в самый разгар его детских “естественноисторических” исследований: в лесу, на поле, на лугу, на реке и т. п. Поэтому, является вполне естественным и целесообразным со стороны школы пойти на встречу этой присущей каждому нормальному ребенку неотразимой потребности в ознакомлении с окружающей его природой. Школа, в лице своего сведущего в природе учителя, берет поступивших в нее детей, и водит их в тот же лес, на то же поле, тот же луг, — водит за наблюдениями и конкретными образами, собрав которые, работает затем над ними в классе, — работает, по возможности, путем живых бесед и соответствующих опытов и демонстраций.

Соответственно вышеизложенной точке зрения, преподавание Естествоведения в младших трех классах будет заключаться в рассмотрении природы по ее общежитиям, то есть по группам объектов, связанных единством местонахождения, — группам частию естественного происхождения, каковы, например: лес, луг, река и друг., частью же образовавшихся при посредстве человека, каковы: сад, поле, пруд.

Рассмотрение общежитий должно идти концентрически, а именно: каж-

дое из подлежащих рассмотрению общежитий должно по возможности пройти через все три класса, при возможном соблюдены постепенности перехода от более простых предметов и явлений каждого данного общежития, к более сложным. К концу третьего года (в третьем классе) рассмотрение каждого данного общежития должно быть закончено общим его обзором.

Само собою разумеется, что из числа приведенных в плане программы общежитий природы, в той или другой школе будут рассматриваться только те из общежитий, которые имеются налицо в данной местности. При этом преподавателю нужно предоставить свободу как в суживании или расширении изучения того или другого из общежитий, так и в ограничении самого числа их, в зависимости от местных условий и индивидуальности самого преподавателя. В котором из общежитий преподаватель более силен, на том он может и долгие держаться. Лучше хорошо разобраться в двух-трех общежитиях, чем кое-как в шести. (Примечание: порядок, в котором размещены общежития в предлагаемом при сем плане программы, не имеет никакого обязательного значения).

При преподавании Естествоведения в младших классах следует избегать систематических описаний и возможно чаще прибегать к сравнениям и доступным обобщениям. Живые предметы рассматривать преимущественно с биологической их стороны. Строение и органы животных рассматривать в связи с образом жизни этих последних. Стараться возможно чаще ставить учащихся в возможность самим открывать факты и искать им объяснения.

Само собою разумеется, что во вре-

мя классных бесед по ознакомлению с окружающей природой, преподаватель будет делать, при подходящих к тому случаях, посылки и в природу других стран и местностей.

Природа каждого из перечисленных в плане программы общежитий настолько богата и разнообразна, что, конечно, подробное и основательное ознакомление с нею не представляется возможным для трех классов школы. Поэтому преподаватель должен выбирать темы для классных бесед и занятий наиболее важные, характерные и поучительные объекты и явления, из того или другого общежития. Вместе с тем, однако, крайне желательно, чтобы ученики были ознакомлены — хотя бы иногда по одному только внешнему виду или по голосу (напр. у птиц) — с возможно большим числом объектов местной природы. Чувствовать себя среди природы — в лесу, на лугу, — как среди знакомых — это чувство имеет большое значение для души человека, — оно служит лучшим залогом тяготения к природе. Обладание хорошо развитым чувством природы ведет к духовному сближению с природой, а сближение это драгоценно для духовно-нравственного воспитания человека. Поэтому, к развитию и культивированию в своих питомцах чувства природы школа должна приложить особенную заботу.

Что касается до посещений с учениками общежитий природы, то во время таких экскурсий преподаватель должен стараться преимущественно о том, чтобы направлять внимание детей на тот или другой объект природы, среди естественной его обстановки, — наблюдать то или другое совершающееся в данный момент в природе явление, возможно ограничивая при этом всякие детальные объяснения. На подобных экскурсиях надо, главным образом, смотреть, наблюдать — запастись образами, впечатлениями, наблюде-

ниями; всяким же объяснениям, — сколько-нибудь детальным — место на уроках, в классе. При многолюдстве экскурсирующих следует стараться останавливать внимание преимущественно на предметах и явлениях удобонаблюдаемых для большого числа зрителей. Мелким предметам и необходимым подробностям — место в класса, при посредстве учебных пособий и объектов, принесенных с экскурсий.

Местности, избранные для экскурсий, должны быть хорошо знакомы преподавателю (в естественноисторическом отношении). Кроме того, для каждой отдельной экскурсии — познакомившись предварительно, и при том незадолго до экскурсии, с теми явлениями, которые происходят в данное время в природе той местности, куда предполагается сделать экскурсию — преподаватель имеет возможность определить, на какие именно элементы программы того или другого общежития он может обратить внимание своих учеников в данную экскурсию. Кроме того, если встретится надобность, преподаватель может заранее сообщить ученикам некоторые предварительные сведения относительно предстоящей экскурсии и поставить ряд вопросов, которые заранее направят внимание учеников на те или другие явления.

Что касается до количества экскурсий, какое придется сделать в каждом из трех классов в течение учебного года, то это количество трудно выразить какую-либо определенную цифрой. Оно будет в большой степени зависеть от климатических и других местных условий. Одно только несомненно, что успешность достижения целей преподавания будет находиться в прямой зависимости от количества произведенных экскурсий. Минимальное количество экскурсий в каждом классе определится по расчету, чтобы каждое из рассматриваемых общежитий было посещено два раза осенью и два раза вес-

ною, а где представится возможность, то и один, два раза зимою. Такое посещение общежитий в разные периоды разных времен года необходимо в видах наблюдения изменений, происходящих в природе во времени. При этом само собою разумеется, что во время каждой данной экскурсии могут быть посещены и два и три общежития, если это удобоисполнимо по местным условиям.

Что касается до времени производства экскурсий, то оно должно падать на учебное время.

В зимние месяцы, в течение которых в большей части России почти не придется экскурсировать, а равно и в тех из больших городов, в школах которых может быть придется по нужде ограничиться минимальным количеством экскурсий, в силу отдаленности и трудности достижения общежитий природы, — в этих случаях недостаток экскурсий должен быть компенсирован возможно широким внесением живой природы в школу, путем комнатных культур, аквариумов, террариумов, совместно с организацией разных лабораторных опытов и занятий, а также путем устройства при школах садов. Вообще, что касается до учебных пособий, то, для успешного преподавания естествоведения необходимо, чтобы школа располагала ими в возможно достаточном количестве, в особенности, что касается до наглядности преподавания и лабораторной обстановки. При этом, однако, желательно, чтобы все, что возможно и доступно, было собрано самой школой — ее учениками и учителем. Желательно, чтобы школа составила, мало-помалу, с годами, свой маленький естественно-исторический музей местной природы, и чтобы ученики школы (не только младших, но и старших классов) принимали самое деятельное участие в составлении такого музея. При этом учитель должен всячески воспитывать в своих учени-

ках чувство экономии к предметам природы, в особенности, что касается до живых объектов (как животного, так и растительного мира).

Для собирания и хранения коллекций (группируемых по общежитиям природы) необходимо иметь, по возможности рядом с классом (особым), в котором будет преподаваться естествоведение, особое помещение. Оно же будет служить и для помещения аквариумов, террариумов, а также для производства комнатных культур и лабораторных опытов. Крайне желательно также, чтобы школа могла располагать, для надобностей естествоведения хотя бы небольшим участком земли, для устройства своего учебного сада, а если возможно, то и пруда.

В зимние месяцы, в дополнение к пройденному могут быть производимы чтения избранных популярных очерков, сопровождаемые демонстрациями (с фонарем и другими).

Для руководства преподавателю в деле постановки классных опытов, демонстраций и лабораторных занятий прилагается при сем примерно составленный список таковых, сопровождаемый особою пояснительною запискою. На список этот не следует смотреть, как на нечто непременно обязательное для преподавателя: большее или меньшее исполнение его будет зависеть от местных условий и индивидуальности самого преподавателя, исходя из той основной точки зрения, что Естествоведение в младших классах имеет главною целью ознакомление детей с предметами окружающей природы и пробуждение чувства любви и тяготения к природе, для достижения какой-либо цели всегда должно быть отдаваемо предпочтение наблюдению живой природы, под открытым небом. В упомянутом списке предметы занятий распределены по рубрикам трех царств природы, при чем мир неорганический отнесен к первому классу, мир растительный —

ко второму, а мир животных — к третьему классу. Конечно, преподавателю нет надобности соблюдать непременно такой порядок, но некоторая правильность и единство в этом отношении желательны. Что касается до учебников, как пособий для учеников в общепринятом смысле этого слова, то по самому духу и существу метода преподавания естествоведения по общежитиям природы, таких учебников существовать не может, да и при указанном характере преподавания они и не могли бы иметь того значения, какое им обыкновенно приписывается: как необходимого условия успешности преподавания. Могут быть, и желательны, хрестоматии по естествоведению, для чтения в младших классах, но отнюдь не учебники, на которые могли бы возлагать свои упования и ученики и учащие.

План программы по Естествоведению для младших классов составлен лишь в самых общих чертах. Детальная разработка программ по общежитиям природы — как это вытекает из самого существа метода, положенного в основу преподавания — должна быть предоставлена педагогическим советам учебных заведений.

Для лучшего охарактеризования метода преподавания Естествоведения по общежитиям, прилагается при сем детально разработанная примерная программа сада (для средней полосы России), с примерным же распределением ее элементов по классам. Эта примерная программа может служить руководством при составлении программ тех или других общежитий природы, для школы той или другой местности России.

План программы по Естествоведению для младших трех классов средней школы общего типа

I. Сад

1) *Растительный мир*. Важнейшие плодовые деревья. Основные понятия

об их выращивании, облагораживание (прививка) и уход за ними. Важнейшие ягодные растения, их разведение и уход за ними. Важнейшие огородные овощи, их выращивание и уход за ними. Наиболее распространенные цветочные растения, их выращивание.

2) *Животный мир*. Животные, вредящие садовым растениям. Животные, приносящие пользу саду. Животные, находящиеся в саду убежище.

3) *Значение садов* для человека.

II. Лес

1) *Растительный мир*. Важнейшие (местные) древесные и кустарные породы краснолесья и чернолесья (более подробно по одному представителю из хвойных и лиственных древесных пород, прочие — внешний вид и общая характеристика). Важнейшие растения лесного почвенного покрова. Значение подлеска и почвенного покрова для леса.

2) *Животный мир*. Животные из числа вредящих лесу, приносящих ему пользу и находящихся в нем убежище.

3) *Неорганизованный мир леса*. Лесная почва и подпочва. Общие понятия о зависимости состава леса от почвы (лес на песчаной, болотистой, скалистой почве и проч.).

4) *Лес в разные времена года*. Лес в хозяйстве природы и человека.

III. Поле

1) *Растительный мир*. Важнейшие возделываемые полевые растения. Важнейшие из сорных полевых растений. Посев.

2) *Животный мир*. Животные из числа вредящих полю, приносящих ему пользу и находящихся на нем убежище.

3) *Неорганизованный мир*. Почва и подпочва; их происхождение и состав. Полевые камни (валуны). Роль перегноя в почве. Удобрение почвы. Основные приемы обработки почвы.

4) *Значение земледелия* для человека. Влияние земледелия на климат и орошение страны.

IV. Луг

1) *Растительный мир*. Важнейшие луговые травы. Заливные луга; значение речных разливов для произрастания трав.

2) *Животный мир*. Наиболее часто встречающиеся на лугу представители животного царства. Домашние животные на лугу.

3) *Значение луговых трав* в хозяйстве человека (пастбище, сено). Понятие об уходе за лугом.

V. Река

1) *Неорганизованный мир*. Вода, различные ее состояния. Течение, его причина и скорость. Зависимость уровня воды от атмосферных осадков. Половодье и мелководье. Замерзание и вскрытие реки. Движения реки (изменения русла). Подмывание и оползание берегов. Косы, отмели, перекаты, острова, их образование и заселение растительностью.

2) *Животный мир*. Важнейшие представители рыбного населения реки. Представители водного населения из других классов животных. Береговое население из животного мира.

3) *Растительный мир*. Прибрежные деревья и кусты. Важнейшие представители водных и прибрежных травянистых растений. Роль растений в жизни реки.

4) *Река в хозяйстве человека* (рыбный промысел, пути сообщения и проч.).

VI. Пруд (или озеро)

1) *Неорганизованный мир*. Вода (ис-

парение, возобновление, замерзание). Дно, его свойства и состав; изменения, вызываемые в нем притоком воды извне и отложениями из воды пруда (озера). Берега, их характер.

2) *Животный мир*. Важнейшие представители водного населения (преимущественно характерные для стоячих вод). Береговое население из животного мира.

3) *Растительный мир*. Водяные и береговые растения. Роль растений в жизни пруда (озера).

4) *Пруд (озеро) в хозяйстве человека*. Понятие о прудовом хозяйстве.

VII. Море

1) *Неорганизованный мир*. Морская вода, ее особенности. Морской прибой и его действие на берега. Обработка морскими волнами разрушенного материала берегов. Сортировка этого материала водою. Дюны. Лиманы.

2) *Животный мир*. Важнейшие представители водного и прибрежного населения из животного мира.

3) *Растительный мир*. Бедность моря растительными организмами сравнительно с сушей, причины этого явления (недостаток света, бедность газами). Важнейшие представители из числа водяных и прибрежных морских растений. Роль растений в жизни моря.

4) *Море и лиманы в хозяйстве человека* (рыбный промысел, добыча соли, пути сообщения). Климатическое значение морей.

СВЯЩЕННЫЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ КРИНИЦЫ КАК МЕСТО ВОССОЕДИНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

О.Г. Листопад, А.В. Подобайло

Одной из причин современного экологического кризиса является отрыв человека от его природных корней. Поэтому заслуживают особо внимательного рассмотрения и изучения примеры остатков таких связей либо их восстановления и создания новых. Ярким примером таких связей являются священные и мемориальные криницы. Как правило, мемориальными они становятся, когда возле них произошло какое-либо историческое событие, когда источник посетил какое-либо известное лицо, когда данный водный объект упоминается в народных легендах, сказаниях, произведениях художников, поэтов и писателей, когда данный колодец выкопал какой-нибудь добрый человек. Так, широко известна “Дзвонковая криница” в с. Новые Петровцы Вышгородского района Киевской области. Достоверно известно, что к ней приходили запорожские козаки, которые бывали в расположенном рядом Межигорском монастыре, многие исторические личности. В 1843 г. тут пребывал Тарас Шевченко, в мае 1918 г. – гетман Скоропадский. Побывали и многие писатели и художники – Павел Тычина, Арк. Казка, М. Бойчук, В. Дарда и др.

Другие водные источники, прежде всего родники и колодцы, порой получают в народе статус “священных”. Так, священной в Киевской области является криница у с. Трубовщина Яготинского района. Этот родник посвящен Святой Пятнице. Ежегодно, в июне, на десятую пятницу после Пасхи, к роднику собирается более тысячи богомольцев из разных районов Киевщины и соседних областей для освящения воды и проведения обрядов, приезжает несколько священников. Криница эта существует испокон веков. По легенде, ее оборудовал один слепой, к которому явилась Матерь Божья и попросила расчистить родник. После этого он прозрел. По рассказам местных жи-

телей, вода в кринице целебная, лечит разные заболевания. При советской власти источник несколько раз засыпали бульдозером, милиция ловила возле него богомольцев, однако родник все равно пробивался к людям. Сейчас он обустроен, возле него сооружена часовенка, поставлен крест и столы. Богомольцы кидают в родник монеты, вешают на соседние кусты куски одежды, чтобы “оставить хворобу”. Этот источник является не только местной, но и областной природно-исторической святыней.

У с. Процев Бориспольского района существует криница с подобной историей. Согласно преданиям, в давние времена тут жила женщина, которая не могла ходить. Ей приснился сон о кринице, вода которой могла вылечить. Женщина нашла родник, помыла ноги и стала ходить. С тех пор на этом месте сделали криницу. На Троицу стали постоянно проводить освящение воды. Покровителем криницы является святая Параскева.

В среднем на Киевщине, как показывают исследования Киевского эколого-культурного центра, в каждом районе имеется не менее одной-двух святых криниц.

Подобные источники почитаются и другими религиями. По информации слушателей курсов LEAD, в 60-ти километрах от Душанбе находятся почитаемые мусульманами родники “Чилючор чашма” (сорок четыре родника). В ручье, который образуют эти родники, водится в изобилии рыба. Ее легко поймать даже руками, но никто этого не делает, т. к. считается, что съевший эту рыбу умрет. А неподалеку от Иркутска есть почитаемый бурятами источник, способный излечивать от болезней и снимать “порчу”. Для этого посетители оставляют на соседних с источником деревьях уже упоминаемые выше лоскутки, вместе с которыми рассчитывают оставить и всю “нечисть”. Ин-

терсно, что обычай распространился и среди не бурятов.

Как оказалось, святые и мемориальные криницы, этот интереснейший пласт мира духовного и мира физического практически не изучен.

Тревогу вызывает то, что эта грань культуры постепенно исчезает из сознания населения. В поисках природных святынь нам чаще всего приходилось пользоваться помощью людей пожилого возраста. Молодежь об интересных природных объектах практически ничего не знает.

Святые криницы чаще всего представляют собой небольшие колодцы шахтного типа, сооружаемые на родниках, реже – в местах, где грунтовые воды подходят достаточно близко к поверхности. О многих из них люди пересказывают легенды о чудесном исцелении, о спасении от засухи. У святых криниц отправляют православные обряды в 10-ю пятницу после Воскресения Господня и Иордан. В благоустройстве святых криниц присутствует портик из дубовой древесины, стилизованный двухскатным, реже – четырехскатным теремом, имеется отмостка для наливания воды, скамейка для отдыха, большой славянский крест с иконой, убранной “рушником”, иногда – металлическая ограда.

Приписывание источникам таинственной способности вызывать дождь коренится еще в языческих представлениях. Но они сильно трансформировались за тысячелетие, прошедшее со времен крещения Руси. Во время засухи бабушки у криниц совершают обряд “відливання”, сопровождая свои действия православными молитвами.

Святые криницы известны “с деда-прадеда”. Историко-географический анализ их размещения, наложение сети криниц на карту местности XVI-XVII вв. показывает, что колодцы лежат по линиям основных транспортных путей, тяготея к системам притоков рек Трубеж, Супой, Десна, Сож, Сейм, Хорол. Чередование колодцев повторяется в интервале 35-45 км, т. е. в размерах одного обозно-пешего перехода. Население Фастовского и Васильковского районов называет такие полузабытые пути “чумацким шляхом” или “козацким шляхом”.

В местах с бурным военным прошлым схема криниц демонстрирует привязку к военным лагерям, стоянкам. Освященный источник близ с. Уляныки (Кагарлыцкий район) находится в закрытой ложине среди холмов с круговым обзором. Вода святой криницы в с. Паляниченцы (Фастовский район), где у источника стоит крест с оградой, проявила чудесные свойства во время битвы с татарами. Интересно, что факт битвы подтверждается наличием двух братских мусульманских захоронений: “Могила Шах-Мурзы” и “Могила Башин-Бея”. Вода в кринице в с. Трилисы (Фастовский район) “краснеет кровью” после дня Преображения Господня (19 августа). История говорит, что 23 августа 1652 г. восставшие Трилисы были взяты польским коронным гетманом Потоцким. Люди гетмана вырезали все село, включая младенцев, лужи крови не высохли три дня.

Неожиданностью явилась степень веры населения в сверхъестественность криниц и оберегание их от пришельцев. В с. Кулажинцы (Броварской район) жители не называют место лесного источника, считая, что чудесные свойства воды не беспредельны и иссякнут от “навалы людей”.

Некоторые криницы имеют свою специализацию: в колодце в с. Неграши – вода “долгожительства”, вода лесного источника в Бородянском районе помогает от женских болезней.

Почитаемость большинства криниц имеет религиозную основу. Некоторые криницы связаны с именами конкретных личностей: уже упомянутая криница Богдана Хмельницкого, криница царского стольника Василия Лопухина. У с. Малые Дмитровичи (Обуховский район) ключ начал бить из-под земли в том месте, где споткнулся конь князя Владимира.

Многие святые криницы имеют своих хранительниц – пожилых женщин, живущих поблизости.

Во времена гонений на религию при советской власти святые криницы часто разрушались. Оптимизм вселяет тот факт, что в последние годы наблюдается тенденция к возрождению этих святынь. Возрождение связано с легендами, действие которых про-

исходит в наши дни. Чаще всего это – вещий сон: матери больного (слепого) ребенка приснился вещий сон, в котором Мать Божья указала женщине на место, где когда-то была святая криница. Ребенок, попробовав воды из чудесной криницы, становится здоровым. После чего люди восстанавливают колодец или расчищают и обору́дуют родник.

Инициатором восстановления криницы в с. Новые Яриловичи Репкинського района Черниговской области стал священник местной церкви. Он обратился за помощью к председателю областной организации “Зелений світ”. “Зеленые” вместе с Союзом народных мастеров за несколько приездов расчистили родник, построили крест и капличку. Но лишь после освящения криницы епископом черниговским и нежинским Варлаамом к кринице потянулся и местный люд – нелегко оказалось восстановить уважение к источнику, хотя он и пользовался огромной популярностью до его фактически уничтожения в 30-е годы.

Неудивительно, что несмотря на свою “святость” и уважение среди местного населения, некоторые такие колодцы или родники уничтожаются хозяйственниками. Так, в Мироновском районе Киевской области у с. Пустовиты из-за строительства железнодорожного моста через речку Росавку недавно была загублена святая криница.

С другой стороны, нынешняя волна возрождения популярности криниц способствует тому, что проводимые “сверху” акции типа “Джерело” (проводилась в 1998 г. во исполнение поручения Президента Украины и Кабинета Министров. Поручение было в свою очередь сиинцировано обществом “Просвіта”), проходят достаточно успешно, во всяком случае об этом говорит опыт Киевской области.

Священными родники или криницы могут быть признаны благодаря своему эффектному расположению, необыкновенной минерализации воды (целебности) или же мощному выходу воды. Так, у г. Изборск Псковской области из склона горы вытекает 12 достаточно мощных родников. Молва дала название каждому из них – “Жиз-

ни”, “Здоровья”, “Богатства”, “Удачи”, “Любви” и т.д. Для получения определенного качества надо умыться (попить) из соответствующего родника. Родники известны с языческих времен, некоторые сейчас их отождествляют с 12 апостолами.

Как правило, из поколения в поколение передаются легенды об объявившихся в кринице святых иконах. В такие источники бросают монеты, черпают целебную святую воду, туда сходятся на богомолье.

Мемориальные и священные источники имеют следующие ценности.

1) Эстетическую. Многие из них придают красоту балкам и оврагам, по которым протекают, колодцы, как правило, любовно оформлены живописными беседками. Являются важным элементом ландшафта.

2) Ценность наследия как наследство природы и рук человека.

3) Историко-культурную. Многие источники связаны с именами великих людей, хранят память о важных исторических событиях, овеяны песнями и легендами.

4) Религиозную. Ключи и криницы и по сей день являются местом отправления религиозных обрядов местным населением.

5) Здравоохранительную. Некоторые источники имеют целебную воду, используемую при лечении многих заболеваний.

6) Этическую. Как памятники природы и культуры, мемориальные и священные источники имеют собственную ценность и право на опеку и защиту.

7) Образовательно-патриотическую. Многие известные источники могут стать местом воспитания любви к своей малой родине, важными объектами при обучении школьников и привлечении туристов.

8) Ресурсную. Немаловажна роль водных источников в борьбе с засухой.

Как природно-исторические святыни мемориальные и священные водные источники требуют заповедания и постоянного ухода. Интересно, что в то время, как в Киевской области нет ни одного заповеданного официально источника, в Молдове на сегодня существует без малого сорок (!) таких заповедных объектов.

Завещание

*“... Доконают голод или злота, —
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
Иль с тобой, как Лазарь встать из гроба”.*
М. Волошин.

Не скифа ль дух во мне ожил,
Чьи кости уж давно истлели
В одной из каменных могил
Кикенеиза или Скели?
Так бесконечно мне родна
В час малодушья и обиды
Покинута мной страна —
Пенорожденная Таврида.
Край солнца, моря, скал и сосен,
Край тучных нив и сладких лоз,
Зеленых зим, цветущих весен,
Край воплощенных детских грез..
Как жадно слушал я мальчишкой
Рассказы матери про Крым,
К богатствам приобщив своим
Морской голыш с кедровой шишкой.
Когда же первый раз ступил
Я на перрон Бахчисарая,
Как несказанно счастлив был
Я, воздух сладостный впивая!
А мой восторг, когда сквозь гром
Предсевастопольских тоннелей
Сверкнуло море серебром
В одном из меловых ущелий!
Как жадно бросился к нему
Я в Херсонесе, чтоб измерить
его простор и чтоб проверить
Воды соленость самому!
А первый взгляд с Байдар обрыва.
Сейчас я вижу наяву
Запечатленную так живо
Сверкающую синеву,
А этот вечер благодатный,
Поездки сказочной конец,
Когда предстал в заре закатной
Ай-Петри зубчатый венец!

В Алупку въезд. Поверх базара
Отбросил черный силуэт
На фон закатного пожара
Мечети стройный минарет.
Над ним торжественно высоко
Блестяще-юный лунный серп —
Магометанского Востока
Традиционно яркий герб.
Под рев Стамбульского органа
Гаддеж, татар и турок речь,
И запах кофе, остро-пьяный,
И бубликами пышет печь.
В чужой ли край в тот вечер летний
Меня ввела судьба моя,
Или чрез тысячелетья
В край прадедов вернулся я?
Блаженно было бесконечно
То лето — первое в Крыму,
Когда носился я беспечно
В хаосе, в парке. Одному
Хотелось быть, чтоб пить запоем
Дыханье моря, солнца блеск,
В полуденном чтоб слушать зное
Цикад осатанелых треск.
Под сенью Воронцовских пиний
Валяться с книжкой. Обонять
Под аркой розовых глициний
Их аромат, а там опять
К морскому берегу спускаться,
На солнце греться и купаться.
Смирняя первый детский страх —
В ладье нестись на парусах,
И у фелюжного затона
Влюбляться в рыбака Антона,
Пред тем влюбившись в целый мир,
Под вечер пить густой кефир,

И возвратившись ночью звездной,
Уснуть и грезить сладкий сон:
Прогулка по морю... Антон...
А за окном — крик сплюшки поздней.

Тех дней, тех снов уж не вернуть,
Как младость... О, если это
Счастливое, как в сказке, лето —
И отличалось чем-нибудь
От светлого блаженства рая,
То тем лишь, что порой, вздыхая, —
Я вспоминал, что и оно
Когда-то кончиться должно,

Как в мире все, что начиналось!

.....

А сколько знойных лет за “ним”

А там и осеней, и зим

За треть столетия промчалось!

Как я узнал тебя, мой край, —
Узнал на яйлинских вершинах,
В потоках, рвущих через край,
В твоих торжественных руинах!
В степях польнных в летний зной
Узнал, сгорая лютой жаждой,
В сугробах выюжною зимой,
Бродя по пояс не однажды.

Узнал в неистовстве штормов,
Ревущих грозно в такелаже,
В гексаметрах пустынных пляжей,
В прибойном грохоте валов.

Узнал в беспечном изобилье
Годов, далеких, словно сон,
И в голоде, в крови, насилье
Гражданской распри злых времен.

Рука судьбы неотвратима,
Пути ее для нас темны:
Покинул я пределы Крыма,
Как многие его сыны.

Изгнанникам иные страны
Работу дали и приют,
Но сердца не залечат раны,
Тоски душевной не уймут.

Есть много стран, где изобильней
Поля, где зеленей леса.
Тавриды вечная краса
В сердцах у нас царит всеильно.

Ее забыть — кому? Не мне ль?
Но с нею треть я прожил века,
Любил-родил-творил... Вот цель,
Вот путь извечный человека.

Здесь я недавно только взял
Высокий жизни перевал.
Могу ль забыть, катясь под гору,
Я жизни действительную пору?
Тому покоя в мире нет,
Чьи крымским ядом страждут вены,
Он жжет в отплату за измену.

Увы! Я преступил завет

Отшельника из Коктебеля:
До часа смертного в постели
Неколебим остался он.

Я ж на скитанья осужден.

Но, как Еврей старозаветный
Весь век живет мечтой заветной,
Несбыточный лелея сон —
Под старость лет узреть Сион, —

Так я мечтаю возвратиться
На склоне лет в далекий Крым,
Вдохнуть отчизны сладкий дым
И в старой сакле поселиться,
Остаток дней своих прожить
Под неизменно-ясным небом
И, свой костяк, прогретый Фебом,
В дольмене еще раз сложить.

А если ранняя кончина
Меня застигнет где-нибудь, —
Хочу недолго лишь вздремнуть
В сырой могиле на чужбине:
Пускай в Тавриду отвезут
Мой бедный прах, сухие кости,
И все ж в дольмене погребут
На циклопическом погосте...

И.И. Пузанов

24.06.1934 г.

г. Горький

Публикуется впервые.

Экологические уроки XX века. Воспоминания и размышления

Рецензия на книгу Дугласа Уинера: Douglas R. Weiner. 1999. A Little corner of freedom. Russian nature protection from Stalin to Gorbachev. University of California Press. 556 p.

Известный американский специалист в области истории природоохраны в Советском Союзе, профессор Аризонского университета Дуглас Уинер недавно издал еще одну великолепную книгу, которая в переводе на русский звучит как “Маленький уголок свободы. Русская охрана природы от Сталина до Горбачева”. Временной пласт поднят автором огромный — с середины 30-х до до конца 80-х годов. Эта книга является как бы вторым томом, изданным спустя десять лет после первого — “Models of Nature. Ecology, conservation and cultural revolution in Soviet Russia”, выпущенной издательством Индианского университета в 1988 г. (русский вариант был издан московским издательством “Прогресс” в 1991 г.) и охватывающего историю русской природоохраны с начала XX века до середины 30-х годов.

Дуглас Уинер является моим старым другом и моим учителем в области истории природоохраны, мы немало часов провели вместе в архивах Москвы и Киева, на моих глазах создавалась эта интересная книга, поэтому я несколько хотел бы отклониться от законов жанра рецензии, больше предавшись воспоминаниям и размышлениям, навеянным его книгой.

Впервые Д. Уинер приехал в СССР исследовать историю природоохраны в 1979-1980 гг., продолжил работу в 1986 г., а затем, когда были рассекречены многие архивы — с начала 90-х. Необходимо отметить, что к предмету своего исследования автор подходил не толь-

ко как историк, но социолог и философ. Так, велика заслуга автора в том, что он первый привлек внимание советских деятелей заповедного дела к ценностям заповедников, что, в конечном итоге, лежит в основе любой идеологии, любой концепции заповедного дела.

К сожалению, мы по-прежнему находимся в стороне от цивилизованного мира. Так, практически вся зарубежная литература по заповедному делу и природоохранной истории остается недоступной нашему читателю. Этих книг нельзя найти даже в “Ленинке”. Поэтому так важен взгляд на происходящее у нас со стороны, тем более таких внимательных и талантливых исследователей, как Дуглас Уинер, чья новая книга как можно скорее должна быть переведена на русский язык. Кстати, Киевский эколого-культурный центр в рамках основанной им издательской серии “История охраны природы” начиная с 1994 г. выпустил по этой теме около 20 книг, и готов издать в несколько сокращенном варианте и “Маленький уголок свободы”.

Как мягкий и добрый человек, Дуглас Уинер, естественно, даже не обмолвился о всех тех невероятных трудностях, с которыми он столкнулся у нас на своем исследовательском пути. Я знаю о них не понаслышке. Прежде всего — это необыкновенно бюрократическая система наших архивов, где все создано для того, чтобы мешать научной работе, в добавок издеваясь над исследователями. Помнится, работали

мы в архиве Российской Федерации. Дугласу удалось с большим трудом получить разрешение на просмотр секретного фонда Совмина РСФСР. У меня такой бумаги не было, и поэтому мы с Дугласом сели за один стол, и я, соблюдая конспирацию, кося правым глазом на секретные документы, быстро делал пометки в своей тетрадке. Однако бдительная архивная дама засекла нас, и устроила прилюдный разнос, почти как “врагам народа”. А через полгода архивы эти были уже открыты. Надо сказать, что некоторые здравствующие исторические личности также не очень жаловали исследователей истории природоохраны. Так, бывший министр сельского хозяйства СССР В. Мацкевич — главный организатор “царских охот” — как я его ни упрашивал, так и не захотел с нами встречаться. А когда мы вместе с Уинером приехали в заповедник к Михаилу Александровичу Заблоцкому, легендарному защитнику зубра, тот также не очень тепло поначалу встречал американского исследователя.

В своей работе историк уподобляется ходящему по лезвию бритвы. Будет не совсем откровенен — обвинят во лжи, расскажет все как есть — его назовут очернителем. Книжки Дугласа Уинера — необыкновенно честные, и поэтому вызовут не только возгласы одобрения. Первую его книгу газета “Завтра” обвинила в способствовании развалу государства, думаю, что одна из интереснейших глав новой работы о национализме в русском экологическом движении также не придется кое-кому в России по душе.

Не могу не отметить явные исторические удачи и находки “Маленького уголка свободы”. Прежде всего это анализ исторического пути Всероссийского общества охраны природы: от боевой природоохранной общественной организации до бюрократической конторы, а также раздел о природоохране во вре-

мя Великой Отечественной войны. Мне, как бывшему активному участнику Движения студенческих природоохранных дружин увлекательным показался раздел о ДОПах, анализ причин спада этого некогда влиятельного молодежного движения. Для многих читателей откровением окажется рассказ о влиятельном лысенковце, академике, Ольге Борисовне Лепешинской и ее попытках нанести удар по заповедникам еще в 30-х годах. Яркая черта как первой, так и второй книги Дугласа Уинера — это повествование об энтузиастах охраны природы, на этот раз о В.Н. Макарове, М.А. Заблоцком, В.Г. Гептнере.

Пару слов о недостатках книги. На мой взгляд, несколько схематично и бегло отражены события 70—80-х годов. Им несправедливо отведено всего около 20 процентов текста. Поэтому некоторые важнейшие экологические события выпали из поля зрения автора, например, Чернобыльская катастрофа. Мне кажется, в новой работе не хватает полноценной главы о борьбе с загрязнением, которую вели советские гигиенисты. В отличие от своей первой книги, автор отвел мало места иллюстрациям — их можно было бы привести гораздо больше.

Большое внимание Дуглас Уинер уделил разгрому советской заповедной системы в 1951 и 1961 годах, когда в общей сложности было закрыто более 10 заповедников. Совершенно справедливо автор не останавливается на отдельных личностях, или только экономических и организационных причинах, а рассматривает проблему в комплексе. Я хотел бы продолжить размышления американского историка по поводу глубинных причин уничтожения заповедников. Не могу с ним не согласиться, когда он именует заповедники последними “островами свободы” в советском тоталитарном государстве. Государство к началу 50-х годов под-

чинило себе все: личную и общественную жизнь, науку и культуру, даже природу, нещадно ее эксплуатируя и грабя. Оставались только заповедники, где, благодаря их отдаленности и природоохранным законам, сохранялась свобода. Я ознакомился в Москве с секретными архивными материалами трагедии 1951 года, и могу свидетельствовать, что среди высших руководителей СССР к ней имели отношение трое — Сталин, Берия, Маленков. Все трое вошли в историю государства советского как личности с необыкновенно тоталитарными устремлениями: Берия — руководитель репрессивного аппарата, Маленков — ответственный за проведение “Сталинского плана преобразования природы”, ну и сам Сталин, даже попал в десятку наиболее кровавых тиранов истории человечества. Естественно, понятие “свобода” для этих людей было сродни понятию “враг”.

В провидческом романе Дж. Оруэлла “1984” правители полицейского государства запретили дикую природу, поскольку она поддерживает свободу мыслей и действий (как сказал Генри Торо — “в диких местах находится сохранение мира”). Этот факт получил историческое подтверждение в СССР в 1951 году, когда Сталин лично подписал постановление о закрытии заповедников. Вполне возможно предположить, что Сталин, Берия и Маленков, как главные инициаторы погрома, отлично понимали, что участки девственной заповедной природы являются островками свободы в СССР, последним убежищем от авторитарного режима, политического принуждения, последним бастионом протеста против тоталитаризма. И должны пасть.

Совсем другая мотивация стала причиной гибели отечественных заповедников в 1961 году. Это было славное время “хрущевской оттепели”, полусвободы, и навряд ли Хрущев хотел при-

кончить “недобитые” островки свободы. Скорей всего, причиной трагедии являлся кризис ценностей заповедной природы. В своей предыдущей книге “Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы” (М., 1991, “Прогресс”) Дуглас Уинер справедливо отметил: “Если до революции [В России — В.Б.] главенствовали этические и эстетические взгляды на природу, то в советский период их сменила система представлений, кичившаяся своим наукообразием”. В конце 50-х — 60-х годах в СССР среди ученых-природоохранников существовало две главные мотивации создания заповедников: ради науки и ради народного хозяйства. Понятные для ученых, они не находили себе поддержки в советском обществе, с большим трудом выбирающемся из сталинщины.

Ни простой народ, ни руководители различного ранга не считали научную и хозяйственную мотивацию достаточными для создания новых и содержания старых заповедников. Ибо хозяйственная польза от заповедников была весьма ограничена законодательством, а научная — недоступна пониманию в силу всеобщего невежества народных масс и его руководства. Недаром в своем легендарном докладе на пленуме ЦК КПСС Хрущев издевался именно над заповедной наукой. Если бы советские деятели природоохраны проповедовали бы и другие ценности заповедной природы, их аргументация в защиту заповедной системы была бы полновесной, и трагедия 1961 года не случилась или ее последствия оказались бы менее значительны.

Кто не знает своей истории, тот осужден вновь повторить ее. К сожалению, большинство современных деятелей заповедного дела по-прежнему считают научную ценность дикой заповедной природы одной из самых главных, забывая об остальных, тем самым

подставляя систему заповедников в наше нелегкое время под новые удары. А ведь и широкая общественность, и властные структуры оказывали бы охраняемым природным территориям гораздо больше поддержки, если бы мы активно пропагандировали и другие ценности дикой заповедной природы — воспитательную, музейную, историко-культурную, образовательную, религиозную, лечебно-рекреационную, эстетическую, этическую, политическую, ценность “дикости” природы, ценность наследия, ценность дикой жизни, символическую и духовную ценности.

Чтение книг Дугласа Уинера натолкнуло меня еще на одну не очень радостную мысль. Из далекой страны к нам приехал человек, который нашел время, деньги и возможность для написания нескольких великолепных книг по истории нашей природоохраны. Но почему таких людей нет или почти нет на родной земле? Или они имеются, но им не создаются соответствующие условия? На мой взгляд, весь вопрос — в нашей природоохранной элите, которая пока, к сожалению, не осознала необходимости изучения отечественной истории природоохраны. Насколько мне известно, в США истории американской природоохраны посвящены сотни книг. Об одном только Джоне Мюире я насчитал десятки. Я уже не говорю о таких замечательных вещах, как, например, монография Родерика Нэша “Дикая природа и американский разум”, в которой исследуется история развития идеологии американского природоохранного движения, и подобную которой у нас просто пока некому написать.

Совсем немного осталось до конца 20 века. Он ждет и требует своих исследователей. И оттого, как хорошо мы будем знать его историю, зависят наши успехи в следующем столетии.

В.Е. Борейко

Киевским эколого-культурным центром в 1998-1999 гг. изданы следующие книги:

Серия: ИСТОРИЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

ВЫП. 17. В.Е. Борейко. 1998. Иллюстрированная история охраны природы: СССР, Россия, Украина, Киев. 200 стр.

Серия: ПРИРОДООХРАННАЯ ПРОПАГАНДА

ВЫП. 7. В.Т. Скуратівський. 1998. На криласах храму. Екологічні уявлення українського народу. Київ. 120 стор.

ВЫП. 8. Ф.Р. Штильмарк (сост.). 1998. Поэтическая экология. Киев. 200 стр.

ВЫП. 9. В.Е. Борейко. 1998. Пути и методы природоохранной пропаганды. Издание второе, дополненное. Киев. 280 стр.

ВЫП. 10. В.Е. Борейко. 1998. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 1. Издание второе, дополненное. Киев. 222 стр.

ВЫП. 11. Т. Горячева. 1999. Святые животные. Киев. 56 стр.

ВЫП. 12. В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко. 1999. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 2. Птицы. Издание второе, переработанное и дополненное. Киев. 172 стр.

Серия: ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

ВЫП. 7. В.Е. Борейко, О.Г. Листопад, Р.Ф. Руденко, А.В. Подобайло. 1998. Охрана местных природно-исторических святынь. Киев. 144 стр.

ВЫП. 8. В.Е. Борейко. 1998. Святылища дикой природы. Киев. 112 стр.

ВЫП. 9. В.А. Нечитайло, Н.М. Стеценко, В.Ф. Руденко, А.В. Подобайло, 1998. Охрана и культивирование растений-символов Украины, Киев, 104 стр.

ВЫП. 10. Т.Н. Павлова, 1998. Биоэтика в высшей школе, Киев, 128 стр.

ВЫП. 11. В.Е. Борейко. Прорыв в экологическую этику. Киев. 126 стр.

ВЫП. 12. Л. Грэбер. 1999. Дикая природа как священное пространство. Киев. 56 стр.

Книги можно заказать в редакции журнала

Лес: дрова или достояние культуры?

Ответ на этот вопрос пытались найти участники международной конференции “Boreal Forests of the World IV: Integrating Cultural Values into Local and Global Forest Protection”. Конференция проходила 5-11 октября 1998 г. в г. Тарту (Эстония).

Международная природоохранная организация “Сеть спасения тайги” (Taiga Rescue Network — TRN) занимается охраной бореальных лесов. Помимо акций и другой текущей работы, Сеть собирает своих членов и экспертов вместе каждые два года для обмена опытом. До сих пор участники сети обсуждали достаточно узкоспецифичные методы сохранения лесов — сертификацию лесного хозяйства, щадящие способы лесозаготовки, эффективность лесовосстановления, лоббирование принятия лесоохранного законодательства, проведение протестных акций и проч. В этот раз были приглашены также и культурологи. Свой опыт представили докладчики из Германии, Шотландии, Канады, Эстонии, России. В своих выступлениях они развили тезис, изложенный в письме-приглашении оргкомитета будущим участникам конференции: “Разрушая леса этого мира, мы не только разрушаем физически основу жизни многих видов (включая нас самих), но мы также осуществляем дегуманизацию и декультуризацию. Цель конференции — не отвлечь силы природоохранников от экологической составляющей проблемы. Напротив, — помочь нам самим понять более глубоко связь между людьми и лесами, связь, которая измеряется не только выгодой и прибылью”.

Киевским эколого-культурным центром был представлен доклад “Метафизический взгляд на древние леса”, сопровождаемый показом слайдов. Доклад вы-

звал большой интерес, а его сокращенная версия была опубликована в специальном выпуске бюлетеня Сети — Taiga News.

Интересно отметить, что накануне конференции состоялась дискуссия по программным документам TRN. Членами Киевского эколого-культурного центра было предложено не только шире внедрять неутилитарные подходы в охране лесов, но и отметить наличие у лесов неутилитарных ценностей в основном документе TRN — ее Платформе. После продолжительной дискуссии предложения были приняты и вскоре участники сети получают печатный вариант новой версии этого документа. К сожалению, не нашла поддержки другая идея — вместо термина “старовозрастные леса” ввести термин “древние леса”. По нашему мнению термин “старовозрастные леса” вызывает ассоциацию с чем-то уже отжившим свой век, что необходимо срубить, чтобы дать дорогу молодой генерации. Для лесопромышленников это просто “спелый лес”, который надо успеть пустить под топор, пока он не “переспел”. Термин же “древние леса” вызывает ассоциацию с чем-то весьма ценным, ценность которого от возраста только возрастает. Не согласились участники конференции и с нашим предложением дополнить раздел “Цели и методы” словами “развивать метафизические подходы в лесном деле: культурные, эстетические, этические, религиозные, неосознанные, духовные, научные и другие”.

Эти дискуссии показали, что предлагаемые нами подходы с трудом находят понимание даже в такой достаточно хорошо подготовленной среде. Тем более следует быть готовыми к их игнорированию в иных кругах.

О.Г. Листопад

Резолюция школы-семинара “Любовь к природе” (“Трибуна-6”)

В работе семинара приняли участие 48 человек, представлявшие неправительственные экологические организации, “зеленую” прессу, заповедники, научные институты, вузы Украины, России, Беларуси и Кыргызстана. По вопросам экологической этики, природоохранной эстетики, экологической теологии, экологической этнографии, “зеленой” мифологии было заслушано 45 докладов и сообщений, проведено 3 “круглых стола”, выпущен сборник материалов.

Участники семинара считают, что в целях осмысления гуманитарных аспектов природоохранного движения и разработки обозначенных на конференции проблем необходима организация специального научно-практического журнала, предварительно названного “Гуманитарный экологический журнал”.

Участники семинара поддерживают предложение о проведении систематических региональных школ по экологическому фольклору и традициям, организации международных чтений им. А.П. Семенова-Тян-Шанского по гуманитарной экологии, издание сборников материалов по локальному экологическому фольклору и собраний фольклора и традиций, касающихся отдельных видов фауны и флоры;

— подчеркивают необходимость создания единой библиотеки и аннотированных библиографических списков в рамках проекта “Любовь к природе”, а также рекомендуют его руководителям активизировать усилия по приобретению, переводу и изданию работ зарубежных авторов по экологической этике, эстетике, теологии, этнографии, и по оценке социальных аспектов природоохранной деятельности;

— считают необходимым добиваться гуманизации природоохранного законодательства, в частности, внесения в законодательные акты статей о необходимости сохранения эстетических, этических, иных гуманитарных ценностей и права на существование в естественных условиях всех форм жизни на Земле;

— поддерживают предложение А.А. Никольского (Москва) о введении экологической экспертизы в заповедниках и национальных парках (на зоологические и ботанические исследования, проведение охоты в охранных зонах, регуляционные отстрелы, ограниченную хозяйственную деятельность);

— поддерживает предложение К. Кобякова (Апатиты) о необходимости внесения в классификацию охраняемых природных территорий Украины и России новых категорий, призванных сохранять эстетические ценности природных объектов;

— считает необходимым изучить опыт проведения Марша парков, чтобы выявить эффективные механизмы распространения природоохранных идей и создания новых традиций;

— поддерживают предложение о создании международной ассоциации по экологической народной мудрости (эко-софии) и отмечают интересный опыт культурологического объединения “Китоврас” (Нижний Новгород), группы “Журавлиная родина” (Москва-Апатиты), Украинской молодежной экологической лиги (Киев) и факультета культурного и природного достояния Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств-ВСГА-КИ (Улан-Удэ) по изучению и популяризации экологического фольклора;

— считают крайне актуальными

работы по изучению, мониторингу социально-экономического окружения природно-заповедных территорий (ООПТ) в целях совершенствования их планирования, управления и работы с населением. На семинаре эта необходимость была наглядно продемонстрирована в докладе С. Поповой (заповедник “Большая Кокшага”) по планированию экопросвещения на основе изучения отношения местного населения к природе и заповеднику и докладами К. Горба (Днепропетровск) по изучению и влиянию на социально-экономическое окружение природно-заповедных территорий;

— считают крайне актуальным и заслуживающим всемерной поддержки почин ВСГАКИ (И. Протопопова, Т. Чойбсонова, Е. Александрова — Улан-Уде) по подготовке природоохранных кадров социальных работников: менеджеров охраняемых территорий, экологов-музеевцев, менеджеров экотуризма;

— обеспокоены тем, что новые школьные учебники по биологии, зоологии и ботанике, изданные на Украине, из-за сухости и излишней перегруженности околонучными терминами не способствуют появлению у детей интереса, понимания и любви к природе, в связи с чем требуют переработки.

В результате семинара нам стали яснее некоторые важные проблемы и задачи проекта “Любовь к природе”, в

рамках которого и был организован семинар.

Задача проекта “Любовь к природе” — осмысление охраны природы как части духовного опыта человечества, и ее изучение как социального и культурного явления.

Природоохранному движению необходимо вслух говорить о самоценности дикой природы, ее праве на жизнь, и такая прямолинейная аргументация может не менее важна для современного человека, чем другие утилитарные и гуманитарные мотивы природоохраны.

Результаты изучения народных экологических традиций широко представленные на семинаре демонстрируют многообразие духовных связей между населением конкретной местности и окружающей природой. В каждом ландшафте есть особые ключевые точки и объекты, значимые независимо от нашей воли и сознания. Именно там возникают святыни. Население становится местным тогда, когда начинает себя связывать с этими святынями. Эти объекты могут быть значимы для разных народов и разных религий.

Участники семинара благодарят Киевский эколого-культурный центр за отличную организацию школы-семинара.

Резолюция принята 7 декабря 1997 г. единогласно.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
 2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или Word for Windows 2.0–7.0. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи.
 3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
 4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
 5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.
-

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Наука и публицистика	
Шукуров Э.Д. Кризис природы и природа кризиса	4
Никольский А.А. Этика благоговения перед жизнью — против эстетики убийства	7
Мартынов А.С. Природа в сознании россиян	10
Горб К.Н., Крымцов А.А., Билявская Е.В., Степанова В.Н. Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов Украины в целях заповедания: общие положения и первый опыт	16
Грищенко В.Н. Миграции птиц и народные верования	23
Дискуссии	
Борейко В.Е., Симонов Е.А. К вопросу об этических основах заповедного дела	33
Штильмарк Ф.Р. Таинство заповедания (к обсуждению идеологии заповедного дела)	35
Штильмарк Ф.Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)	46
Борейко В.Е. Абсолютная заповедность с позиций экологической этики (Послесловие редакции)	52
Литература по абсолютной заповедности	55
Экодайджест	
Винер Д.Р. Экологическая идеология без мифов	56
Кутырев В.А. Утопическое и реальное в учении о разуме	67
Бибельригер Г. Охранять природу в национальном парке. Какую? Для кого? Для чего?	77
Из отечественной классики	
От редакции	81
Кайгородов Д.Н. Природа в будущей школе	81
Опыт работы	
Листопад О.Г., Подобайло А.В. Священные и мемориальные криницы как место воссоединения человека с природой	91
Художественный уголок	
Пузанов И.И. Завещание	94
Критика и библиография	
Борейко В.Е. Экологические уроки XX века. Воспоминания и размышления	96
Хроника и информация	
Листопад О.Г. Лес: дрова или достояние культуры?	100
Резолюция школы-семинара “Любовь к природе” (“Трибуна-6)	101